

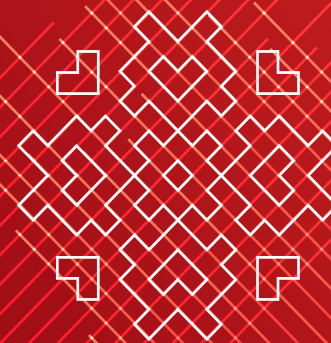
Рассмотрены проблемы, касающиеся научных подходов к изучению современных миграционных процессов на территории Центральной Сибири, этнокультурной динамики и этнической мобильности в XXI веке.

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Международной
научно-практической конференции

Красноярск, 28 ноября 2019 года

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
КРОО «Содружество просветителей Красноярья»

**СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ
В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы Международной
научно-практической конференции

Красноярск, 28 ноября 2019 года

Красноярск
СФУ
2020

УДК 314.151.3(571.1/.5)"19/20"(083)
ББК 60.723.5-34(253)гя43
С718

С718 Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 28 ноября 2019 года / отв. за вып. Н. П. Копцева. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. – 296 с.

ISBN 978-5-7638-4343-9

Рассмотрены проблемы, касающиеся научных подходов к изучению современных миграционных процессов на территории Центральной Сибири, этнокультурной динамики и этнической мобильности в XXI веке.

Предназначены для экспертов, осуществляющих практическую деятельность в сфере реализации государственной национальной политики, специалистов в области межнациональных и миграционных отношений; представителей научного сообщества, специализирующихся в области этнологии и религиоведения; преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов и студентов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

**УДК 314.151.3(571.1/.5)"19/20"(083)
ББК 60.723.5-34(253)гя43**

**Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>**

ISBN 978-5-7638-4343-9

© Сибирский федеральный университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. Современные миграционные процессы на территории Центральной Сибири: научные подходы к изучению.....	5
Парфенова Е. И., Чебакова Н. М. Биоклиматическая модель распределения плотности населения России и ее применение для прогноза возможных изменений	6
Романова С. А. Категориальная модель представления русских студентов о члене китайской культуры как фактор, обуславливающий специфику русско-китайских отношений	13
Смолина М. Г. Региональная художественная культура: аксиологический аспект.....	24
Ермаков Т. К., Резникова К. В. Использование компонентов этнической культуры в играх.....	41
Попова Ю. В. Сервис онлайн-медиации в университетской среде	53
Пчелкина Д. С. Особенности этнической манифестации коренных народов Арктической зоны России в сети Интернет.....	61
Шпак А. А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей.....	68
Пашова Э. В. Модификации архетипов в комиксах (на материале анализа серии комиксов Джерарда Уэя и Габриэля Ба «Академия Амбрелла»).....	74
СЕКЦИЯ 2. Социокультурная адаптация и интеграция мигрантов как фактор современной этнической мобильности	93
Былкова Е. С., Безгачева В. В. Оценка информационного обеспечения реализации политики переселения зарубежных соотечественников в регионах Сибирского федерального округа (2000-е годы).....	94
Тимошкин Д. О. Развитие застроенных территорий в символическом пространстве городских медиа (на примере Иркутска и Красноярска).....	102
Хонин Е. В. Деятельность Томского отделения Красного Креста в сфере адаптации и интеграции мигрантов	109
Ситяева О. С. Анализ причин образовательной миграции из Китая в Россию	117
Хребтов М. Я. Культурные ценности населения Красноярского края и актуальные миграционные процессы.....	124
Антипенко Е. Д., Луцык Д. Н., Замаева Ю. С. Специфика понимания слова «этнос» в современной молодежной среде города Красноярска (результаты ассоциативного эксперимента).....	130
Жанкова Л. А., Чистова В. А., Замаева Ю. С. Специфика культурных практик этнических групп, проживающих на территории Красноярского края	144
Сторожев Ю. О., Зборовицкая Н. Н., Гур М. Ю., Замаева Ю. С. Доминирующие культурные практики этнических групп Красноярского региона	159
Зборовицкая Н. Н., Середкина Н. Н. Образ мигранта в современном Российском кинематографе (на материале анализа фильма «Звёзды» А. Новикова-Янгвинова).....	167
СЕКЦИЯ 3. Педагогические модели обучения русскому языку как иностранному	177
Жирнова Е. А. Социокультурная адаптация иностранных студентов на основе проектного метода обучения	178

Семенова В. И. Ономастическое пространство города Иркутска и международная миграция	184
Березюк С. В. Рецепции музыкального фольклора коренных народов Сибири в современном музыкальном искусстве	194
Сатива Гамбоа Хуан Себастьян, Добряева И. С. Методы адаптивной интеграции иностранных студентов, обучающихся на неязыковых специальностях, в образовательную среду Сибирского федерального университета	204
Шиманская К. И. Медиация в современной культуре (на материале анализа музейных арт-практик Красноярского края)	208
СЕКЦИЯ 4. Федеральный, региональный и муниципальный уровни управления	215
Лузина Т. В., Елфимова О. С., Высоцкая В. Г. Оценка миграционной безопасности регионов	214
Лузан В. С., Серебрякова Д. Б. Специфика правового подхода к реализации культурной политики в условиях федеративного государства	220
Фастович Г. Г. Роль института информации в формировании миграционной политики современной России: теоретический аспект	234
Филько А. И. Особенности формирования социальных связей у дисперсно проживающих этнических групп	240
Дмитриева Т. А., Козак А. В. Образ Севера в современном искусстве (на материале анализа живописных произведений и арт-практик)	245
Дегтяренко К. А. Концептуальные основания исследования этнокультурной идентичности коренных народов	252
СЕКЦИЯ 5. Этнокультурная динамика и этническая мобильность в XXI веке	261
Гревнев В. М. Сибирская региональная идентичность как форма позитивной конвенциональности в сферах межэтнических взаимодействий и миграционной политики	262
Досумов Ж. К. Миграционный кодекс как средство правового регулирования миграции	272
Галиева А. И. Создание миграционных поселений и формирование благоприятной социокультурной адаптации	276
Ермакова А. А., Кудашкин В. А. Миграционные процессы в условиях глобализации экономики (конец XX – начало XXI века)	279
Коршунова В. В. Медиация в образовательной среде Красноярского края в контексте гармонизации межнациональных отношений	284
Кошман Т. В. Этнические процессы через призму деятельности Ассамблеи народа Казахстана	288

СЕКЦИЯ 1

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

УДК 314.116.3: 551.581.2.001.57(47+57)

Е. И. Парфенова¹, Н. М. Чебакова²

¹ Кандидат биологических наук, научный сотрудник,
Институт леса им. В. Н. Сукачева ФИЦ КНЦ СО РАН, Красноярск, Россия

² Доктор биологических наук, старший научный сотрудник,
Институт леса им. В. Н. Сукачева ФИЦ КНЦ СО РАН, Красноярск, Россия

БИОКЛИМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПЛОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ ПРОГНОЗА ВОЗМОЖНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ*

Важной особенностью России является низкая и неравномерно распределенная по территории плотность населения. Этот феномен обусловлен в большой степени климатическими причинами и размерами территории. Целью нашей работы было количественно выразить зависимость плотности населения от климатических показателей территории. Был проведен сопряженный геоинформационный анализ слоя плотности населения (зависимая переменная) с климатическими слоями, характеризующими тепло- и влагоресурсы и суровость климата (независимые переменные) территории проживания населения. Получена линейная регрессионная зависимость, объясняющая 32 % вариаций плотности населения климатическими факторами. Для выявления тенденций перераспределения плотности населения к концу текущего века мы применили полученную зависимость к прогнозным сценариям изменения климата. В результате были получены прогнозные карты распределения плотности населения по жесткому сценарию RCP 8.5 (Representative Concentration Pathways 8.5). На большей части территории России к 2080-м годам потенциальная плотность населения повысится; неизменно низкой она останется в регионах распространения вечной мерзлоты; фрагментарно понизится на южной границе. При этом дискуссионными остаются источники повышения плотности населения РФ. Демографы, используя свои закономерности, прогнозируют снижение численности населения России к середине века до 90–120 млн человек и видят выход для пополнения трудовых ресурсов в заместительной миграции. Нам представляется, что альтернативой заместительной миграции, вовлекающей Россию в «экономику незнания», может служить автоматизация и роботизация, декларируемая Индустрией 4.0.

Ключевые слова: *распределение плотности населения, климатические факторы, изменения климата, заместительная миграция, экономика незнания.*

© Парфенова Е. И., Чебакова Н. М., 2020

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта: 19-45-240004 «Прогноз эколого-экономического потенциала возможных "климатических" миграций в Ангаро-Енисейском макрорегионе в меняющемся климате 21-го века».

E. I. Parfenova, N. M. Tchebakova

Sukachev Institute of Forest FRC KSC SB RAS, Krasnoyarsk, Russia

A BIOCLIMATIC MODEL OF THE POPULATION DENSITY IN RUSSIA AND ITS APPLICATIONS TO PROGNOSSES

An important feature of Russia is the low and uneven population density distribution over a territory. This phenomenon is primarily and largely caused by climate conditions and area size. The goals of this study were to quantify the dependence of the population density on climatic factors over Russia. A paired GIS-analysis of the population density layer (a dependent variable) on climatic layers of warmth and water resources and climate severity (independent variables) over a territory was carried out. A significant linear regression was obtained that explained 32 % the population density variation by climatic factors. To identify tendencies of the population density redistribution in a warming climate by the end of the current century we applied the obtained regression to the sharp climate change scenario RCP 8.5 (Representative Concentration Pathways 8.5). Over most Russia, the potential population density would increase on average; it would remain low in permafrost regions and would decrease in fragments at the southern border by the end of the century. However, sources of the population increase in the Russian Federation remain controversial. Using their regularities, demographers predict the population size to decrease down to 90–120 mln people by the middle of the current century and see the way to replenish labor resources in the replacement migration. It seems to us that an alternative to the replacement migration involving Russia in "nescience economy" may serve automation and robotization declared by Industry-4.0.

Keywords: *population density distribution, climatic factors, climate change, replacement migration, nescience economy.*

Несмотря на развитие техники и технологий, помогающих человеку быть относительно независимым от условий окружающей среды, климатические факторы территории проживания все еще влияют на условия его жизнедеятельности [1; 2] и определяют предпочтения в расселении.

По мнению некоторых исследователей [3; 4], в России существует тенденция к депопуляции. Экономисты и географы связывают плотность населения с условиями окружающей среды, особенно с климатом. Россия по плотности населения находится на 181-м месте из 195 стран мира с показателем 8,56 чел/км² (последняя – Монголия – 2 чел/км²); а по средневзвешенной температуре холодного периода (–13,5 °С) Россия на последнем месте. Наиболее суровый климат характерен для Азиатской России (к востоку от Урала 60° в. д.), составляющей 77 % всей территории и обладающей огромными запасами полезных ископаемых и возобновляемых природных ресурсов, но испы-

тывающей дефицит трудовых ресурсов. При этом, по мнению некоторых экономистов и политологов, имея низкую плотность населения, азиатская часть России перенаселена в сравнении с равновесной биоклиматической средой других стран, например Канады [5; 6]. Однако наблюдаемое смягчение климатических условий последних лет не останавливает оттока сибирского и дальневосточного населения в западные регионы страны, несмотря на ожидаемую обратную тенденцию.

Нашей целью было найти количественную зависимость плотности населения России от ведущих климатических показателей, характеризующих энергетический потенциал территории (теплоресурсы), суровость зимних условий и влагообеспеченность. Применяв эту зависимость к доступным прогнозным сценариям изменения климата (IPCC 2013), мы получили сценарий перераспределения плотности населения к концу века по территории России.

Объекты и методы. Данные по плотности населения России были получены в виде шейп-файла из интернет-ресурса (<http://gisgeo.org/index.php?id=7#socesonom>), растеризованы и импортированы в программу TerrSet. Климатические слои сумм температур теплого периода с температурами выше 5 °С, сумм температур холодного периода с отрицательными температурами и годовых осадков для современного климата мы рассчитали путем интерполяции данных около 1 500 метеостанций на территории России. Используя процедуру MULTIREG программы TerrSet, мы провели сопряженный анализ плотности населения (зависимая переменная; рис. 1, а) с указанными климатическими показателями: суммы температур теплого и холодного периодов и индекс увлажнения, представляющий собой отношение сумм температур теплого периода к сумме годовых осадков (независимые переменные; рис. 1, б–г). Климатические слои будущего климата (2080-е годы) были рассчитаны по средней из 20 моделей общей циркуляции атмосферы различных мировых климатических центров (IPCC, 2013) и жесткому сценарию изменения климата RCP 8.5, который дает потепление климата в среднем 9 и 4 °С для январских и июльских температур соответственно и увеличение годовых осадков на 150 мм.

Результаты. Мы получили множественную линейную регрессию, связывающую плотность населения с климатическими факторами:

$$П = 8,6 + 0,017 \cdot ГДД_5 + 0,005 \cdot ДД_0 - 1,6 \cdot ИС, \quad (1)$$

где Π – плотность населения; $\Gamma\text{ДД}_5$ и ДД_0 – суммы градусо-дней теплого и холодного периода соответственно; ИС – индекс сухости.

При N (выборка) = 1 756 R (коэффициент корреляции) = 0,56; R^2 (коэффициент детерминации) = 0,32.

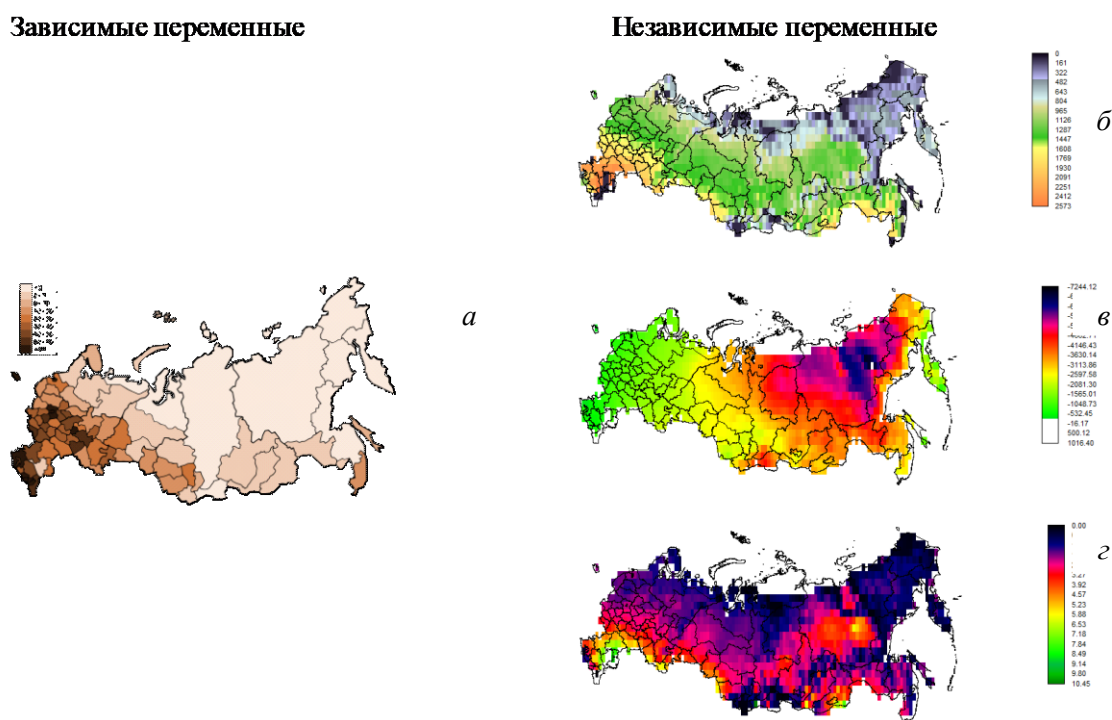

Рис. 1. Схема сопряженного анализа плотности населения (а) и климатических показателей: градусо-дней теплого периода (б); сумм отрицательных температур (в); индекса сухости (з)

На рис. 2, а показано распределение плотности населения России в современном климате, рассчитанное по уравнению (1). Используя слои климата конца текущего века (2080–2100), было рассчитано потенциальное распределение плотности населения России (рис. 2, б) и определена разница между будущей и современной плотностью населения по территории (рис. 2, в).

Обсуждение. Полученная нами регрессионная зависимость имеет не очень высокий коэффициент детерминации. Только 32 % вариаций плотности населения России можно объяснить изменениями климатических условий; причина этого в том, что для человека более весомыми факторами, чем климат, при принятии решения о выборе места поселения являются экономические, социальные, культурные условия; также большую роль играет фактор отдаленности от крупных административных центров и транспортная доступность. Тем не менее при сравнении с картами, демонстрирую-

щими плотность населения по административному делению (рис. 1, *a* и 2, *a*), можно отметить, что модельная карта более объективно отражает размещение населения для административных объектов, имеющих большое субдолготное протяжение (Красноярский край) или большую территорию со сложным горным рельефом (Республика Саха). Оптимизация полученной регрессии на базе более детальных исходных данных по плотности населения (уровня муниципальных образований), возможно, улучшит статистические показатели нашей зависимости.

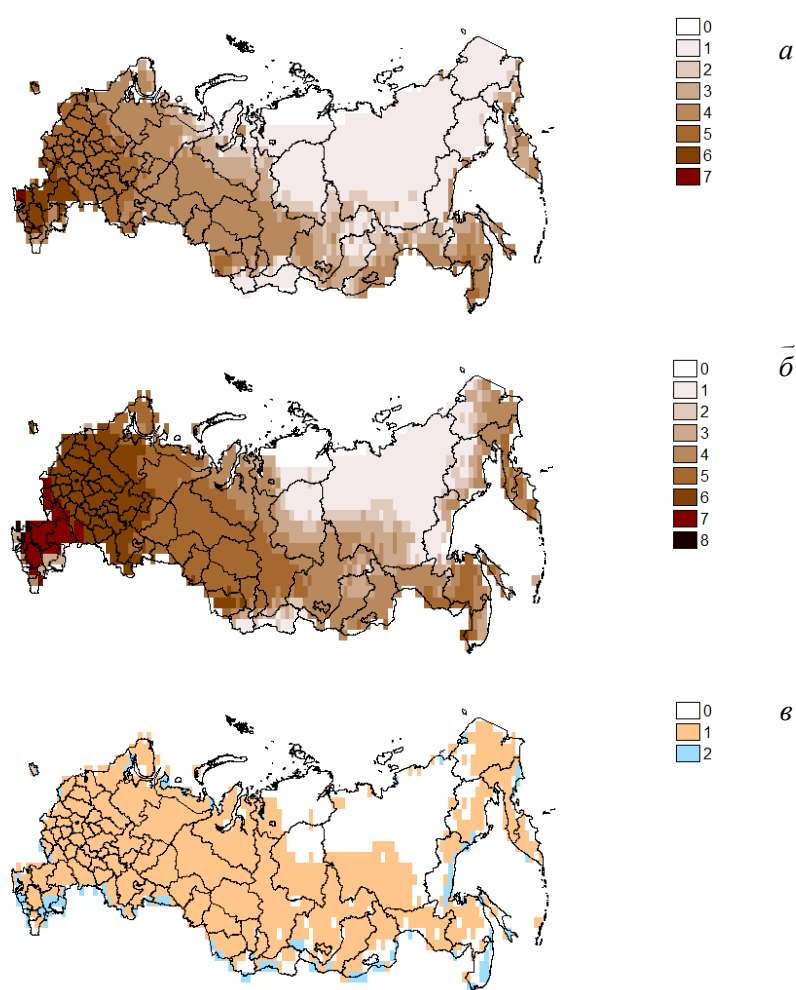

Рис. 2. Распределение плотности населения по территории России: *a* – рассчитанное по регрессионной зависимости для условий современного климата; *б* – для климата конца текущего века по жесткому сценарию гср 8.5: градации плотности населения, чел/км²: 1 – менее 2; 2 – 2–5; 3 – 5–10; 4 – 10–20; 5 – 20–30; 6 – 30–40; 7 – 40–50; 8 – 50–60; *в* – изменение плотности населения: 0 – без изменения; 1 – увеличение потенциальной плотности населения; 2 – снижение плотности населения

Биоклиматическая зависимость дала нам возможность спрогнозировать изменение емкости экологической ниши человека по климатическому фактору при прогнозных изменениях климата (рис. 2, б, в). Анализируя рис. 2, в, можно отметить, что к концу текущего века потенциальная плотность населения увеличится для большей части территории России, неизменно низкой она останется в регионах распространения вечной мерзлоты, а небольшие фрагменты снижения в приграничных южных районах, видимо, будут связаны с аридизацией этих территорий.

Такой прогноз должен вселять определенный оптимизм, но остаются неясными источники возможного повышения плотности населения. Демографы, в свою очередь, рисуют менее оптимистичные картины [3; 4]. По их расчетам, к середине текущего века численность населения России может упасть до 92–120 млн человек.

В связи с этим они предполагают, что «единственным вероятным источником роста населения России в обозримом будущем может быть только приток мигрантов» [3; 7], при этом обосновываются цифры притока заместительной миграции в 1 млн/год. Негативные стороны такого решения вопроса очевидны. Анализируя возможные территории – поставщики трудовых ресурсов для Российской Федерации, можно увидеть большие различия в культурном и образовательном уровне и мировоззренческих установках мигрантов и коренного населения.

В последнее время в связи с интенсификацией программы «Цифровая экономика» появились предпосылки для альтернативных точек зрения на проблему заместительной миграции [8–10]. Авторы задаются вопросами: Смогут ли роботы заменить людей? Какова оценка рисков автоматизации в регионах России?

По расчетам этих авторов, в большинстве регионов России более 50 % трудоспособного населения могут быть исключены из современной хозяйственной деятельности. Правда, на сегодняшний день в России уровень применения промышленных роботов существенно ниже большинства развитых стран: в России около трех промышленных роботов приходится на 10 000 работников, а в мире – в среднем около 69 [11]. Такая ситуация объясняется достаточно низкой стоимостью рабочей силы, и привлечение мигрантов из менее развитых стран может только усугубить ее. Это может привести к увеличению разрыва в производительности труда между Россией и развитыми странами. По терминологии упомянутых авторов [8], используя неквалифицированный

низкооплачиваемый труд мигрантов, Россия может пойти по пути «экономики незнания» в эпоху Индустрии 4.0.

Нам представляется, что более корректно на всех уровнях жизнедеятельности населения проблема пополнения трудовых ресурсов могла бы быть решена в рамках развития искусственного интеллекта и роботизации.

Выводы. В результате проведения сопряженного геоинформационного анализа получена регрессионная зависимость, связывающая плотность населения с климатическими условиями жизнедеятельности для территории России:

- в соответствии с прогнозом, основанным на данных Межправительственной группы экспертов по изменениям климата (МГЭИК, 2013), климат России к концу текущего века станет более благоприятным по показателям, важным для жизнедеятельности человека. Прогнозная плотность населения, рассчитанная по биоклиматической регрессионной зависимости, повысится на большей части территории России; неизменно низкой она останется в регионах с распространением вечной мерзлоты;
- несмотря на благоприятный климатический прогноз, демографические прогнозы свидетельствуют о тенденции к сокращению численности населения России к середине века до уровня 90–120 млн человек, что предлагается компенсировать внешней иммиграцией до 1 млн человек в год;
- альтернативой предлагаемой заместительной миграции может послужить автоматизация и роботизация как промышленной сферы, так и сферы услуг, особенно в регионах с суровыми климатическими условиями и низкой плотностью населения.

Библиографические ссылки

1. Заболотник С. И. Суровость климатических условий на территории России // География и природные ресурсы. 2010. № 3. С. 69–74.
2. Исаченко А. Г. Введение в экологическую географию. 2003. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та. 192 с.
3. Вишнеvский А. Г., Андреев Е. М. Население России в первой половине нового века // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 27–44.
4. Манаков А. Г., Суворков П. Э. Прогноз демографических процессов в России и странах Центральной и Восточной Азии в XXI веке // География и природные ресурсы. 2018. № 1. С. 22–30.
5. Hill F., Gaddy C. G. 2003. The Siberian curse: How communist planners left Russia out in the cold. Brookings Institution Press. Washington DC. USA. 240 p.

6. Parfenova E. I., Tchebakova N. M., Soja A. J. 2019. Assessing landscape potential for human sustainability and "attractiveness" across Asian Russia in a warmer 21st century // Environ. Res. Lett. 2019. № 14. 065004. URL: <https://doi.org/10.1088/1748-9326/ab10a8>.
7. Vishnevsky A., Shcherbakova E. 2018. A new stage of demographic change: A warning for economists // Russian Journal of Economics. 2018. № 4. P. 229–248. DOI: 10.3897/j.ruje.4.30166.
8. Земцов С. П. Смогут ли роботы заменить людей? Оценка рисков автоматизации в регионах России // Инновации. 2008. № 4. С. 2–8.
9. Земцов С. П. Цифровая экономика, риски автоматизации и структурные сдвиги в занятости в России // Социально-трудовые исследования. 2009. № 3 (36). С. 6–17. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-36-3-6-17.
10. Земцов С., Баринова В., Семёнова Р. Риски цифровизации и адаптация региональных рынков труда в России // Форсайт. 2019. Т. 13, № 2. С. 84–96.
11. Митрофанов А. 2019. Роботизация промышленности: угроза безработицы или основа экономики будущего? // Военное обозрение. 28.09.2019. URL: <https://topwar.ru/162843-robotizacija-promyshlennosti-ugroza-bezraboticy-ili-osnova-jekonomiki-buduschego.html>.

УДК 378.18:394.9(47+57)(510)

С. А. Романова

Аспирант Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ СТУДЕНТОВ О ЧЛЕНЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЙ СПЕЦИФИКУ РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Раскрыта специфика межкультурного взаимодействия между русскими и китайскими студентами на территории российского образовательного пространства. Описаны проблемы, которые могут возникать между студентами разных национальностей в ситуациях такого взаимодействия. Согласно гипотетическому положению, спецификация поведенческих паттернов субъектов межнационального общения обусловлена категориальной структурой их этнического самосознания, включающей представления о членах своей, а также чужих культур. Представлены результаты исследования категориальной структуры этнического самосознания русских студентов, которые описывают представление о члене чужой культуры, а именно китайской. Были выделены четыре группы из выборки русских студентов, насчитывающей 187 юношей и девушек, по основанию преобладающего типа этнической иден-

тичности: гиперидентичность, нормальная этническая идентичность, этническая индифферентность и гипoidентичность. Таким образом, с помощью факторного анализа было выделено три категориальных структуры у первых трех групп студентов с объясненной дисперсией 73,336, 70,340 и 76,881 % соответственно. Выводы по последней группе студентов с выраженной гипoidентичностью были сделаны на основе сравнения средних значений шкал-дескрипторов, по которым производилась оценка выраженности соответствующих характеристик у членов китайской культуры респондентами, ввиду небольшого числа последних в этой группе (всего 6 студентов). Студенты с гиперидентичностью и нормальной этнической идентичностью представляют членов китайской культуры, оперируя более позитивными категориями, такими как дружелюбный, альтруистический, разговорчивый, трудолюбивый, целеустремленный. Группы студентов с этнической индифферентностью и гипoidентичностью в представлении членов китайской культуры основываются как на позитивных, так и на негативных категориях: пассивный, хитрый, подозрительный, – которые выражены сильнее. Таким образом, был сделан вывод, что адекватная этническая идентичность обуславливает наиболее позитивное представление о члене китайской культуры, а значит, и соответствующее поведение – более охотное общение с представителями этой культуры, основанное на доверии и доброжелательности.

Ключевые слова: *категоризация, категориальная структура, этническое самосознание, межнациональное взаимодействие, этническая идентичность, русско-китайские отношения.*

S. A. Romanova

Altai State University, Barnaul, Russia

A CATEGORICAL MODEL OF THE REPRESENTATION OF RUSSIAN STUDENTS ABOUT A MEMBER OF CHINESE CULTURE AS A FACTOR DETERMINING THE SPECIFICS OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS

This article reveals the specifics of intercultural interaction between Russian and Chinese students in the Russian educational space. The problems that may arise between students of different nationalities in situations of such interaction are described. According to a hypothetical provision, the specification of behavioral patterns of subjects of interethnic communication is determined by the categorical structure of their ethnic identity, including ideas about members of their own, as well as foreign cultures. The results of a study of the categorical structure of ethnic identity of Russian students, which describe the idea of a member of a foreign culture, namely Chinese, are presented. Four groups were selected from a sample of Russian students, numbering 187 youth boys and girls, on the basis of the predominant type of ethnic identity: hyperidentity, normal ethnic identity, ethnic indifference and hypoidentity. Thus, using the factor analysis, three categorical structures were identified in the first three groups of students with an explained dispersion of 73.336,

70.340 and 76.881 %, respectively. Conclusions on the last group of students with pronounced hypoidentity were made on the basis of a comparison of the average values of the scale descriptors, according to which the severity of the corresponding characteristics of the Chinese culture was estimated by the respondents, due to the small number of the latter in this group (only 6 students). Students with hyperidentity and normal ethnic identity represent members of Chinese culture, operating in more positive categories, such as friendly, altruistic, talkative, hardworking, purposeful. Groups of students with ethnic indifference and hypoidentity in the view of members of Chinese culture are based on both positive and negative categories – passive, cunning, suspicious, which are more pronounced. Thus, it was concluded that an adequate ethnic identity determines the most positive representation of a member of Chinese culture, and therefore the corresponding behavior – more willing communication with members of this culture, based on trust and goodwill.

Keywords: *categorization, categorical structure, ethnic self-awareness, inter-ethnic cooperation, ethnic identity, Russian-Chinese relations.*

В век информатизации и глобализации Россия и Китай находятся в дружеских отношениях, что, помимо политических и экономических аспектов, проявляется в увеличении числа совместных кросс-культурных проектов, трудовых отношений и «обмене» студентами и преподавателями: граждане России уезжают учиться или работать в Китай, как и представители китайской культуры, на определенный (иногда и продолжительный) период времени приезжают в Россию с целью получения высшего образования или трудоустройства. Именно поэтому анализ русско-китайских отношений на сегодняшний день является достаточно актуальным, поскольку существенные, ощутимые различия в культуре оказывают влияние на характер этих отношений. Это может проявляться в отчуждении иностранных студентов от общения с коренными жителями, создании тесных контактов только с представителями своей этнической группы как результата противопоставления «Мы» и «Они» [1], а также в обратном направлении – аналогичном отношении русских студентов к китайским.

По нашему мнению, этнические различия оказывают не прямое, а опосредованное влияние на кросс-культурные отношения, в то время как на их характер влияет этническое сознание, точнее, его ядерная составляющая – этническая идентичность.

Этническая идентичность представляет собой проявление этнического самосознания – осознания членами этноса своей принадлежности к нему и отличий от других этносов, что проявляется в употреблении общего самоназвания. Идентификация с одним этносом и сепарация от другого тесно свя-

заны друг с другом и осуществляются в процессе категоризации, сравнения групп [2]. Этническая идентичность является составной частью социальной идентичности и характеризуется осознанием личностью своей принадлежности к определенному этносу.

Социальная категоризация, как и этническая в частности, оказывает значительное влияние на самоопределение субъекта в социальной реальности, а также на смысл и значимость его установок и поступков. Индивид разделяет социальные события и объекты по группам, а значит, систематизирует свой социальный опыт и ориентируется в социуме – определяет свое место в конкретной социальной общности. Таким образом, по Г. Тэшфелу, социальная категоризация обуславливает характер межличностных отношений, который детерминирован индивидуальными особенностями субъектов общения, а межгрупповые отношения, в свою очередь, обусловлены фактом группового членства индивидов. Значит, поведение личности в ситуации межэтнического взаимодействия обусловлено как факторами индивидуального характера (предыдущим опытом общения с представителями другой этнической общности и его частотой, особенностями воспитания и др.), так и непосредственно членством в определенной этнической группе, что предстает на уровне этнического сознания.

Этническое сознание – сочетание общих черт и отличительных особенностей этноса, к которым относятся язык, а также материальная (одежда, пища, быт) и духовная (обычаи, народное искусство, религия и др.) культура, национальный характер (стиль проявления общечеловеческих свойств психики [3].

Этническое сознание включает в себя этническое самосознание, которое и проявляется в этнической идентичности. Таким образом, на характер межэтнических отношений влияет категориальная структура этнического сознания.

Под категориальной структурой сознания мы понимаем результат упорядочивания мыслей, убеждений, представлений, отношений относительно объекта действительности, «включения» этого объекта во внутреннюю картину мира и образования взаимосвязей с другими имеющимися понятиями по субъективно обусловленным критериям [4–7]. Поскольку этническое сознание включает в себя несколько компонентов, в рамках нашего исследования будет выявлена категориальная структура этнического самосознания как более глубинного образования, которое определяет этническую принадлежность личности [8].

В рамках исследования категориальной структуры этнического самосознания русских студентов была выявлена их категориальная модель представлений о членах китайской культуры, поскольку с представителями этой этнической группы русские студенты контактируют часто, а межэтнические различия наиболее ощутимы, например, по сравнению с приезжими жителями Казахстана.

Ранее нами было проведено исследование содержания представлений у членов русской (111 человек) и китайской (40 человек) культур друг о друге [9]. Было обнаружено, что китайские студенты представляют членов обеих культур – китайской и русской, – опираясь на схожие, положительно окрашенные категории (открытый, альтруистичный, ведущий и др.), в то время как русскими студентами люди обеих национальностей представлялись как с положительной, так и с отрицательной сторон (русский характеризовался как ленивый, недобросовестный и несдержанный, а китаец – как печальный, смиренный, неразговорчивый). Был сделан вывод, что данные результаты обусловлены выпавшими ролями на группы китайских и русских студентов – «приезжих гостей» и «хозяев», где вторые соответственно относятся к приезжим на их территорию членам группы «Они». Вероятно, поэтому русские студенты с неохотой контактируют с представителями китайской национальности, тем самым препятствуя процессу ускорения адаптации приезжих студентов и процессу повышения ее эффективности.

Именно поэтому в дальнейшем был сделан акцент на более глубокое исследование категориальной структуры этнического самосознания русских студентов как принимающей стороны. Выборку исследования составили 187 студентов разных вузов Барнаула, идентифицирующие себя как русские. По результатам экспертного опроса были выделены 27 шкал-дескрипторов, по которым русские студенты оценивали членов китайской культуры. Для выделения категориальной структуры этнического самосознания был применен факторный анализ.

Была выдвинута гипотеза, что на основании определенных этнических идентичностей складываются специфические структуры самосознания, включающие в себя как отличительные, так и схожие категории, которые наполнены разным содержанием, что качественно определяет отношение и стратегию дальнейшего взаимодействия с представителями китайской культуры.

Так, выборка была поделена на четыре группы, соответствующие типам этнической идентичности Г. У. Солдатовой [10]. Деление выборки осуществ-

лялось на основании данных опросника «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой. Были выделены группы русских студентов с преобладанием:

- гиперидентичности (негативное отношение к членам другого этноса, выраженное в этноэгоизме, этноизоляционизме и этнофанатизме) – 55 студентов;
- позитивной этнической идентичности (доброжелательное отношение к чужим этносам и принятие своего) – 84 студента;
- этнической индифферентности (этничность не актуальна для человека) – 42 студента;
- этнонигилизме (непринятие своей этнической группы) – 6 студентов (данная группа представлена меньшинством, что является нормативным для генеральной совокупности).

Далее будут представлены категориальные структуры этнического самосознания русских студентов, выделенные на основании их типа этнической идентичности и объекта категоризации – члена китайской культуры.

Категориальная структура студентов с выраженной *гиперидентичностью* включает в себя категории, приведенные в табл. 1 (объясненная дисперсия факторной модели – 73,336 %).

Таблица 1

Категориальная структура молодых людей с выраженной гиперидентичностью

Фактор (категория)	Дисперсия D , %	Содержание фактора (подкатегории)
F1. Дружелюбный	14,906	Дружелюбный, сдержанный, мирный, трудолюбивый, сплоченный
F2. Излишне разговорчивый	12,800	Разговорчивый, веселый, шумный
F3. Доверчивый	10,614	Доверчивый, простой, простодушный, смиренный
F4. Нацелен на общее благо	10,190	Бережливый, целеустремленный, альтруистичный, сильный
F5. Тактичный	8,660	Аккуратный, отзывчивый, гостеприимный
F6. Застенчивый	8,360	Застенчивый, спокойный
F7. Лидирующий	7,806	Ведущий, открытый

Так, российский студент представляет китайского студента как ориентированного на труд для блага общества, целеустремленного в этом деле, сдержанного, тактичного, простого и в целом достаточно общительного. Также китайский студент характеризуется как шумный, что, вероятно, описывает образ группы членов китайской культуры. Присутствуют категории

«Застенчивый» и «Лидирующий», что может быть связано с представлением члена китайской культуры как уверенного в своей этнической группе, лидирующего и застенчивого, сдержанного (когда он один). Таким образом, вероятно, студентами с выраженной гиперидентичностью китайцы представляются на уровне группы сильной китайской нацией, т. е. подчеркивается коллективистский тип культуры, при этом на уровне отдельной личности он видится как излишне спокойный, сдержанный, в определенном аспекте не запоминающийся, возможно, даже неинтересный.

Категориальная структура студентов с выраженной *позитивной этнической идентичностью* включает в себя категории, представленные в табл. 2 (объясненная дисперсия факторной модели – 70,340 %).

Таблица 2

Категориальная структура молодых людей
с выраженной нормальной этнической идентичностью

Фактор (категория)	Дисперсия D , %	Содержание фактора (подкатегории)
F1. Помогающий	16,996	Простой, простодушный, альтруистичный, доверчивый, гостеприимный, открытый, уступчивый, отзывчивый
F2. Трудолюбивый	12,151	Трудолюбивый, бережливый, аккуратный, целеустремленный, серьезный
F3. Эмоционально устойчивый	11,973	Тихий, сдержанный, спокойный, смиренный
F4. Уверен в своих силах	9,769	Сильный, уверенный, активный
F5. Доброжелательный	6,994	Дружелюбный, мирный
F6. Ведомый	6,275	Ведомый
F7. Религиозный	6,182	Религиозный

Данная группа студентов представляет китайца как стремящегося помочь другим людям, оказать им радушие вразрез со своими желаниями и интересами (видимо, поэтому он категоризуется и как ведомый, как тот, на которого легко влиять другим). Он категоризуется как простой в общении, дружелюбный, достаточно доверчивый и отзывчивый. Также китаец представляется в категориях трудолюбия, целеустремленности, уверенности и сдержанности.

Отдельного внимания требует рассмотрение последней выделенной категории «Религиозный». На наш взгляд, данный компонент может иметь различную смысловую нагрузку: религиозный, как верующий или как представитель коллективистского типа культуры. Помимо представлений русских студентов о члене китайской культуры, были изучены их представления

о других этнических группах, а именно армянской, казахской и таджикской. Данная категория была представлена практически во всех факторных моделях, кроме категориальной структуры представления русских студентов о члене своего этноса; они категоризируются как светские. Именно поэтому появилась гипотеза, что это может быть связано с представлением о коллективистском типе культуры стран ближнего зарубежья, что, как правило, находит тесную связь с религией.

Категориальная структура студентов с выраженной *этнической индифферентностью* включает в себя категории, представленные в табл. 3 (объясненная дисперсия факторной модели – 76,881 %).

Таблица 3

Категориальная структура молодых людей
с выраженной этнической индифферентностью

Фактор (категория)	Дисперсия D, %	Содержание фактора (подкатегории)
F1. Аккуратный	18,968	Аккуратный, гостеприимный, дружелюбный, отзывчивый, мирный, трудолюбивый, бережливый, сдержанный
F2. Пассивный	18,830	Молчаливый, пассивный, слабый, тихий, застенчивый, безынициативный, уступчивый
F3. Хитрый	9,719	Хитрый, сложный
F4. Смирный	8,719	Смирный
F5. Религиозный	8,397	Религиозный, спокойный
F6. Доверчивый	6,340	Доверчивый
F7. Сплоченный	5,909	Сплоченный

Китаец категоризируется этой группой как аккуратный, что распространяется на сферу общения в целом, сферу труда, специфику эмоционального реагирования, особенности жизнедеятельности. При этом он представляется в категории «Пассивный» как не способный влиять на события жизни, а в целом тихий и неразговорчивый, смиренный, как будто он старается не показываться лишним раз. Также он видится хитрым, вместе с тем сложным, поскольку обман подразумевает сложные расчеты поведения собеседника в ответ на предоставляемую ложную информацию.

Как и предыдущая группа, студенты с этнической индифферентностью категоризируют китайца как религиозного. Но, помимо этого, данный компонент включает в себя и такую характеристику, как «Спокойный», что, видимо, объясняется типом культуры людей китайской национальности, особен-

ностями религии. Вероятно, данная категория могла образоваться благодаря знанию о медитации, что происходит от учений азиатских народов.

Интересно, что второй, третий и четвертый факторы негативно окрашены, описывают большую часть дисперсии. Отсюда можно сделать вывод, что соответствующими категориями оперирует большая часть данной группы студентов.

Нам не удалось применить факторный анализ для выделения части категориальной структуры, описывающей восприятие членов китайской этнической группы русскими студентами, поскольку данную группу составили лишь шесть респондентов. Для анализа наиболее выраженных описательных характеристик представителей китайской культуры мы сравнили их средние значения у всех четырех групп респондентов: с выраженной гиперидентичностью, нормальной этноидентичностью, этнической индифферентностью и непосредственно гипоидентичностью, что проявляется в отходе от своей этнической группы (рисунок).

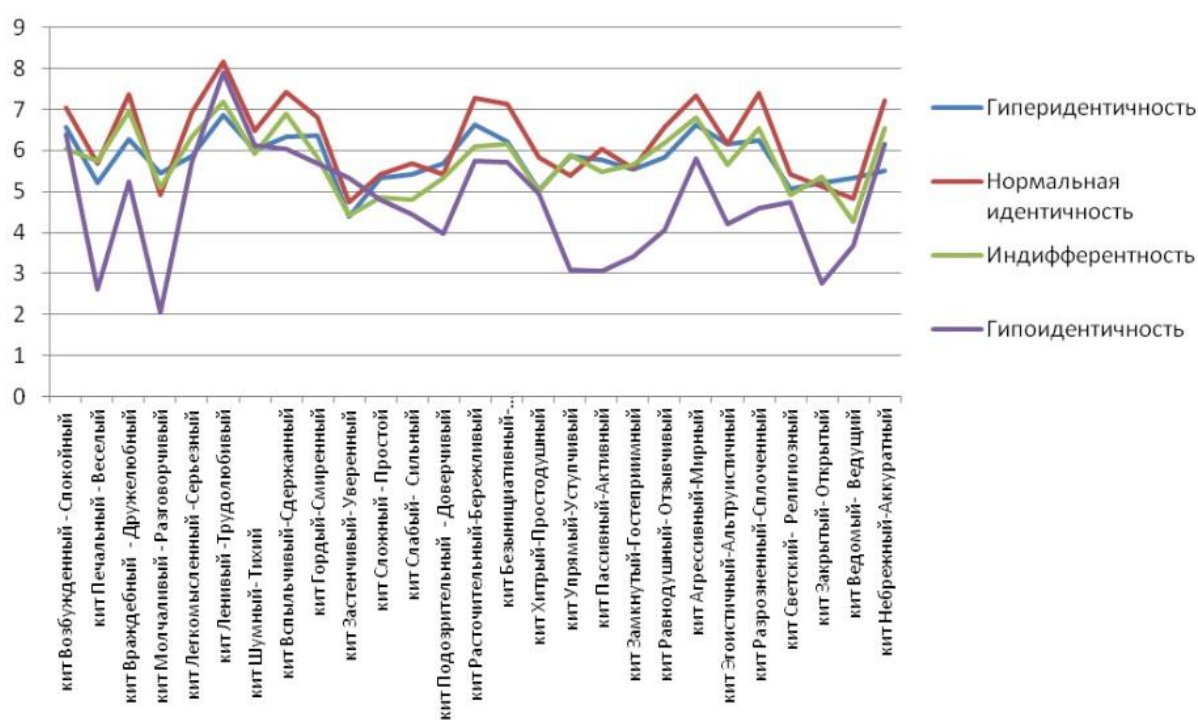

Рисунок. Выраженность категорий русских студентов с разной этнической идентичностью о членах китайской культуры

Как следует из графика, студенты с выраженной гипоидентичностью представляют китайца как спокойного, трудолюбивого, сдержанного, бережливого, мирного и аккуратного. При этом он также характеризуется как печальный, молчаливый, подозрительный, упрямый, пассивный, закрытый, что может касаться аспекта межличностного взаимодействия и обуславливать соответствующую стратегию поведения (избегание, игнорирование) русских студентов данной группы в отношении члена китайской культуры.

Таким образом, в целом наиболее позитивно представляют китайца русские студенты с выраженной гиперидентичностью и нормальной этнической идентичностью. Но, стоит отметить, что категориальные структуры у соответствующих групп наполнены немного разным содержанием. Обе группы отмечают альтруизм представителя китайской национальности, его открытость и простоту в общении. При этом группа с выраженной гиперидентичностью категоризирует скорее «обезличенного» китайца – группу в целом, в то время как у группы с нормальной этноидентичностью отмечается скорее принадлежность китайца к коллективистскому типу культуры, но в то же время подчеркиваются его положительные качества со стороны личности.

Немалую часть дисперсии объясняют категории скорее негативного характера у группы студентов с выраженной этнической индифферентностью. Они подчеркивают аккуратность и тактичность китайца в общении, но при этом категоризируют его как пассивного и достаточно сложного, готового пойти на обман.

Таким образом, в случае с категоризацией представителей китайской культуры в ментальном пространстве русской молодежи, важную роль в конструктивном, толерантном отношении к ним играет осознание своей этнической принадлежности и ее принятие. Гиперидентичность, несмотря на выраженность этнического фанатизма, эгоизма и изоляции от представителей других культур, имеет схожую черту с нормальной этнической идентичностью – важность идентификации себя как члена определенного этноса. Видимо, в случае с китайской культурой, это является ключевым фактором, поскольку более негативное отношение к их представителям характерно для той русской молодежи, которая не идентифицирует себя как русского, в одном случае, ввиду неактуальности этнической принадлежности, в другом – ввиду непринятия себя как русского, желания быть членом иной этнической группы.

В целом можно заключить, что тип этнической идентичности определяет стратегию поведения с представителем китайской культуры. Для гармонизации межнациональных отношений и выстраивания диалога культур необходимо проводить мероприятия по формированию представления российской молодежи себя как русских. Многими авторами отмечается кризис этнической идентичности в нашей стране, который обусловлен социальной, экономической и политической ситуацией [11; 12]. Многие члены русской культуры хотят мигрировать в другую страну в поисках более благоприятной жизни, некоторые уже мигрировали. Таким образом, важно формировать и поддерживать русскую идентичность российской молодежи.

Библиографические ссылки

1. Стефаненко Т. Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности // Flogiston. 2007.
2. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // Political psychology: Key readings. NY, US : Psychology Press. 2004. P. 276–293.
3. Этнография : учебник / под ред. Ю. В. Бромляя и Г. Е. Маркова. М. : Высш. шк., 1982. 320 с.
4. Дробижева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. № 5. С. 3–16.
5. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М. : Прогресс, 1977. 413 с.
6. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М. : Изд-во «Новый хронограф», 2009. 440 с.
7. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. 208 с.
8. Супрун А., Янова Н., Носов К. Метапсихология. Релятивистская психология. Квантовая психология. Психология креативности. М. : ЛЕНАНД, 2007. 512 с.
9. Романова С. А. Специфика социальной категоризации личности в контексте межэтнических отношений // Россия – Китай: история и культура : сб. ст. и докл. участников X Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2017. С. 506–510.
10. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 386 с.
11. Мухлынкина Ю. В. К вопросу формирования этнической идентичности // Науч. вестн. МГТУ ГА. 2015. № 215 (5). С. 27–33.
12. Шаожеева Н. А. Гендер и кризис традиционной этнической идентичности // Изв. Кабардино-Балкар. науч. центра РАН. 2011. № 3 (41). С. 195–199.

УДК 37.036:7.067

М. Г. Смолина

*Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения,
Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Предпринята попытка осмысления региональной художественной культуры в аспекте аксиологии, т. е. системы ценностей внутри региона и способов ее конструирования. В результате осуществлен разбор современных теорий региональной культуры, намечены контуры анализа ценностей региональной художественной культуры. В системе ценностей региональной художественной культуры выделены категории глобальных, цивилизационных, национальных и локальных идеалов. В качестве примера статья апеллирует к разнообразному материалу региональной художественной культуры.

Ключевые слова: *региональная культура, художественная культура, ценности.*

Целью данной статьи является изучение аксиологического аспекта региональной художественной культуры на основе разбора понятий и примеров регионального искусства в мировой культурной практике. Важна система ценностей регионального искусства, взаимосвязь локального и универсального в региональном, выражение языком символов и образности ценностей региональной культуры. Важна также динамика: как изменились региональные ценности в течение определенного времени. Еще не так давно искусство региона было более изолировано от центра, и благодаря этому могло существенно отличаться от происходящего в других регионах, сохранять самобытные черты дольше. Регионы были своего рода зонами консервации, в которых оседали и укоренялись художественные традиции. Подчиняясь центральной идее, регионы могли воспринимать их со своей точки зрения, более обобщенно, исходя из конкретной житейской практики, более мягко, активно ссылаясь на местную природу, историю и специфику. В последнее время проблема регионального все больше привлекает внимание исследователей, что свидетельствует об изменении отношения к регионам, их ценности. В культурологических диссертациях последнего времени происходит ак-

тивное осмысление феномена «региональная культура». Одно из отечественных исследований данного феномена – диссертация по культурологии А. В. Спиридоновой на материале Восточного Забайкалья [1]. Автор на основании концептуализации данного понятия указал на диалектику локального и универсального, характеризующую концепт региональной культуры. Доказано, что **«в функциональном отношении региональная культура призвана кодировать, хранить и транслировать локальный человеческий опыт во всех сферах деятельности населения регионального сообщества. В структурном отношении региональная культура есть совокупность институциональных и неинституциональных форм создания, хранения и распространения культурных ценностей»** [1]. В данной статье разделение институционального и неинституционального в структуре художественной культуры региона является важным. Исследователь М. Ю. Урнов в статье «Неинституциональные факторы социальной динамики – подходы к моделированию» дает определение институциональным факторам как удовлетворяющим широкому определению институтов, принятых в неинституциональных теориях [2]. Существует неинституционалистская теория, выраженная в подходах Дж. Марча и Й. Олсона, а также С. Хантингтона. Данные авторы считают, что институт – это относительно устойчивый набор правил и организованных практик. Он независим от смены персоналий, имеет относительную сопротивляемость к специфическим индивидуальным предпочтениям [3]. Отмечаются такие качества института, как воспроизводимость, значимость [4]. В отношении художественной культуры это важно, так как воспроизводимость в искусстве приводит к проблеме художественной оригинальности, и следовательно, возникает повод для общественных дискуссий. К числу же неинституциональных М. Ю. Урнов относит динамику численности и качества населения, этнокультурные и социокультурные сдвиги, изменения природной среды, динамику эмоциональных состояний общества и пр. [2]. Однако неинституциональные формы в арт-среде региона требует уточнений, которые приведены ниже.

Диалектический подход к изучению региональных культур использовали и другие авторы (Л. В. Даниленко, Т. А. Овсянникова). В последнее время исследователи стремятся к сужению поля региональных границ до городской среды, приближаясь к урбанистике: например, авторы Е. С. Манзыреева [5] и Г. Н. Гун [6]. Есть и более широкие обобщения:

изучение региональной культуры на материале определенной географической области, например, исследование Южного Урала или Восточного Забайкалья. Художественную культуру разных регионов России в 2000-е годы изучали Л. С. Вагинова [7], Н. Т. Манджиева [8], И. Г. Кондратьева [9] («Художественная культура Чувашии XX века: динамика ценностей»). Здесь мы имеем дело с феноменом «региональной культуры», представлением о регионе как целостном геокультурном пространстве. Региональная культура предстает здесь как вариант общенациональной культуры и одновременно самостоятельное явление, обладающее закономерностями развития и логикой исторического существования. Одна из функций региональной культуры – аксиологическая, формирование системы ценностей. В том числе регион может способствовать формированию целостного восприятия себя как уникального места. Появление самосознания региона в качестве уникального целого и способствует возникновению феномена «региональная культура». Данное развитие из спонтанного (эмбрионального) существования внутри большей структурной единицы к региональному самосознанию может быть аналогично становлению личности, обретению ею самостоятельности и подлинной субъектности, пониманию ею собственных ценностных ориентаций.

Обратившись к дефиниции «ценности», обнаружим, что под этим термином фактически подразумевают базовые философские, культурологические, этические и эстетические категории, категории предельного обобщения, например, такие как «истина», «добро», «красота». Также к ценностям относят «социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, справедливость, патриотизм» [10, с. 299; 11]. При этом ценности имеют свою культурную специфику: то, что признано в одной культуре, понимается противоположно в другой. **Однако яркие самобытные черты внутри некоего целого, где регион – это часть, могут быть не осознаны. Происходит эффект «домашней слепоты», когда то, что принято в регионе, считается настолько естественным, что это трудно осознать как яркую региональную особенность.**

В качестве источников методологии автор опирается на теорию культуры Д. В. Пивоварова (культура как идеалообразующая сторона жизнедеятельности людей) и представление о самоорганизующейся художественной культуре. Понятие «художественная культура» было проанализировано в диссертации М. Г. Сульберековой, где оно рассматривалось

с точки зрения единства противоположности (материального и духовного начал), а также репрезентант идеалообразующего аспекта деятельности человека. Концепция идеалообразующей стороны жизнедеятельности человека была создана теоретиком Д. В. Пивоваровым, а также развита его последователями в сфере изобразительного искусства (В. И. Жуковским, Н. П. Копцевой), что послужило методологическим основанием. Существует «горизонтальная» структура художественной культуры, которая включает в себя институционализированные формы. **Следует отметить, что все эти институты подразделяются на определенные зоны: а) производства произведений искусства; б) потребления произведений искусства; в) собственно места хранения и демонстрации произведения искусства; г) органы саморефлексии в виде художественной критики (искусствоведения), культурологии и др.**

Первые две зоны фундаментальны. Институты, служащие производству произведения искусства, – это, например, детские музыкальные и художественные школы, детские школы искусства, профильные училища и вузы с творческой специализацией, профессиональные союзы и другие организации, идеальные функции которых связаны с обеспечением условий для производства произведений искусства, с поддержкой и развитием кадрового потенциала в сфере художественной культуры. Вторая зона включает в себя институты по созданию грамотного реципиента (слушателя, читателя, зрителя): учреждения дошкольного, среднего и высшего образования, дополнительного образования в сфере искусства. Третью зону представляют на институциональном уровне галереи, музеи, выставки, благодаря которым обеспечивается площадка для взаимодействия с реципиентом. Высокая ценность третьей и четвертой зон определяется тем, что в них осуществляется посредничество между производством и потреблением. Однако очевидна и их несамостоятельность, их вторичность по отношению к первым двум. Следует отметить специфику четвертого института, который служит рамой и контуром всей структуры, поскольку обеспечивает ее самосознание – это научные институты в гуманитарной области (искусствоведение, культурология). Несмотря на тесную связь с образовательными проблемами и огромную роль идеологии просвещения, все-таки ошибочно сводить искусствоведческую, культурологическую деятельность только к образовательно-просветительской практике. Не следует предавать забвению такую функцию гуманитарной науки, как рефлексия происходя-

щих в культуре и искусстве процессов, т. е. создание общей карты состояний всех трех зон, определение и диспозицию произведений в общем пространстве художественной культуры, прогнозирование будущего состояния искусства на основе анализа настоящей художественной жизни и истории ее развития. Возможность прогнозирования развития художественной культуры ограничена, так как факторов, влияющих на данное развитие, слишком много. Познавательная деятельность в гуманитарных науках сводится к выявлению специфики, самобытности явлений, по мнению В. Виндельбанда. Однако выведение некоторых данных на основе анализа закономерностей саморазвития художественной формы вполне возможно.

Что касается неинституциональных форм художественной культуры, некоторые течения и направления в искусстве стремятся быть независимыми от институциональных структур, поэтому находят и создают свои собственные площадки (на улицах города, на природе, в квартирах, в альтернативных учреждениях, промзоне, церкви и т. д.). Речь идет о таких видах современного искусства, как, например, стрит-арт, лэнд-арт др. Протестная составляющая искусства, можно сказать, ведет свой отсчет со второй половины XIX века, а именно – с противопоставления официальной площадки для выставки «Салона отверженных» во Франции. В XX веке к альтернативным площадкам можно также отнести музеи ар-брюта, которые есть далеко не везде. Аналогичные изменения происходят также и в современных институтах производства искусства, существует внеинституциональное производство произведений искусства, осуществляемое маргинальными личностями. В этих условиях образование потенциальных художников и реципиентов также максимально расширяет свои пределы, с помощью доступа к свободной информации, при этом вопреки вероятному сопротивлению со стороны консервативных идеалов, классических, академических ценностей художественной культуры. Развитие художественной культуры предполагает постепенную институционализацию неинституциональных форм. Спонтанно возникнув, яркое явление провоцирует интерес искусствоведов и коллекционеров, что, возможно, приводит его к признанию. Обратившись к качественным характеристикам неинституциональной формы, следует отметить, что протестная составляющая в искусстве регионов как правило, слабее, чем в столичном искусстве, но в содержании художественной жизни Красноярского края и она присутствует, однако является очень органичной, соответствующей природным условиям и климату, коррелирует с непокорством как чертой сибирского характера.

Следует обратить внимание на поднятие темы экологии, коррелирующей с протестом, в арт-проектах Красноярска, существование граффити, ар-брюта.

Работы, созданные не в русле официальной традиции или на ее границе, например, А. Г. Поздеева, Ю. И. Худоногова, В. Ф. Капелько, В. И. Жуковского, составили ядро альтернативного регионального искусства XX века. Сама апелляция к более широким границам, мировым традициям и образам сделали их произведения выходящими за рамки локальных ценностей. Хотя в творчестве живописцев Ю. И. Худоногова и В. Ф. Капелько, разумеется, есть интерес к Сибири, к ее территории. Это выражается, прежде всего, в их пейзажах. Но местной тематикой они совсем не ограничиваются. А. Г. Поздеев – это художник, для которого были важны универсальные категории: человек сам по себе, природа и культура человека, жизнь и вечность. Для В. И. Жуковского вообще не важны региональные ценности, он работает в сфере личностных идей, и то, что он делает, связано с мировыми тенденциями искусства – концептуализмом, ар-брютом.

Это свидетельствует о том, что наиболее восприимчивые к мировым традициям искусства личности помогают раскрыть то, чего не хватает региональному искусству в определенный момент его становления. Одна из важнейших ценностей художественной культуры региона – ее открытость миру, готовность к диалогу с миром, поскольку именно это позволяет ей развиваться. Выразиться она может в том, как именно мастера выходят за рамки местной темы, региональных пределов. Для сравнения можно использовать две скульптуры, одна из которых сделана в неинституциональной сфере, а другая – в институциональной. Ирония и самопародия проскальзывает в работе Владимира Ильича Жуковского «Рукоусый сучок», хотя создает впечатление трехликого божества, идола, так как имеет трехное основание и трехфасадность, предполагает интерактивность: имеются подвижные, качающиеся элементы, предполагающие контакт. Деревянная скульптура члена Союза Художников России Валерия Викторовича Сысоева создана как аллюзия на тему архаического культа матери у древних народов Сибири, при этом изображение использует обобщенные мягкие плавные очертания, которым резким контрастом служат пронзающие ее прутья. Образ красноречиво ставит проблемы забытой и свергнутой архаики, живой традиции в прошлом. Творчество данного скульптора представляет неоархаическое направление в искусстве Сибири, и интересно,

что данный художник пришел из сувенирной ремесленной среды, он участвовал в профессиональных выставках с 1985 года, и только в 2001 году, в возрасте 58 лет вошел в Союз художников России. Идея художников-самородков импонирует региональному искусству, в котором меньше возможностей образовательных, но больше непосредственных неинституциональных возможностей – самообразование, общение с богатой природой, изучение истории и культуры малоизученного региона.

В контексте изучения регионализма художественная культура выступает как пространство репрезентации данного своеобразия в форме символов и знаков. Региональное проявляется в локальном (связанном с местностью), и в то же время это далеко не все, важно сопоставление с той целостностью, в которую включен регион. В регионах единой большой страны часто существенно отличаются друг от друга природные условия, климат, культура и история, что, несомненно, отражается на специфике художественной культуры: темах искусства, жанрах, видах. Тем не менее должно оставаться и то, что объединяет различные регионы страны. В истории древнерусской художественной культуры домонгольского периода сосуществуют самобытные художественные школы зодчества и иконописи, однако их близость была обеспечена единством религиозного фундамента. В советскую эпоху таким консолидирующим началом для региональных художественных культур республик СССР стал социалистический реализм как идеологическая основа. В американской художественной культуре 1930-х годов появилось течение «риджионализм» («регионализм»), общей тематикой для произведений которого являются Средний Запад (один из четырех регионов Америки) и ностальгические чувства по отношению к «подлинной Америке». Художники изображали, например, типичный культурный досуг горожанина, фермерское хозяйство, сельскую патриархальную идиллию. Например, работа **Гранта Вуда «Американская готика» (1930)** содержит иронию, но неоспоримо то, что в ней зафиксированы типичные представители традиционного общества данного региона, черты образа жизни и ценности американских фермеров. Например, элементы архитектурной традиции готики здесь служат маркером социального статуса преуспевающего буржуа. Таким образом, следование готическому стилю в частной архитектуре, а не культовой, переносит акцент на поверхностное восприятие художественных традиций. Сочетая это с атрибутами фермерского хозяйства, художник смог представить провинциализм своих героев, выраженный в том, как они преподносят себя, свое жилище и

образ жизни. Вертикализм готических элементов и вил, некоторая вытянутость пропорций фигур, суровость лиц, четкость гендерных ролей, – все это сообщает ригористичность данному образу. Важно, что художник пришел в живопись из ювелирного искусства, а проработанность деталей в передаче быта Среднего Запада характерна для американского регионализма в целом.

Здесь уместно вспомнить, что часто употребляется своего рода синоним региональной культуры – «провинциальная» культура. В этом понятии ставится акцент на удаленность от центра. Например, «русскую провинциальную культуру мы определяем как территориальное социальное и семантическое пространство России, в котором остаются глубоко укорененными качества и характеристики русской культуры» [12, с. 16]. Глубокая укорененность и традиционность становятся уделом провинциальной культуры, в этом понятии – «провинциальность» – присутствует острая оценочность, тогда как слово «региональность» дает содержание относительно новое, имеет более абстрактное и официальное значение.

В региональной художественной культуре больше долженствований, обращений к миру ценностей. Регион – это часть целого, которому он должен соответствовать. Это соответствие выражается в отношении к общегосударственной идеологии, культурной политике и национальной идее, религиозному фундаменту, поэтому ценности локального масштаба в единой связи с универсальными. При исследовании понятия региональной художественной культуры неминуемо возникает контекст употребления в связи с иерархией культур, так как кроме региональной существуют **национальная** и **мировая** художественные культуры, и их ценности также проникают в регионы, влияя на них, растворяя в них провинциальность. Творения национальной художественной культуры могут быть проиллюстрированы примером произведения архитектуры – собором Саграда Фамилия в Барселоне. Каталония – это испанский регион, столицей которой является Барселона, и он не раз пытался отстоять свою независимость от Испании. Идею храма Саграда Фамилия (Святое семейство) можно считать национальной, так как долгостроящийся собор возводит не одно поколение испанских архитекторов и строителей. Среди самых известных имен авторов – великий зодчий Антонио Гауди. Однако национальным этот проект делает не только его имя, но и то, что потребность в создании собора происходила из демократической среды, и то, что собор Саграда Фамилия строится исключительно на пожертвования самих горожан, и то,

что Гауди разрешал принимать участие в архитектурно-декоративных решениях вида Собора простым строителям. Дух Испании выражен в архитектуре Собора посредством каталонских, испано-мавританских традиций. Сама тема святого семейства обращается к сакральному центру общественной жизни всей христианской цивилизации.

Что касается произведений мировой художественной культуры, то это должны быть произведения, которые привнесли в историю всего человечества что-то новое. Однако может ли быть источником нового региональное, самобытное? Вероятен ответ «Да», но не в чистом виде, а в удачном синтезе с общечеловеческим началом. Поэтому особенной ценностью регионального художественной культуры является создание условий для выхода за узкие рамки регионального, в котором содержатся национальные, мировые ценности.

В современном мире искусства обращение к глобализированным, универсальным идеалам и полное игнорирование при этом региональной тематики – не редкость. Причина этому явлению, возможно, страх художников показаться недостаточно искренним, слишком простым, банальным. Культ оригинальности, необычности и представление о региональном как провинциальном, связанном с китчем, возможно сдерживает патриотические порывы молодого поколения. Стремление быть активным «регионалистом» может представляться для некоторых персоналий наиболее легким путем для общественного признания на региональном уровне, своего рода удобного способа продвижения по карьерной лестнице, а не выражением глубокого искреннего, личностного отношения к региону. Чувство, которое адресуется глобальному миру в целом, гораздо сильнее захватывает творческую личность, чем отношение к региону. Далеко не все авторы используют возможности обратиться к мировому адресату посредством региональных ценностей и местного художественного материала. Это проявление «домашней слепоты», в то время как иностранные и столичные исследователи искусства и художники, наоборот, видят в своеобразии региона огромный потенциал.

Аксиологический аспект региональной художественной культуры связан с проявлением, с одной стороны, ценностей локальной территории, с другой – универсальных ценностей, как правило имеющими отношение к религиозным, национальным, идеологическим категориям ценностей. Иерархия ценностей художественной культуры региона, вероятно, должна быть связана с тем, что ценности **локальные** должны подчиняться **универсальным**. Од-

современные отношения должны быть диалектичными, например, в том, что универсальные ценности должны быть достаточно свободны и широки для возможности их гармонизации с локальными.

Проблему локальности в культурах впервые затронул О. Шпенглер, теоретик, для которого существовало некоторое множество разных культур, не связанных друг с другом. Понятие «локальный» означает связь с определенным местом, территорией. Однако время здесь, вероятно, играет не меньшую роль, чем географическое местоположение, так как своеобразие «локуса» продиктовано и временным промежутком. Если рассмотреть группу *локальных ценностей*, то это, во-первых, **человеческий потенциал**: рожденные на этой земле «гении», великие люди, прославившие местность, конструируют символическое пространство благодатности данного региона для развития художественных талантов и успешной самореализации одаренных личностей. Богатство на таланты улучшает образ региона, и здесь проблема миграции имеет большое значение. В поисках лучших возможностей (лучшего образования, в частности) люди покидают регион, и только какая-то часть из них возвращается обратно, чувствуя внутреннюю связь с данным местом, испытывая ностальгию по месту своего рождения и взросления. Поэтому основной акцент по укреплению патриотических связей талантливых людей с местом их рождения нужно делать именно с помощью повышения качества детского воспитания и образования, созданию особого детского пространства. Образование дошкольников и школьников, включающее в себя воспитание эстетического отношения к региональному в природе и в культуре, несомненно, самый важный фактор в сложении самосознания населения как представителей региона. В центре Красноярска достаточно много возможностей для детей, но при этом забывают о районах города и края в целом. Антонио Грамши, итальянский философ-неомарксист, считал, что прежде всего ценно выдвижение таких интеллектуалов, которые способны вести просветительскую деятельность, создавая и высекая подобно скульптору из камня – личностей себе подобных из массы народа. Ценность человеческого ресурса для повышения имиджа региона в глазах общества требует внимания со стороны первой и второй зон (производства и потребления) упомянутой выше структуры художественной культуры.

Во-вторых, играет большую роль именно земля, территория, т. е. **природно-климатическое, географическое своеобразие местности**. Данные особенности становятся «изюминкой» в образе региона, что привлекает

к нему внимание. Здесь огромное значение имеет местный колорит, найденный в художественной литературе, представленный в живописи, скульптуре, графике, кинематографе и других произведениях. Важно для этой ценности не адекватное натуралистическое изображение, но эмоционально-выразительный язык, передающий отношение к региону: любование местной природой, бережное отношение к ней, забота или даже глубоко спрятанная тоска, грусть и ностальгия. Наиболее характерный предмет любования в живописи для сибирского региона – снег, зимний мороз (В. И. Суриков «Взятие снежного городка», Б. Я. Рязов «Морозец»), сообщающие восхищение зрителю. Другим вариантом, вызывающим чувство щемящей тоски, является время весенней распутицы, когда дороги становятся непроходимы из-за мокрой грязи, в пейзажах изображается размокшая земля дорог. Это один из характернейших мотивов русских пейзажистов XIX века (А. К. Саврасов), в которых воплотилось как время бесконечных дорог, так и просторы российской земли. Для искусства Красноярского края здесь множество тематических ниш: заповедник Столбы, река Енисей, флора и фауна Сибири. На данный момент в Красноярском крае отражение природного своеобразия региона в искусстве происходит очень активно. В работах художников можно встретить, например, символ рыбы, который является знаком енисейской местности в контексте рыболовства как традиционного промысла в Енисейской губернии (Е. Исайкина «Байкальские будни»), так и в метафизическом понимании рыбы как символа таинственных знаний (П. Павлов «Прорубь»). Если на гербе Красноярска мы видим льва с лопатой, то очевидно, что это проявление ориентаций на универсальные ценности, а не на местные: то, что представлен лев, а не животное из местной фауны, на первый план выходит культурная деятельность, а именно – трудовая активность субъекта, символизированного львом. Здание Краеведческого музея г. Красноярска оригинально подражает древнеегипетской архитектуре, а не народным сибирским формам архитектуры. При этом, взглянув на гербы районов и других городов Красноярского края, мы увидим изображения представителей местной фауны: лошади, бобры, олени, рыбы, медведи. Это также органично совпадает со степенью близости к природе данных районов и городов Красноярского края.

В-третьих, ценность **истории местности**. Местный колорит может быть образован изображением следов истории, сохранившихся на территории данной местности. Обращение к археологии, этнографии и истории культуры региона в целом порождает в искусстве определенное направление под назва-

нием «археоарт». Следует разделить произведения археоарта на те, которые рассматривают древность как источник вдохновения, и те, которые отображают следы исторического прошлого в современности (например, зарисовки быта современных представителей коренных народов Сибири). В первом подразделении археоарта могут быть некоторые произведения В. Ф. Капелько, в которых он «оживляет», «анимирует» дух прошлого с помощью своих картин и магии выбора материалов. Во втором подразделении могут оказаться произведения, в которых художник В. Ф. Капелько копирует древние петроглифы или произведения, в которых Д. И. Каратанов, А. П. Лекаренко создают портреты представителей коренных малочисленных народов. В Красноярском крае первым обратился к истории региона В. И. Суриков в исторических полотнах «Покорение Сибири Ермаком», в акварельных зарисовках пейзажей Хакасско-Минусинской котловины, а также разнообразных портретах минусинских татар. В художественном изображении традиционного костюма местного населения ценны как этнографическая точность, так и яркость, выразительность в контексте общей идеи произведения, соответствие социально-психологической характеристике персонажей.

Ценность, продиктованная условиями глобализации, для художественной культуры регионов, – **диалог культур**. С одной стороны, эта ценность противоречит тому, что называется сохранением самобытности региона, но с другой – без открытости и готовности к диалогу вообще невозможно развитие системы. На смену идеям мультикультурализма, когда каждая этнокультурная, городская или районная школа сформировала свое ярко выраженное самобытное качество, может прийти модель «плавильного котла», когда кажется ценным создать нечто качественно новое, в котором органично слились местные и мировые традиции, классические подходы и современные тенденции.

Диалог культур понимается как ценность художественной культуры в целом. Концепция диалога культур, по М. М. Бахтину, Ю. М. Лотману, В. С. Библеру, исходит из того, что «культура не имеет прописки». Диалог культур – это пространство взаимопонимания иного, отличного мира. Следует вспомнить, что диалог в философии Мартина Бубера трактуется как взаимоотношение равноправных «Я» и «Ты». В диалоге невозможно рассматривать партнеров как «вещь» среди других вещей. В диалоге проявляются эти две стороны, «Я» и «Ты», причем одно невозможно без другого. Равноправие этих двух сторон подчеркивает их взаимооборачиваемость. Исходный прин-

цип межличностного диалога лежит еще в основе майевтической беседы Сократа, изображенной в «Диалогах» Платона. Учитель, беседующий с учениками, поднимает различные сложные вопросы, и путем диалогового взаимодействия способствует взаимопониманию и отысканию истины в виде лучшего ответа на вопрос.

Вероятно, настоящий диалог должен следовать принципу эмпатии, а не симпатии. Если закон симпатии гласит: «Поступай с другими также, как ты бы хотел, чтобы они поступали с тобой», то закон эмпатии говорит о том, что следует понять, что другие действительно желали бы, как в их представлении следует поступить. Например, понимая, что означает перевод приветствия на языке другого народа, можно познакомиться и с ценностями данного народа. Знание и понимание ценностей другого народа способствует взаимному желанию культурного обмена. При этом взаимопонимание не приводит к стиранию границ национально-культурной идентичности, служит взаимообогащению, при котором каждый сохраняет свое лицо и принадлежность определенному обществу. Тем не менее диалог может иметь последствия в виде синтеза культур. В течение долгого времени культуры, обмениваясь своими продуктами, могут перемешиваться, синтезироваться и выработать новое качество. Например, искусство ислама, пришедшее на север Индии, столкнулось с самобытной традицией, в итоге сложилось индомусульманское зодчество, одним из шедевров которого является архитектурный ансамбль Тадж-Махал в Индии (XVII век). Также последствием диалога культур может являться фиксация различий между участниками диалога. Само понимание данных различий ценно, так как это обогащает участников диалога осознанием своей уникальности.

Однако для результативного диалога важно, чтобы он не сводился к двум монологам, когда одна сторона поняла что-то про себя, а другая – про себя, но при этом не возникло взаимопонимания. В художественной культуре Красноярского края особенно яркие ситуации встречи и диалога культур возникают в те моменты, когда художник в творчестве апеллирует к иной этнической культуре, к которой сам напрямую не принадлежит, и он стремится ее таким образом понять. Красноярский край представляет собой многонациональный регион, репрезентируя культурный образ России в целом. В культуре Красноярского края, начиная с творчества В. И. Сурикова и заканчивая творчеством современных художников, можно видеть множество примеров диалога культур между собой.

Условие качественного диалога – это взаимораскрытие и направленность друг на друга. Вероятно, что современная глобализация способствует диалогу культур. Сложнее с этим было до наступления современной эры. Если обратиться к тому, как видели местных аборигенов такие мастера искусства Красноярского края начала XX века, как В. И. Суриков, Д. И. Каратанов, то можно заметить, что они их прежде всего изучали с социально-психологической и антропологической точек зрения. Например, В. И. Суриков относился к минусинским татарам как к потомкам тех, кого завоевал Ермак. Конечно, его видение было отлично от самопонимания хакасов. Исторический живописец выполнял свои задачи, связанные с определенными замыслом картины, а образы хакасов для него были подготовительным материалом и средством.

Художник Д. И. Каратанов имел первостепенной целью изучить коренное население, что выражалось в объективном реалистическом, документально-протокольном зарисовывании быта приенисейского народа. В процессе изучения ему удалось в отдельных графических листах достигнуть большей **эмпатии** («Большой улов», «Сети»). В этих работах Каратанов глубже проник в душу народа, так как общался он с ним больше и непосредственнее, чем другие.

Решения межкультурного диалога предлагают представители красноярской керамической школы: А. Я. Мигас, С. Ануфриев, С. Гинтер. Сибирская школа ксилографии проявляет себя в иллюстрациях русской литературной классики, русских былин, японских романов, якутского эпоса, кабардинской поэзии и др. В современном глобальном пространстве тесными узами с Красноярском связаны художники, активно использующие ценность «диалог культур»: Даши Намдаков (родом из Бурятии), Алим Пашт-Хан (родом из Кабардино-Балкарии).

Сибирская школа ксилографии выступает как площадка для обмена традициями, так как здесь можно встретить ориентализм Анны Постниковой, якутские и бурятские мотивы художников-графиков. Книжная иллюстрация требует вчитываемости, эмпатии. Живописцы Красноярья передают через женский образ понимание души этноса: Вощенко, С. Форостовский («Июньский снег в Чэнду»), Войнов К. «Исповедь небу» (2012) – музыкантша в хакасском национальном наряде высоко запрокинула голову, обратив свое лицо к ночному небу, так, что ее поза несколько напоминает воющую волчицу. В художественной культуре народов Сибири, прежде всего, отме-

чается стремление сохранить свое, а не понять чужое, слишком велик страх раствориться в большем. Больше также труднее для осмысления, меньше понять проще – оно обозримее. У меньших народов не считается приоритетным, у них первостепенные задачи были связаны с сохранением родной культуры.

В живописи хакасских художников (М. Бурнаков) проявилось влияние русского импрессионизма и социалистического реализма. Это и есть, в сущности, диалог культур. Многие живописцы, имеющие специфическое этническое происхождение, получали образование в русле социалистического реализма и становились художниками под влиянием советской культуры. Проходили Великую отечественную войну, транслировали в творчестве ценность мира и содружества народов. Среди его героев много хакасов, однако он не ограничивается ими.

Две девушки с велосипедом представлены на одном из этюдов, и это городские девушки не в этнических нарядах, а в современных модных городских одеждах. Привлекает внимание конный портрет молодого человека славянской внешности в буденовке. То, что в произведениях художников – представителей хакасского народа появляются образы вне национальности, человек вообще, советский человек, говорит об искреннем отношении к трансформирующемуся миру и вниманию к общечеловеческим ценностям. При этом больше внимания М. Бурнаков уделяет представителям хакасской национальности, одевая их как в национальные, так и современные одежды.

Вероятно, и аборигены также изучали новых для них пришлых людей, но это не было где-либо достоверно зафиксировано в искусстве. Средством отношения к русскому человеку становится фольклор, например, у кетов в мифологии русский человек выглядит спасителем, героем, образцом для подражания.

Также положительное отношение к цивилизации, принесшей прививки против оспы, можно отметить в тувинской литературе, у С. Сарыг-Оола в его «Повести о светлом мальчике». Этническая идентичность здесь несколько смещена в сторону советского государства: под влиянием обаяния советской культуры автор создал героя со светлыми волосами, при этом светлые волосы – это довольно редкое явление среди тувинцев.

Учеником Каратанова был Андрей Прокофьевич Лекаренко (1895–1978) – художник, родившийся на Дальнем Востоке, большую часть жизни

провел в Сибири, в Красноярске. Путешествуя по Красноярскому краю и Сибири в 1920-е годы, он побывал на Таймыре, в Енисейске. Он создал образ северных жителей, представляя их в портретном и бытовом жанрах.

Библиографические ссылки

1. Спиридонова А. В. Региональная культура: диалектика локального и универсального: на материале Восточного Забайкалья : автореф. дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.01 Чита, 2007.
2. Урнов М. Ю. Неинституциональные факторы социальной динамики – подходы к моделированию // *Общественные науки и современность*. 2010. № 5. С. 59–70.
3. March J. C., Olsen J. P. *Elaborating the "New Institutionalism"*. The Oxford Handbook of Political Institutions. New York, 2006.
4. Хантингтон С. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М., 2004.
5. Манзырева Е. С. *Художественная культура сибирского города XIX – начала XX в. (на материале Восточной Сибири) : дис. Улан-Удэ : Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств, 2009.*
6. Гун Г. Е. *Художественная культура города: структура, динамика, перспективы*. Магнитогорск : МаГК, 2014.
7. Вагинова Л. С. *Художественная культура Кольского Заполярья: историческая типология : дис. СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2004.*
8. Манджиева Н. Т. *Художественная культура Калмыкии: проблемы истории и типологии : дис. СПб. : Рос. гос. пед. ун-т, 2004.*
9. Кондратьева И. Г. *Художественная культура Чувашии XX века: динамика ценностей : автореф. дис. ... канд. культурол. наук. 2005.*
10. Кравченко А. И. *Культурология*. М. : Академический проект, 2011.
11. Касаткин П. И. *Культурное пространство: аксиологический аспект // Знание. Понимание. Умение*. 2017. № 4. С. 145–156.
12. Купцова И. А. *Русская провинциальная культура и российская цивилизация: сущность и взаимодействие // Среднерусский вестник общественных наук*. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-provintsialnaya-kultura-i-rossiyskaya-tsivilizatsiya-suschnost-i-vzaimodeystvie> (дата обращения: 09.04.2020).
13. Бережнова М. И., Пименова Н. Н. *Миграция как средство развития территории: исторический пример Колымского края // Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1-1. С. 1886.
14. Замараева Ю. С. *Особенности этнической миграции в социально-психологическом восприятии (на материале анализа результатов эксперимента по методике «Серийные тематические ассоциации») // NB: Проблемы общества и политики*. 2014. № 9. С. 63–82.
15. Замараева Ю. С. *Особенности социокультурных трансформаций миграционных процессов в XX – нач. XXI в. (на примере Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 2. С. 649.

16. Исследовательские возможности антропологии искусства на примере косторезных произведений мастеров Сибири / Н. М. Либакова, М. А. Колесник, Н. А. Сергеева, Е. А. Сертакова // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 1. С. 22–34.
17. Казакова Г. М. Художественная культура Южного Урала XVIII–XX вв. (Опыт историко-культурного анализа). Челябинск, 2000.
18. Кистова А. В., Пименова Н. Н., Букова М. И. Современное состояние декоративно-прикладного искусства эвенков – коренных народов Сибирской Арктики // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 49–56.
19. Копцева Н. П., Кистова А. В., Пименова Н. Н. Культура детства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (на материале полевых исследований чулымской этнокультурной группы в Тюхтетском районе Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 422.
20. Копцева Н. П., Сертакова Е. А. К вопросу о методологической стратегии современной урбанистической антропологии // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 103–120.
21. Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание : автореф. дис. ... д-ра культурол. наук. Изд-во Урал. пед. ун-та, 2003.
22. Религиозные воззрения коренных народов Таймыра / А. В. Кистова, Н. Н. Пименова, А. А. Ситникова [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 48–62.
23. Роль религии в сохранении традиционного образа жизни эвенков / Ю. С. Замараева, В. С. Лузан, С. В. Метляева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 34–47.
24. Середкина Н. Н., Смолина М. Г., Кистова А. В. Влияние эпоса на сказки коренных народов Севера и Сибири // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 1. С. 22–34.
25. Современные стратегии социального позиционирования сибирских регионов / Н. М. Либакова, Е. А. Сертакова, М. А. Колесник [и др.] // Социодинамика. 2016. № 1. С. 162–189.
26. Специфика религиозного сознания кетов и селькупов в контексте культурного и исторического развития / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 63–80.
27. Цыкоева Л. К. Художественная культура региона: генезис, особенности формирования, 2000. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/417/1/urgu0199s.pdf>.
28. Brand-management of Siberian cities (Krasnoyarsk as a case study) / E. A. Sertakova, N. P. Koptseva, M. A. Kolesnik [et al.] // International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6, № 5. С. 185–191.
29. Bukova M. I., Kistova A. V., Pimenova N. N. Ecological social values characteristics of various demographic groups of the Krasnoyarsk Territory // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. Vol. 10, № 9. P. 1308–1326.
30. Ethno-formative mechanisms and forms of self-awareness of indigenous peoples under conditions of external civilization pressure (by an example of the Yakut ethnic group) / N. P. Koptseva, N. N. Pimenova, V. S. Luzan [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. Vol. 5, № 7. P. 988–1004.

31. Kolesnik M. A., Libakova N. M., Sertakova E. A. Art education as a way of preserving the traditional ethnocultural identity of indigenous minority peoples from the North, Siberia and the Far East // Novosibirsk State Pedagogical University Bull. 2018. Vol. 8, № 4. P. 233–247.
32. Nevolko N. N. The historiographical review of the scientific literature of the late XIX to the first decade of the XXI century concerning the problem of ethnic identification of the Khakass ethnos // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011. Vol. 4, № 6. P. 823–836.
33. Reznikova K. V., Seredkina N. N., Zamaraeva Yu. S. Perspective formats for the development of decorative and applied art of the indigenous peoples of the Krasnoyarsk Territory // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. Vol. 10, № 10. P. 1573–1593.
34. Semenova A. A. Modern practices of foresight research of the future of social-anthropological systems, including ethnical cultural populations // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2010. Vol. 3, № 5. P. 667–676.
35. Sertakova E. A., Gerasimova A. A. Formation of the Russian Siberian identity in the wood engravings of the Krasnoyarsk craftsmen // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011. Vol. 4, № 12. P. 1719–1726.

УДК 394.3

Т. К. Ермаков¹, К. В. Резникова²

¹ Студент, Гуманитарный институт,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

² PhD, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения,
Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИГРАХ

В современном дискурсе игра все больше претендует на статус полноправного медиа, способного передавать смыслы и информацию, заложенные в них создателями. В этом контексте особенно актуальной становится проблема игры как репрезентанта культуры отдельных этнических групп, связанная и с внедрением отдельных опознавательных знаков для создания антуража игры, и с разработкой игр как нового компонента этнической культуры вообще. При этом существующие проекты подобной направленности слабо отрефлексированы в научной зарубежной и отечественной литературе. Рассмотрены игры, использующие компоненты этнической культуры, репре-

зентирующие собой как общемировую практику, так и специфику проектов, создаваемых на территории России. Методом исследования послужил критический анализ игры на уровне интерфейса и функций игры (по Я. Богосту). На основе приведенных примеров можно заключить, что этнические компоненты используются, как правило, с просветительской целью, зачастую разработчики обращаются к отдельным визуальным образам или типичным для этноса нарративам, конструируется идеальный образ этноса, связанный с его прошлым (часто мифологизированным). В зарубежной практике обнаруживаются примеры позиционирования игры как нового вида искусства, создаваемого самими представителями этнической группы, что не характерно для российской действительности.

Ключевые слова: коренные народы, игры, этническая культура.

T. K. Ermakov, K. V. Reznikova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

THE USE OF ETHNIC CULTURE COMPONENTS IN GAMES

In today's discourse, the game increasingly claims to be a full-fledged media that can convey the meanings and information embedded in them by their creators. In this context, the problem of the game as a representative of the culture of individual ethnic groups becomes particularly urgent, related both to the introduction of individual identification marks to create the entourage of the game, and to the development of games as a new component of ethnic culture in general. Moreover, existing projects of a similar orientation are poorly reflected in the scientific literature, both foreign and Russian. The article discusses examples of games that use components of ethnic culture, representing both global practice and some which were created in Russia. The general method of study is a critical analysis of the game at the levels of the interface and functions of the game (according to I. Bogost). Based on the considered examples, it can be concluded that ethnic components are used, as a rule, for educational purposes, often developers turn to separate visual images or narratives typical of an ethnos, and an ideal image of an ethnos is constructed that is associated with its past (often mythologized). In foreign practice, examples of positioning the game as a new type of art created by the representatives of the ethnic group themselves are found, which is not typical for Russian reality.

Keywords: indigenous people, games, ethnic culture.

Введение. Для современных игр вполне обычной практикой является использование элементов, относящихся к определенным культурным общностям. Это может быть визуальный стиль, сюжеты, заимствованные из мифологии, отдельные особенности философских представлений и т. д. Во многом именно

за счет применения отдельных знаков, тесно связанных с тем или иным народом, мы можем говорить о репрезентации в играх этнической группы.

Максимально широко используются отдельные элементы «традиционных» культур, в первую очередь древнегреческой и скандинавской (как правило, мифологические сюжеты). Но созданы отдельные игры с опознавательными знаками существующих сейчас этносов: например, различные племена индейцев Америки, жители островов Полинезии, эскимосы. Для англоязычных проектов подобная практика является весьма стандартной, причем можно выделить как игры, воспроизводящие национальный колорит в качестве художественного решения, так и проекты, в которых этническая специфика является ключевым носителем смысла, определяющим содержание и характер конечного продукта. Последние игры, часто создаваемые разработчиками определенной этнической группы, культура которой используется, ставят перед собой задачу стать средством трансляции этнической культуры молодому поколению или манифестации своей идентичности остальному человечеству. Иногда этническая специфика используется как средство привлечения внимания к социально значимым проектам.

Обзор источников. Изучение игр как неотъемлемого компонента культуры различных этносов имеет давнюю историю. Первые работы, касающиеся изучения игр в этом аспекте, относятся к 70-м годам XIX века и принадлежат Э. Тайлору [1; 2] и С. Кулину [3–6]. Для них особый интерес представляла общность игровых практик различных этносов, порой, на первый взгляд, совершенно не связанных между собой. На основе выявленных общностей исследователи делали выводы о генетической связи этнических групп, древних миграциях и маршрутах переселения человека в древние времена. С. Кулину же принадлежит заслуга перенесения существовавшего интереса к играм «примитивных» племен на игровые практики отдельных социальных групп [5].

Эти работы сейчас могут быть названы классическими, тем более что подход к исследованию «этнографических» игр не изменился. В трудах современных ученых метод исследования принципиально не изменился: фиксируются правила игры, иногда некоторые особенности социальных групп, с которыми связаны конкретные игровые практики. При этом из общности игровых практик часто все еще делаются выводы именно о генетической связи этносов, единстве их происхождения.

Так, в работе Т. В. Волдиной [7] рассматриваются «игры с камешками» обских угров. Сами по себе игры с камешками являются весьма распро-

страненным типом и встречаются у многих этносов, при этом отдельные элементы игровой системы могут сильно отличаться у различных народов. Сопоставляя игровые механики, используемые обскими уграми, с другими известными подобными играми, Т. В. Волдина делает вывод об иранском происхождении игры, указывая на то, что это может служить одним из аргументов в пользу иранского происхождения изучаемого этноса.

Отдельным блоком стоит выделить работы, в которых рассматривается репрезентация народных игр в других видах искусства. Такова, например, статья Н. Л. К. Рысмендеевой [8]. Подобные исследования позволяют оценить важность игрового компонента культуры, обнаружить динамику игровой культуры, изучить эволюцию игровых форм и выявить игры и состязания, не зафиксированные сегодня этнографами.

В современной научной среде есть целый блок исследований, связанных с изучением роли игр в воспитании подрастающего поколения (например, [9–11]), что, вероятно, связано с проблематикой ассимиляции коренных народов пришлым населением и предполагаемой потерей первыми традиционной культуры. В таких исследованиях особый упор делается на традиционные спортивные игры и традиционный спорт вообще (например, [12–14]), что в целом уводит вектор исследований от игр как компонента культуры к играм как способу оздоровления, собирания молодежи в определенные группы. При этом компонента культурной идентичности рассматривается скорее как приятный «побочный» продукт, способствующий не столько формированию этнической идентичности у молодежи, сколько упрощающий вовлечение в спортивную среду молодых представителей этнических групп с уже сформированной идентичностью.

Относительно новым подходом к изучению этнографического материала в играх является исследование репрезентации этнических групп в видеоиграх, которые могут быть разделены на два крупных блока. К первому блоку относятся исследования, рассматривающие образы этносов в видеоиграх (например, [15]). Эти работы отличаются обзорным характером, часто игнорируют специфику самих изучаемых игр (время создания, жанры и т. д.). Нередко сосредотачиваются на визуальных образах, демонстрирующих представителей этноса, иногда в таких исследованиях обращаются к характеристике геймплея и того, как описываемый этнос в него встроен.

Ко второму блоку относятся исследования, которые касаются творчества представителей этноса в сфере видеоигр [16]. Таких работ сейчас

меньше, часто их пишут ученые, принадлежащими к описываемым этническим группам. Встречается нарратив, согласно которому игры, созданные этносом, противопоставляются тем образам, которые присутствуют в играх, созданных другими людьми. Нередко подобные исследования сопряжены с представлениями о важности создания игр, которые позволят этносу манифестировать и передавать свою идентичность с помощью новых каналов, набирающих все большую популярность.

Метод исследования. В качестве ведущего был использован метод критического анализа, впервые заявленный Л. Конзаком [17], а затем развитый в работах Я. Богоста и Н. Монфорта [18], в соответствии с которым игра может быть рассмотрена как комплексный объект, состоящий из нескольких уровней, каждый из которых обладает собственной структурой и влияет на восприятие игры в целом.

При анализе приводимых в дальнейшем игр мы будем обращаться к уровням интерфейса и функций игры, так как они оказывают наибольшее воздействие на игрока и легче поддаются анализу, не требуя, например, обращения к программному коду игры, доступ к которому как правило закрыт. К тому же именно эти уровни сильнее всего подвержены использованию этнической компоненты как носителя особого содержания.

В рамках уровня интерфейса исследуется визуальный контент, которым наполнена игра, включая как элемент непосредственно игрового пространства (мир, персонажи и т. д.), так и объекты, используемые для обрамления игрового процесса (игровые меню, дополнительные визуальные материалы и т. д.).

Уровень функции подразумевает обращение к механиками, лежащим в основе игрового процесса, из которых определяются жанр игры, способы взаимодействия игрока с миром игры, темп игры и т. д.

Данная модель была разработана в первую очередь для исследования компьютерных игр, тем не менее, она может быть легко перенесена и на настольные игры, в которых уровнем интерфейса становятся также визуальные элементы, представленные на игровых ресурсах, а на уровне функций расположены игровые механики, через которых происходит взаимодействие играющих друг с другом.

Совмещения двух этих уровней достаточно для выявления специфики использования компонентов этнической культуры на данном этапе исследования.

Зарубежный опыт репрезентации коренных народов в играх (на примере игр *Thunderbird Strike* и *Never Alone*). Репрезентация коренных

народов в играх, созданных в зарубежных странах (в первую очередь в США), имеет давнюю историю. Во многом это связано с образами индейцев, использовавшихся еще в ранних играх, что во многом связано как с традицией «вестерна» и попытками перенесения этого жанра в новую среду, так и с интересом отдельных разработчиков к традиционным культурам и их традициям.

При этом реакция самих представителей коренных народов часто оказывалась негативной. Как правило, создатели обвинялись в поверхностном знакомстве с наиболее яркими образцами культуры, что приводило к тому, что игра репрезентировала лишь серии штампов и стереотипов, не вдаваясь в сущность культуры.

Создавались и продолжают создаваться проекты, полностью основанные на использовании элементов культуры отдельных народов. Наиболее яркими из относительно недавних проектов являются *Thunderbird Strike* (2017) и *Never Alone* (2014).

Thunderbird Strike. Игра 2017 года, разработанная Элизабет Ла Пенс как некоммерческий продукт, задача которого – обратить внимание на экологические проблемы, связанные с индустриальным освоением мест проживания индейцев Северной Америки.

Игрок берет на себя роль Громовой Птицы (распространенного персонажа индейской мифологии), задача которой состоит в защите территории от индустриальных элементов, привнесенных людьми извне. Жанр игры может быть определен как двухмерный скролл-шутер, но с некоторыми вариациями, связанными с характером управляемого персонажа. Так, птицу нельзя убить, поэтому фактически игрок не может проиграть, а для того чтобы уничтожить находящиеся на земле враждебные элементы (грузовики, заводы, трубы и т. д.), необходимо предварительно «зарядить молнии», поднявшись наверх. Игра состоит из трех небольших уровней, в последнем из которых игрок сражается со змеей, составленной из труб.

Между уровнями представлены отдельные катсцены, выполненные в виде нарезки отдельных кадров, с изображением визуальной символики индейцев, акций протестов и собственно индустриальных элементов, с которыми игрок ведет борьбу. За счет этих вставок осуществляется логическая связь между уровнями, проявленная через постепенное нарастание напряжения между традиционным и индустриальным элементом.

Еще одним немаловажным элементом игры выступает механика «вербовки» персонажей. На уровнях птица может столкнуться с антропоморфны-

ми силуэтами, на которых под ее воздействием проявляются татуировки, демонстрирующие таким образом вовлечение персонажей в пространство этнической культуры. Интересно, что именно фигуры с такими татуировками в катсценах выступают в роли активного, протестующего начала. Тем самым через игру проводится идея об активно действующем представителе этноса, борющемся за свои права и будущее своей земли.

Использование знакомой многим жанровой основы в совокупности с невозможностью проиграть и очень короткой игровой сессией (прохождение игры занимает 15–20 минут) позволяет сделать игровой элемент проекта лишь своеобразной формой, не препятствующей проникновению в содержание даже для тех, кто мало знаком с играми.

Репрезентация коренных народов в данной игре сводится к использованию мифологического материала и своеобразной визуальной эстетики. Однако игровой проект позиционируется как организованный в соответствии с особыми представлениями коренных жителей о мире и защищающий их интересы, т. е. является игрой, как бы созданной самими коренными народами и максимально представляющей их традиции.

Never Alone. Разработана независимой студией Upper One Games и выпущена компанией E-Line Media в 2014 году. Жанр игры может быть определен как пазл-платформер.

Сюжет игры опирается на мифы инуитов, записанные Робертом Нарсук Кливлендом. Игрок управляет девочкой и песцом, имея возможность переключаться между двумя этими персонажами (также возможна игра вдвоем) для решения различных задач, основанных на манипуляции с окружением и платформенных элементах.

Помимо использования мифологической основы и визуального стиля, опирающегося на традиции резьбы по кости, игра стремится создать своеобразную атмосферу сказки, причем именно инуитской сказки.

Достигается это за счет использования рассказчика, чьи реплики записаны на языке инуитов. Присутствует и просветительский компонент, связанный с включением в игру документальных роликов о жизни и культуре инуитов, которые игрок может найти на уровнях. Примечательно, что эти видеозаписи открываются при контакте с совами, традиционно связанными с представлением о мудрости.

Игра характеризуется «скачкообразным» темпом с чередованием спокойных эпизодов, позволяющих игроку освоить новые механики взаимодействия

с пространством, и напряженных эпизодов «погони», когда необходимо быстро принимать решения для того, чтобы сохранить жизнь главной героине.

Стоит отметить активное апеллирование к концепции двоемирия, выражающейся в существовании в игровом пространстве духов, с которыми может взаимодействовать помощник девочки, что позволяет усилить атмосферу сказки и создать специфическое пространство, отражающее некий идеальный мир традиционного человека, в который и предлагается погрузиться игроку.

Также интересно, что при наличии механик, связанных с использованием оружия, и своеобразных битв, игра не предоставляет игроку возможность напрямую «убивать» антагонистов. В результате сражения сводятся к созданию таких условий, в которых антагонист оказывается в безвыходном положении исключительно из-за своих отрицательных качеств, в первую очередь ярости (буквально – «звериной»). Таким образом, возникает мысль о гармоничном, уравнивающем начале, направляющем коренные народы.

Отечественный опыт репрезентации коренных народов в играх (на примере игр *The Mooseman* и «Серебряное копьё»). В русскоязычной среде практически не создаются игры, использующие элементы культуры различных коренных народов России. Отчасти это связано со спецификой игровой индустрии в России в целом, ориентированной в настоящее время прежде всего на казуальные или мобильные коммерческие проекты или на экспериментальные независимые проекты, направленные на реализацию за рубежом, а не на формирование некоторого внутреннего рынка, с играми, интересными узкому кругу потребителей, проживающих на территории РФ.

Тем не менее можно выделить несколько игровых проектов, пользующихся определенной известностью и применяющих элементы культуры коренных народов, проживающих на территории РФ. Сосредоточим свое внимание на двух весьма ярких представителях: компьютерной игре *The Mooseman* («Человеколось»), разработанной командой из Перми (Владимир Белетский и Михаил Швачко) и посвященной мифами народов Коми, и настольной ролевой игре «Серебряное копьё», разработанной студией «Тигриный угол» (Хабаровский край).

The Mooseman. Игра вышла в 2017 году в сервисе цифровой дистрибуции игр Steam. С точки зрения жанра является двумерным платформером, тяготеющим к поджанру «симуляторов ходьбы».

Одной из непосредственных целей создания данного проекта является знакомство широкой аудитории с мифологией народов коми, населяющих Пермский край, а также с изображениями так называемого «пермского звериного стиля». Тем не менее данный проект полностью вписывается в общую канву инди-игр, создающихся в России, и выбор антуража является больше художественным решением, чем самоцелью. Игра характеризуется неспешным игровым процессом, построенном на созерцании окружающих видов, чтении записок, знакомящих игрока с мифологией коми, и решении простых головоломок, построенных на перемещении персонажа между двумя мирами. В основу сюжета лег классический нарратив народов коми о ежедневном путешествии человека в подземный мир за солнцем, которое он затем приносит верхний мир.

Геймплей игры построен таким образом, чтобы не отвлекать игрока от постепенного погружения в игровой мир, наполненный визуальными образами, вдохновленными произведениями пермского звериного стиля, и музыкой, напоминающей традиционные песнопения коми. Для того чтобы усилить погружение, игра была полностью озвучена на языке коми.

Головоломки в игре построены на концепции двоимирия, одновременного сосуществования двух вариантов одного и того же пространства, между которыми игрок и перемещается. Стоит отметить, что в игре присутствуют отдельные вставные эпизоды, в которых основная механика резко изменяется («охота» – элементы экшн-платформера, «полет на птице» – элементы сайдскроллера), что ярко отражает то, как игровой процесс подстраивается под нарратив, предлагая игроку те способы взаимодействия с процессом, которые лучше отражают момент в истории.

Игра крайне небольшая, прохождение занимает около двух часов. При этом за одну игровую сессию невозможно собрать все коллекционные предметы (являющиеся памятниками пермского звериного стиля с комментариями и описаниями), благодаря чему игрок провоцируется на повторное прохождение и возвращение в мир игры, т. е. в мир мифологии коми.

Интересно, что подобная «провокация» на повторное прохождение игры также согласуется со спецификой выбранного разработчиками мифологического материала – циклический миф о возрождении солнца требует своей реактуализации через определенные промежутки времени, так и сама игра требует возвращения к себе.

С российскими инди-играми вообще проект сближает специфическая анимация, в целом нестандартный и экспериментальный геймплей, неспеш-

ный темп игрового процесса. На данный момент *Mooseman* является самой известной компьютерной игрой, основанной на культуре коренных народов России, что делает ее очень важной как специфический прецедент, пока, правда, не породивший сколько-нибудь заметных последователей.

«Серебряное копьё». Настольная игра «Серебряное копьё» была создана осенью 2018 года студией «Тигриный угол» при поддержке Фонда Президентских грантов на некоммерческой основе. На данный момент все материалы игры доступны на официальном сайте для свободного скачивания.

Данный игровой проект разрабатывался с просветительской целью, в первую очередь для погружения детей в мифы народов Сибири и Дальнего Востока в увлекательной игровой форме. В целом в игре присутствует и общеобразовательный элемент (карта игрового мира – реальная карта Хабаровского края; в игре использованы реальные географические достопримечательности и т. д.).

Целью игры является поиск особых предметов, заимствованных из фольклора дальневосточных народов. Каждый предмет расположен в случайном месте на карте и охраняется стражем, которого необходимо победить, чтобы его достать. В начале игры игрокам известно лишь название предмета, который необходимо найти, и название народа, который обладает информацией о том, где именно предмет искать.

По сути, игра использует в своем геймдизайне элементы роуг-лайк игр, перенося их из области компьютерных игр в пространство настольных игр. Само по себе интересное решение заодно позволяет добиться многократного повторного прохождения, важного для сугубо образовательных проектов.

Игровая система игры включает в себя карточки, бумажные фишки и игровое поле, все элементы могут быть распечатаны на обычной бумаге, благодаря чему игра легко может распространяться среди заинтересованных в ней лиц. Игровой мир построен на элементах мифологии и культуры вообще коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Используются мифологические персонажи, предметы, топонимы, отражена реальная бытовая сторона жизни этих народов. Ролевой элемент позволяет игроку сильнее вжиться в роль и погрузиться в мир, из-за чего ему гораздо проще запоминать предоставляемый материал и ориентироваться в нем.

Также студией разработан методический комплекс, позволяющий успешно использовать игру на уроках в школе в совокупности с системой призов за победу и викторин, проверяющих степень усвоения материала.

Выводы. На примере кратко рассмотренных игровых проектов можно сделать определенные выводы о специфике использования элементов этнической культуры в играх.

Во-первых, активное использование в играх элементов, репрезентирующих этнические группы, сопряжено с просветительской целью, даже в проектах, не направленных на трансляцию этнокультурных ценностей. Так, в *The Mooseman* и *Never Alone*, несмотря на то, что элементы мифологии выступают скорее как гармоничное художественное решение, в играх присутствует фактическая информация о культуре инуитов или коми, позволяющая людям со стороны больше узнавать о данных народах.

Во-вторых, применяются мифологические нарративы и визуальные образы этнической группы, но механики выбираются, согласно задачам геймдизайна и не отражают специфику репрезентируемого этноса. Так, создаваемые игры не ориентируются на существующие у этноса игровые практики или традиционные игры, выбирая набор механик исходя из своих художественных и игровых задач.

В-третьих, в играх отражается некий идеальный образ этноса, прежде всего связанный с его прошлым, его традиционной культурой. Современное состояние этнической группы, ее культуры остаются в стороне. Если же актуальное состояние и затрагивается, то происходит смешение мифологического и реального пространств (как, например, в *Thunderbird Strike*).

В-четвертых, в отечественной практике игровые проекты, в которых присутствуют образы этнической группы, создаются людьми «со стороны», а не самими представителями этноса. При этом практически не создается проектов, направленных на представителей этносов как на целевую аудиторию с целью трансляции культурной идентичности без образовательно-просветительского элемента. Для зарубежной игровой индустрии ситуация несколько отличается: существует отдельный блок «этнических» разработчиков, стремящихся через игры манифестировать свои культурные традиции.

Библиографические ссылки

1. Tylor E. B. On American lot-games, as evidence of Asiatic intercourse before the time of Columbus // Supplement to International Archives for Ethnographic. 1896. № 9. P. 56–66.
2. Tylor E. B. The history of games // The Fortnightly Review. 1879. № 25. P. 735–747.
3. Culin S. American Indian games // American Anthropologist. 1903. № 5. P. 58–64.
4. Culin S. Mancala, the national game of Africa // Annual Report of the U. S. National Museum Washington. 1894. P. 597–606.

5. Culin S. Street games of boys in Brookline // *Journal of American Folklore*. 1891. № 4. P. 221–237.
6. Culin S. Philippine games // *American Anthropologist*. 1900. № 2. P. 643–656.
7. Волдина Т. В. Традиционные обско-угорские игры с косточками и другими роговидными материалами: структурно-типологический анализ // *Вестн. угроведения*. 2019. Т. 9, № 3. С. 503–524.
8. Рысмендеева Н. Л. К. Народные игры кочевых кыргызов в историко-эпическом отражении // *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2019. № 46. С. 121–126.
9. Пчелинцева Н. Д. Детские игры азербайджанцев и их роль в процессе // *Этнопедагогика в системе образования: опыт, проблемы и перспективы (XIV Волковские чтения)* 2018. С. 125–127.
10. Фролова А. Н. Традиционные игры коренных малочисленных народов как средство воспитания патриотизма // *Концепт*. 2015. № 13. С. 591–595.
11. Emery S., Habel C. Video games and indigenous education: Let's bridge the 'Epistemology Gap' // *Ergo*. 2017. № 1. P. 15–22.
12. Бутанаев В. Я., Верник А. А. Детские игры и спортивные состязания народов Хакасии. Абакан, 1995. 200 с.
13. Варламов А. Н. Традиционные игры и состязания эвенков. Якутск : Северовед, 1997. 13 с.
14. Красильников В. П. Теория и история традиционных игр коренных народов Севера // *Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та*. 2005. № 4. С. 121–123.
15. Kampf R., Cuhadar E. Do computer games enhance learning about conflicts? A cross-national inquiry into proximate and distant scenarios in global conflicts // *Computers in Human Behavior*. 2014. № 52. P. 541–549.
16. Mahuta D. P. S. Maori in video games – a digital identity // *Te Kahaora*. 2012. № 4. P. 126–134.
17. Konzack L. Computer game criticism: A method for computer game analysis // *CGDC Conference Proceedings*. 2002. P. 89–100.
18. Montfort N., Bogost I. *Racing the beam: The atari video computer system*. MIT Press, 2009. 180 p.

УДК 378.18.064:004.773.7

Ю. В. Попова

Ассистент кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования,
Институт педагогики, психологии и социологии,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

СЕРВИС ОНЛАЙН-МЕДИАЦИИ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ*

Представлены результаты проектирования онлайн-сервиса разрешения конфликтов в университетской среде, предлагающего полноценную процедуру медиации. Под медиацией мы здесь понимаем добровольное сотрудничество участников конфликта посредством организованной неформальной процедуры, поддерживаемой независимым и беспристрастным посредником – медиатором, а также интерактивным онлайн-сервисом, выступающим в качестве «четвертой стороны». Данный сервис представляет собой эффективную модель управления, в том числе спорами, вызванными национальными и культурными различиями. Разработка может служить эффективным форматом, отвечающим современным трендам цифровизации и интерактивности. Описан функционал сервиса онлайн-медиации. Проанализированы наиболее вероятные риски внедрения онлайн-медиации в поликультурную среду федерального университета. Рискам дана оценка вероятности и значимости возможных последствий, предложены пути преодоления. Представлены результаты экспертной оценки разработки и необходимая для внедрения сервиса ресурсная база.

Ключевые слова: медиация в образовании, разрешение конфликтов, онлайн-медиация.

Yu. V. Popova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

ONLINE MEDIATION SERVICE IN THE UNIVERSITY ENVIRONMENT

The article presents the outcomes of designing the online service for conflict resolution in the University environment, offering a mediation procedure. By mediation we mean voluntary cooperation of the conflict parties through an organized informal procedure supported by an independent and impartial mediator, as well as an

© Попова Ю. В., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-013-00528 «Исследование медиативных практик в сфере образования для гармонизации межнациональных отношений в поликультурной среде».

The survey is sponsored by the Russian Foundation for Basic Research (RFFR). No 18-013-00528 "The Study of Mediation Practices in the Field of Education for Harmonization of Interethnic Relations in a Multicultural Environment".

interactive online service acting as a "fourth party". This service is an effective model of disputes management, including caused by national and cultural differences. It can serve as an effective format that meets modern trends of digitalization and interactivity. The functional of the online mediation service is described. The most probable risks of introducing online mediation into the multicultural environment of the Federal University are analyzed. Risks are assessed the probability and significance of possible consequences, proposed ways to overcome. The results of expert evaluation of the development and the necessary resource base for the implementation of the service are presented.

Keywords: *mediation in education, conflict resolution, online mediation.*

Введение. Медиация – совершенно новый и динамично развивающийся феномен в системе образования Российской Федерации. Понятие «медиация» является довольно непривычным для участников образовательного процесса, поэтому для медиативных процедур и служб используется более знакомый термин «примирение». По распоряжению Правительства РФ с 2014 года в среднеобразовательных школах стали создаваться службы примирения (медиации), имеющие целью формирование безопасной образовательной среды. Работа медиаторов в образовании регулируется федеральными законами «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273 и «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193. Профессиональные медиаторы – востребованные специалисты как в судебно-правовом секторе, так и в сфере образования в рамках исполнения Распоряжения Правительства РФ от 15.10.2012 № 1916-р «Об утверждении плана первоочередных мероприятий до 2014 года по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы».

Главная цель медиации в образовании – внедрение инновационных методов разрешения споров, предотвращения конфликтных ситуаций между участниками образовательного процесса и создание безопасной образовательной среды. В настоящий момент все школы Красноярска и большинство школ Красноярского края отчитались о создании данной службы. Однако, несмотря на распространение медиативных технологий в школах региона, учителя и школьные психологи отмечают дефицитарность профессиональных знаний и навыков для результативного проведения медиативных процедур медиации в образовательной среде и профилактировании конфликтов. Что касается дошкольных организаций, ссузов и вузов, службы примирения созданы лишь в единичных учреждениях. Следуя тренду информатизации и цифровизации во всех сферах жизнедеятельности, разработан проект серви-

са по проведению медиации конфликтов субъектов образования на примере Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета (СФУ).

Актуальность создания сервиса медиации обусловлена неизбежностью конфликтов в молодежной среде, низким уровнем обращений к специалистам и ответственным подразделениям университета за помощью. Их причинами служат различные факторы, например, такие как социальное неравенство, разные ценности, недостаточный опыт в решении конфликтов, желание самоутвердиться и др.

Методы. В отличие от учеников школы, чьи интересы защищают родители и классные руководители, студенты университета стараются урегулировать проблемные ситуации и возникающие конфликты самостоятельно. Однако чаще всего стратегии поведения, выбираемые молодыми людьми в конфликте, не являются конструктивными. Исследование было проведено среди 56 обучающихся СФУ по опроснику на выявление ведущего поведения в конфликтной ситуации (авторы К. Томас, Р. Килманн, в адаптации Н. В. Гришиной). Основными измерениями в данной модели являются акценты человека к защите собственных интересов или внимание к интересам других людей, вовлеченных в конфликт. Соответственно этим двум основным измерениям авторами были выделены следующие способы регулирования конфликтов:

- 1) соперничество (соревнование, конкуренция, агрессия) как стремление добиться своих интересов в ущерб другому;
- 2) приспособление, в противоположность соперничеству, означающее принесение в жертву собственных интересов ради другого;
- 3) компромисс, готовность к взаимным уступкам;
- 4) избегание (уход), для которого характерно как отсутствие стремления к кооперации, так и отсутствие тенденции к достижению собственных целей;
- 5) сотрудничество, когда участники ситуации приходят к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон.

Результаты диагностики по определению способов регулирования конфликтов студентов СФУ представлены на рисунке.

Лишь у пятой части (21 %) опрошенных студентов СФУ ведущей стратегией поведения было *сотрудничество*. Столь же популярным (18 %) стилем поведения в конфликте по методике Томаса был выявлен *компромисс*. Несмотря на достаточно позитивный исход разрешения ситуации в условиях

взаимных уступок, стороны конфликта часто остаются не полностью удовлетворены компромиссным решением. Никто из студентов не продемонстрировал стремление к *соперничеству* (конфронтации) при спорах (в абсолютном большинстве обработанных анкет у респондентов было отмечено менее 10 % ответов, указывающих на склонность к соперничеству). Это говорит о том, что в конфликтных ситуациях у студентов могут возникать проблемы с защитой своих интересов, отстаиванием собственного мнения. Достаточно распространенными стратегиями поведения в конфликте, выявленными у студентов, были выявлены *уход* и *приспособление*. Таким образом, в конфликтных ситуациях (как межличностных, так и с педагогами, родителями, администрацией университета) обучающейся молодежи проще согласиться с мнением оппонента либо уклониться от спора или разрешения конфликта.

■ Избегание ■ Приспособление ■ Сотрудничество ■ Компромисс ■ Смешанный тип

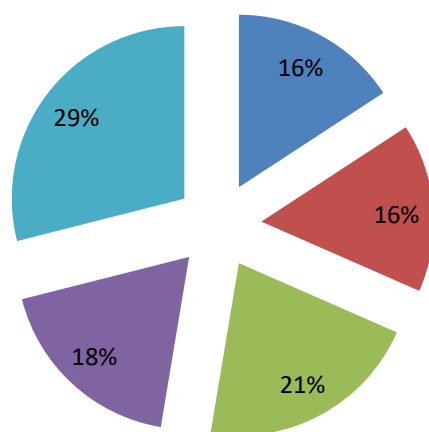

Рисунок. Стратегии регулирования конфликтов (тест К. Томаса)

В трудах современных ученых, педагогов и психологов часто поднимается вопрос о неразвитой культуре поведения субъектов образования в конфликтах, страхе и стыде в борьбе за свои права. Цель медиатора – организовать процесс в структурированных рамках, причем все решения принимают стороны. Медиация основывается на очередности фаз, действий, а также на принципах добровольности, нейтральности и беспристрастности медиатора, прозрачности процедуры, взаимоуважении и равноправии сторон, конфиденциальности.

Отсутствие информированности о возможностях медиации в образовании, а также незнание студентами своих прав и возможностей актуализируют создание доступного и бесплатного сервиса, который позволит получить персонализированную поддержку, в том числе в удаленном доступе.

Функционал сервиса – интерактивное приложение по проведению процедуры медиации:

1) сбор информации по произошедшей конфликтной ситуации (чат-бот):

- анонимное обращение;
- адресное обращение за разрешением конфликта;

2) сервис по работе со сложившейся ситуацией:

- консультация психолога;
- юридическая помощь;
- обращение к тьютору;
- обращение к руководству кафедры, института, университета;
- обращение в профильную службу или организацию;

3) коммуникация со стороной конфликта (по желанию):

- направление полученной информации (от жертвы обидчику или наоборот);
- приглашение на встречу для беседы;

4) приглашение на медиацию с участием специалиста:

- очная встреча сторон конфликта с медиатором;
- медиация с помощью Skype или иных онлайн-мессенджеров в формате конференции;
- медиация в формате чата с участием чат-бота как четвертой стороны;

5) заключение медиативного соглашения (по желанию);

6) форма обратной связи (через неделю, отзыв о разрешении ситуации и о полезности сервиса).

Были проанализированы риски проекта, оценена вероятность их возникновения и серьезность возможных последствий (представлены в таблице). Путем умножения данных показателей оценена важность рисков реализации проекта онлайн-медиации в образовательной среде университета.

Были выявлены наиболее важные риски: неосведомленность и незаинтересованность целевой аудитории в работе онлайн-сервиса. Планирование помогает профилировать данные риски путем пропаганды через социальные медиа: университетские газеты, журналы, телевидение университета (в СФУ идет трансляция значимых событий и объявлений на плазменных

экранах в учебных корпусах и общежитиях), листовки и афиши, официальный веб-сайт, паблики в социальных сетях. Приверженность к разрешению конфликтов традиционными авторитарными методами может быть сокращена вследствие научной и просветительской работы в рамках конференций, публикаций, летних школ и курсов дополнительного образования по медиации.

Таблица

Оценивание рисков сервиса онлайн-медиации

№	Риск	Вероятность (1–10)	Последствия (1–10)	Важность (В × П)
1	Незнание термина «медиация» и негативная реакция на него	9	2	18
2	Нежелание огласки, дальнейшей эскалации конфликта	4	10	40
3	Непривлекательный дизайн	2	3	6
4	Приверженность консервативным способам разрешения конфликтов традиционными методами	7	9	63
5	Ухудшение ситуации, негативные последствия обращения в сервис	2	10	20
6	Некомпетентность технического исполнения чат-бота	5	9	45
7	Неосведомленность целевой аудитории об онлайн-сервисе	5	5	25
8	Содержательные ошибки в структуре сервиса (реализованы не все варианты обращений, пользователи останутся не удовлетворены)	7	3	21
9	Отсутствие возможности встроить сервис на сайт института	2	8	16
10	Отсутствие человеческих ресурсов по поддержке онлайн-сервиса	5	6	30
11	Незаинтересованность студентов в данном сервисе	6	10	60
12	Флуд в обращениях, атаки ботов	5	5	25
13	Сбои в программе, технические проблемы	3	8	24
14	Односторонняя связь со сторонами конфликта: обидчик (жертва) не желают выстраивать коммуникацию и конструктивно разрешать противоречия	4	9	36
15	Утрата конфиденциальности вследствие утечки информации	1	10	10
16	Появление аналогичного сервиса	2	2	4

Требования к технической составляющей организации онлайн-медиации учитываются разработчиками приложений и программ. Например, для эффективной медиации посредством видеоконференции необходимы следующие виды технических устройств:

- оборудование с надежным высокоскоростным каналом связи;
- веб-камера, обеспечивающая качественную передачу изображения и звука;
- широкоформатный монитор (желательно) и колонки.

Технические проблемы в разработке и обслуживании сервиса можно решить сотрудничеством с ИКТ-компетентными студентами и преподавателями, которые могли бы подключиться к работе над сервисом в рамках выполнения курсовых и дипломных работ, проектов, грантовых конкурсов и учебных дисциплин.

Дискуссия. Онлайн-технологии могут применяться к различным областям жизни современного человека: бизнесу, общению, консультированию, обучению, в том числе и альтернативному урегулированию споров. Они особенно востребованы при наличии физических (инвалидность), географических (удаленность), экономических (финансовая несостоятельность) и иных препятствий для личного участия в процессе медиации. Онлайн-разрешение споров (ОРС) (англ. *Online Dispute Resolution (ODR)*) включает широкий спектр сервисов и программ, используемых для решения конфликтов. Во всем мире, в первую очередь в США и Европе, онлайн-медиация превратилась в самостоятельный и эффективный механизм разрешения споров с помощью средств ИКТ. В опубликованных исследованиях на данную тему наряду с «онлайн-медиация» используются термины «интернет-медиация» и «е-медиация». Обозначим основных задачи, которые выполняет онлайн-медиация.

Решение первой задачи в том, что программное обеспечение и настроенные коммуникационные каналы выполняют часть функций нейтрального посредника (медиатора) и способствуют достижению соглашения сторонами спора. Вторая задача ориентирована на информационную поддержку медиаторов. Также данные ресурсы используются специалистами в области медиации для повышения своей квалификации, обмена опытом и тренировки навыков. Онлайн-сервисы, приложения, е-курсы, электронные платформы, веб-сайты служб медиации создают информационное поле, представляя медиативный подход для решения споров широкой аудитории.

Выводы. Специалисты подразделений СФУ и КГАУ «Красноярский региональный инновационно-технологический бизнес-инкубатор» в ходе экспертизы проекта подтвердили, что использование сервиса онлайн-медиации предполагает следующие позитивные изменения для студентов:

- защита интересов и прав;
- индивидуальный подход к решению проблем;
- психологическая поддержка, консультации специалистов;
- создание комфортной образовательной среды.

Университет, поддержав создание сервиса, выиграет в следующих аспектах:

- сбор эмпирических данных;
- обратная связь о работе сотрудников;
- отзывы о работе служб и подразделений университета;
- база кейсов разрешения конфликтов;
- профессиональные пробы для студентов-медиаторов, тьюторов и психологов.

Для реализации проекта необходима команда, состоящая из ответственного сотрудника, программиста, дизайнера, инженера технической поддержки. Содержательно сервис разрабатывают педагоги, психологи и профессиональные медиаторы, в том числе обучающиеся в Сибирском федеральном университете по программе магистратуры «Медиация в образовании».

Библиографические ссылки

1. Авдеев М. А. Сервисы разрешения споров онлайн: избранные кейсы // Современные технологии управления. 2015. № 8. URL: <https://sovman.ru/article/5601/>.
2. Психодиагностика толерантности личности / Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, Т. Ю. Прокофьева, О. А. Кравцова. М. : Смысл, 2008. 172 с.
3. Тест Томаса – типы поведения в конфликте // Психологос. Энциклопедия практической психологии. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/test-tomasa---tipy-povedeniya-v-konflikte>.
4. Smolyaninova O. G., Popova J. V. Specific issues of training intercultural mediators for education in Europe and Russia // Journal of Siberian Federal University. 2019. № 12 (2). P. 247–260.
5. Federal law No. 193 of July 27, 2010 On Alternative Dispute Settlement Procedure Involving a Mediator (Mediation Procedure).

УДК 316.7:39.001.361(985-1-81):004.773

Д. С. Пчелкина

*Аспирант по направлению «Теория и история культуры»,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ МАНИФЕСТАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Возрастание значимости сети Интернет наблюдается и в этнических процессах. Для коренных малочисленных народов Севера самопрезентация в сообществах социальных медиа остается нередко единственно возможной ввиду географических и иных причин. Статья посвящена определению и изучению особенностей этнической манифестации в онлайн-сфере, ее функциям. Были проанализированы сетевые сообщества в социальной сети «ВКонтакте», посвященные культуре кетов, долган, селькупов и нганасан.

Ключевые слова: этническая манифестация, онлайн-сообщества, КМНС, этническая идентичность.

Д. С. Пчелкина

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

FEATURES OF ETHNIC MANIFESTATION OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE ARCTIC ZONE OF RUSSIA ON THE INTERNET

The growing importance of the Internet is also observed in ethnic processes. For indigenous peoples of the North, self-representation in social media communities is often the only possible option due to geographical and other reasons. The article is devoted to the definition and study of the features of ethnic manifestation in the online sphere, its functions. The empirical material of the article is based on the analysis of the online communities of Kets, Dolgans, Selkups and Nganasans (in the social network Vkontakte).

Keywords: ethnic manifestation, online communities, indigenous peoples, ethnic identity.

Человек определяет себя как представитель того или иного этноса, а затем репрезентирует образцы поведения, культурные коды этнической культуры, и манифестация становится инструментом выражения этнической иден-

тичности. Процесс этнической манифестации связан с репрезентативностью действий или процессов, их мобилизацией через проявления символов, присущих конкретному этносу.

Очевидно, что Интернет и социальные сети играют важнейшую роль в жизни современных людей. Зарубежные и отечественные этнографы, культурологи, антропологи, социологи последние несколько лет все чаще выбирают для своих работ Интернет в качестве исследовательского поля. Именно интернет-ресурсы позволяют изучать современное состояние многих социальных и культурных феноменов, в том числе этнических процессов среди коренных народов. С одной стороны, в сетевом пространстве сложнее проследить особые этнические отличия между людьми, с другой – эта система более открыта.

Сетевые сообщества являются одной из площадок для этноманифестации. Виртуальные сообщества – относительно постоянные добровольные объединения. В ходе данного исследования представляется интересным проанализировать онлайн-группы представителей разных этнических групп коренных малочисленных народов Севера (КМНС) и выявить особенности их этнической манифестации.

Были отобраны 13 сообществ в социальной сети «ВКонтакте», посвященных культуре селькупов, нганасан, долган и кетов. «ВКонтакте» является социальной сетью с наибольшим количеством активных пользователей в месяц. Стоит отметить, что количество групп, посвященных культуре, жизни этих этносов, в принципе, небольшое. Также были исключены из исследования сетевые группы, прекратившие свою деятельность, изучались только активные сообщества, частота появлений новых сообщений в которых регулярная, иногда с продолжительным интервалом.

Аналитическим инструментом стал контент-анализ. Использование этого метода в сети Интернет включает в себя мониторинг выданных страниц в ответ на запрос при детализованном поиске, т. е. проводится количественный подсчет, а также качественный анализ контента, размещенного в этих сообществах.

Единицами запроса стали названия КМНС: селькупы, долганы, нганасаны, кеты, – а также производные от них. Далее содержание этих сообществ анализировалось по следующим критериям: статус группы (закрытая / открытая), численность группы, наличие / отсутствие изображения в заголовке группы, частота появления записей на стене в сообществе, содер-

жание записей и обсуждений, активность участников группы (проявляющаяся в комментариях, лайках, репостах).

Запрос по слову «селькупы» выдает семь сообществ, каждое из которых активное. У «долган» две активные группы, у «нганасан» – три, две из которых закрытые. Одна группа у кетов, открытая и активно развивающаяся, при этом она третья по численности из представленных 13 групп.

Некоторые группы коренных народов стремятся ограничить доступ к своему сообществу и создают фильтр, отсеивающий лишних участников, формируя закрытые группы: у селькупов закрытой группой является первая же, выданная по запросу «селькупы», у нганасан из функционирующих трех групп закрытые две.

Самая многочисленная группа – *SelkupLiveNews* (1 521 человек в составе), а малочисленная – закрытая группа селькупов (два человека, один из которых – руководитель сообщества).

Одной из ключевых форм этноманифестации является использование родного языка этноса: если мы обратимся к названиям группы, то увидим, что 7 из 13 групп названы по-русски, 4 – на национальном и русском языках, 2 – на английском. Ни одна из групп не названа только на национальном языке и не ведется полностью на нем. Самое многочисленное сообщество ориентировано не столько на представителей КМНС, сколько на жителей села Красный Селькуп. Здесь необходимо отметить, что в назначении групп прописано, что они предназначены не столько для представителей определенного этноса, сколько для широкого круга людей, изучающих или интересующихся культурой кетов, селькупов, долган, нганасан, поэтому использование русского как ведущего может быть объяснено выбранным назначением и этническим составом подписчиков.

Первый визуальный образ, который воспринимается как лицо группы, представлен через знаки художественной культуры КМНС: через архетипичный образ гагары, священной птицы у селькупов, через демонстрацию национальных костюмов, традиционных жилища и вида деятельности, через этническую музыку. Визуальное наполнение содержания групп строится на сочтении прошлого и настоящего: активно используются и демонстрируются архивные фотографии традиционных промыслов или чума, видео и фильмы XX века, современные документальные и художественные фильмы, образы этнической одежды и т. п. Во многих группах ведется рубрика по поиску фотографий поселений, родственников, знакомых и друзей.

Сетевое сообщество как некое символическое пространство не затрагивает повседневный уровень манифестации – происходящее в семье, учреждениях и т. д. Не освещается тема ритуального поведения. В дружественной группе, посвященной всем КМНС (она ведется из Санкт-Петербурга), в одном из пунктов мероприятия по знакомству с культурой КМНС значились рассказ про шамана, вызов духа, но это единичная акция. Преимущественно тема ритуальных практик табуирована в сети.

Можно сказать, что представлен публичный уровень манифестации этнической идентичности: есть упоминание мероприятий с участием коренных представителей, этнические праздники, фестивали, конференции и форумы, посвященные проблемам этносов. И в каждой из открытых групп приводится история этноса, происхождение самоназвания, сведения о языке.

Как известно, существуют кризисные состояния сохранения и трансляции традиционной культуры КМНС на данный момент. Встает вопрос относительно этнической самоидентификации у этих народов. Осознание своей этничности проявляется особенно остро либо в иноэтническом окружении, либо в условиях, когда возникает угроза существованию этноса (политическая, социокультурная и т. д.). Этническая манифестация в сетевых сообществах строится на стимулировании чувства гордости и достоинства за этнос, к которому принадлежит член сообщества, возможно направленная на возрождение эмпатических связей между его представителями. Конструируется образ уникального носителя теряющей свои формы репрезентации культуры КМНС, но носитель культуры представлен как атлант, который на своих плечах может удержать или остановить потерю самобытности культуры и спасти ее. Стимулирование происходит через такие фразы: «нас осталось немного», «наши предки – уникальны, а мы их потомки», «важен каждый» и т. п. Гордость за этническую принадлежность также строится и на новостях о достижениях молодых представителей КМНС (книга рецептов, дизайнер одежды на основе долганского костюма), и цикле рассказов о выдающихся представителях этноса.

Одними из ключевых качеств представителей КМНС, которые манифестируются, становятся взаимовыручка и отзывчивость. «SelkupLiveNews, Мы из селькупа, НГАНАСАНЫ, ЗЕМЛЯ КЕТОВ» размещают объявления о продаже товаров, о сдаче и съеме жилья, об услугах, которые можно получить: *ищу попутчика; где сделать маникюр; кто может подвезти; где найти работу только что приехавшему; где найти попутчика для путеше-*

ствия по Крайнему Северу. Сетевое пространство этноса становится зоной ресурсов, где можно найти интересующие тебя дары и в ответ оказать услугу, если это возможно.

В 2017 году проводилось подобное исследование по репрезентации этнической идентичности в пространстве Интернета, но по народам Сибири, сообщества КМНС анализировались среди прочих, в большей степени это был количественный мониторинг. Однако автор отмечала, что многие страницы этнических групп Сибири в сети «ВКонтакте» наполнены этнографическими сведениями об историческом и культурном развитии народа и информацией о прошедших и проводимых мероприятиях. Также было указано, что этим сообществам не хватает более современной и актуальной информации, более дифференцированных групп (например, «Молодежь народа Х»). И в этом можно заметить произошедшую даже за два года трансформацию в манифестации: одним из важнейших изменений в содержании сообществ стало размещение конкретной информации правового характера о льготах, об изменениях в законах и налогах для КМНС, появились группы, посвященные молодежи или школьникам, например, *Selkup school* – сообщество муниципалитета «Союз долган ТМР», где задачей стоит не только сохранение культуры, но и привлечение внимания к проблеме ее сохранения. Эти трансформационные подвижки носят единичный характер, тем не менее они происходят.

Группы ведут активную просветительскую работу: задаются загадки про числительные на национальном языке читателям, предварительно познакомив их с названиями чисел, ставится вопрос о правильности названия этноса – «долгане/долганы/долганцы», делятся ссылками на журналы (например, «Культура и искусство Арктики»).

При этом стоит заметить, что группы, ориентированные на освещение исторического и культурного развития, более малочисленные и менее популярные. У них также налажено меньше связей с другими сообществами, работающими с этнической спецификой: у них нет ссылок на другие паблики, группы, нет сообщений с просьбами о помощи и т. д. Они не обсуждают новости о новых налогах, температуре, льготах и т. д. Чтобы сообщество функционировало, оно должно быть более ориентированным на актуальную жизнь людей, но с опорой на традиции.

Меняется и количество сетевых сообществ, и число участников в них. Открытая группа нганасан выросла с 49 участников до 65, но открытая группа «Нганасаны – самый Северный Народ Евразии» стала закрытой. Долган-

ских сообществ в сети по-прежнему два, но увеличился состав одной из них (с 245 на 305 человек). Группы селькупов стали более дифференцированными: группа о жизни поселка, школьная группа, группа музыкального коллектива и истории народа.

Современный этап этнической манифестации КМНС строится преимущественно за счет обращение к традиционной художественной культуре, однако не возрождаются при этом традиционные этнические ценности. Скорее, можно говорить о том, что обращаются к ретрансляции отдельных ее элементов – обычаев, ритуалов, своеобразия одежды. В сообществах сети «ВКонтакте» традиционной культуре отводится роль своеобразного регулятора и систематизатора общественной жизни. Именно через культурные формы воплощается постоянный процесс смыслообразования для той или иной культуры. Но поскольку традиционный образ трудодеятельности и жизнедеятельности отходит в преимущественно прошлое, то и возрождение традиционной культуры КМНС должно иметь несколько иную направленность, например, быть чем-то вроде ценностной основы для этнической идентичности.

Библиографические ссылки

1. Андреева И. В. Музеи, библиотеки, архивы: возврат к целостности или сохранение идентичности? // Вестн. культуры и искусств. № 2 (54). 2018. С. 66–79.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности : пер. с нем. М., 2004. С. 65.
4. Габдрахманова Г. Ф., Махмутов З. А. Национальный интернет России: к постановке проблемы // Oriental Studies. 2018. Vol. 3. P. 142–151. URL: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-142-151>.
5. Гимадеева Д. Р. Татарские сетевые сообщества. Казань : Казан. ун-т, 2013. С. 166–188.
6. Жак Ле Гофф. История и память. М. : РОССПЭН, 2013. 303 с.
7. Загрутдинов А. Загадка татнета, «Чистое небо», троичный код. Как в Татарстане появился интернет: интервью с Полиной Колозариди // Инде: интернет-журнал о жизни в городах Республики Татарстан. 14.12.2017. URL: <http://inde.io/article/9000zagadka-tatneta-chistoe-nebo-troichnyu-kod-kak-v-tatarstane-poyavilsya-internet> (дата обращения: 22.03.2020)
8. Кастельс М. Галактика Интернета: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.
9. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 20–40.

10. Кистова А. В., Пименова Н. Н., Букова М. И. Современное состояние декоративно-прикладного искусства эвенков – коренных народов Сибирской Арктики // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 49–56/
11. Копцева Н. П., Кистова А. В., Пименова Н. Н. Культура детства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (на материале полевых исследований чулымской этнокультурной группы в Тюхтетском районе Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 422.
12. Лещинская Н. М. Этнокультурное развитие энцев // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 6–19.
13. Лобакова Н. М., Сертакова Е. А. Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 6–22.
14. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб., 2004.
15. Мамонтова Н. Кочевание на просторах Интернета: репрезентация эвенкийской культуры Вконтакте // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 95–125.
16. Менш П. И. Значение: функциональная идентичность артефактов // Вопросы музеологии. № 1 (9). 2014. С. 177–192.
17. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018.
18. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41).
19. Овчинникова З. А. Роль музеев в формировании, поддержке и трансляции исторической и культурной памяти // Вестн. культуры и искусств. № 1 (53). 2018. С. 82–92.
20. Резникова К. В. Специфика языков самодийской группы, включая ненецкий и энецкий языки // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 62–82.
21. Резникова К. В., Середкина Н. Н., Замаараева Ю. С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 23–41.
22. Религиозные воззрения коренных народов Таймыра / А. В. Кистова, Н. Н. Пименова, А. А. Ситникова [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 48–62.
23. Роль религии в сохранении традиционного образа жизни эвенков / Ю. С. Замаараева, В. С. Лузан, С. В. Метляева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 34–47.
24. Скворцов Н. Г. Социальная практика этничности: социологический и социальноантропологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра соц. наук. СПб. : СПбГУ, 1997. С. 42.
25. Смолина М. Г., Колесник М. А. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 41–53.
26. Специфика религиозного сознания кетов и селькупов в контексте культурного и исторического развития / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 63–80.
27. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3 (40/41). С. 8–27.
28. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Новое изд-во, 2007.
29. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб. : Владимир Даль, 2003.

УДК 316.7:39

А. А. Шпак

*Аспирант по направлению «Теория и история искусства»,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА СЛОЖНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ*

Рассмотрены концептуальные основы феномена этнической идентичности как части социологии с точки зрения конструктивистского подхода. Дано определение сложной идентичности как принадлежности личности к разным этническим группам и признания их в равной степени значимыми для индивида. Исследована методологическая база для нахождения различных аспектов сложной идентичности с точки зрения качественных методов, имеющих эмпирическую направленность. Вопрос о конструировании сложных идентичностей решается через привлечение произведений искусства в качестве инструмента в создании научной модели сложной идентичности.

***Ключевые слова:** идентификация, сложная социальная идентичность, этническая идентичность, конструирование сложной идентичности, культурные исследования.*

Изучение феномена идентичности сопряжено с его вхождением в личную и социальную категории, что указывает на его междисциплинарный характер. Изучение идентичности происходит с позиций психологии, социологии, политологии, философии, антропологии этнологии и культурологии. Расширение проблематики изучения феномена идентичности также связано с процессами глобализации. В данном случае представлены основы концептуального и методологического исследования культурно-антропологической проблематики и конструирования сложных идентичностей и их особенностей. Изначально в XX веке феномен идентификации изучался с позиции зарубежной психологии, рассматривающей различные теории личности, начиная с З. Фрейда. Идентификация в данном случае понималась как процесс подражания, а впоследствии и переживания человека момента слияния лич-

© Шпак А. А., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90041.

The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90041.

ности с объектом подражания. Особенности идентичности с точки зрения психоаналитического направления рассматривает Э. Эриксон, представляющий эпигенетическую концепцию развития личности. Когнитивная психология в рамках изучения идентификации личности представлена такими исследователями, как В. Н. Павленко, Г. Тэджфел, Дж. Тернер. Направление возрастных кризисов развития личности дано в работах И. С. Кона, Дж. Марсия.

Междисциплинарный характер предполагает рассмотрение феномена идентичности как социального процесса, определяющегося социокультурной ситуацией общества. Понятие социальной идентичности связано с самоопределением человека на основе различных социальных категорий и признаков через которые человек причисляет себя к определенной группе [1].

Теорию социальных представлений описывают С. Московичи, Ю. Хабермас через концепцию баланса идентичности. Исследование феномена идентичности через личную категорию предполагает акцентирование на разнообразии групп, в которые входит индивид, а через социальную категорию – как тождественности индивида тем или иным группам. Сложная социальная идентичность рассматривается В. А. Казаковой и А. А. Григорян с точки зрения разнообразия различных социальных групп и вхождения в эти группы индивидов, признающих разнообразие групп и включение в них различных наборов групповых идентификаций [2]. В модели сложной социальной идентичности личности, предложенной С. Роккасом и М. Брюером, отмечается что сложность социальной идентичности проявляется в степени восприятия людьми множества своих групп как отличных друг от друга. Сложная социальная идентичность связана с позитивными межкультурными установками [3].

С точки зрения политических исследований, в том числе и в российских регионах, можно отметить ученых, занимающихся вопросами становления национально-гражданской идентичности российской молодежи в условиях глобальных социокультурных трансформаций: Т. Н. Самсонова, Т. В. Евгеньева, В. В. Титов, Н. А. Тельнова, С. А. Панкратов. Л. М. Дробижева рассматривают идентичность в синтезе общероссийских, региональных и этнических измерений; в работах делается акцент на межнациональных отношениях и гражданской российской идентичности [4; 5].

Важными представляются труды А. В. Тишкова, посвященные вопросам этничности и национализма, а также проблеме межнациональных конфликтов [6]. О. Н. Астафьева, А. Я. Флиер рассматривают особенности культурной политики в условиях модернизации и глобализации.

Обращаясь к культурологическим аспектам феномена идентичности, необходимо изучить его с позиции этнической идентичности. Исследование понятия «этническая идентичность» отличается разнообразием научных подходов. В изучении этничности существует два концептуальных подхода: примордиализм и конструктивизм. Базовым аналитическим подходом является конструктивистский, приверженцами которого считаются Б. Андерсон, П. Бурдьё, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, А. В. Тишков. Согласно примордиализму этничность как категория имеет лишь объективные основания, не зависящие от самосознания человека. Этническая идентичность, в свою очередь, согласно конструктивистскому подходу, может быть трактована как продукт и результат социальных взаимоотношений между людьми. Таким образом, этническая идентичность имеет динамичный характер, при котором могут происходить трансформационные процессы. Как отмечает А. В. Кистова, сложные этнические идентичности – это принадлежность личности к разным этническим группам при условии одновременного понимания различий и интеграции их ценностей [7].

Актуальность изучения сложных форм идентичности связана с процессами глобализации и ведет к гетерогенизации, как отмечает К. В. Резникова. Гетерогенизация, в свою очередь, – это обращение отдельных этносов к своей культуре и выделение общностью своих индивидуальных черт.

Конструктивистский подход в изучении сложных этнических идентичностей позволяет говорить о возможности их конструирования. Конструирование идентичностей связано с возможностью воздействия на личность с психологической точки зрения. В данном случае необходимо упомянуть «умную» и «мягкую» силы воздействия на общество. Влияние на общество через «мягкую» силу связано с культурными практиками, адресованными сознанию человека, и воспроизводит культурные коды, знаки и символы, определяющие принадлежность человека к той или иной этнической группе [8].

Исследователи Н. М. Лобакова, Н. Н. Пименова, А. В. Кистова выделяют художественную, обрядовую культуру, народный быт, ритуалы как конструирующие элементы. В качестве культурного механизма сохранения этнокультурной идентичности у Н. А. Сафоновой выступает традиционная обрядовая культура. Определяют признаки феномена этнокультурной идентичности: территориальный признак, культурную составляющую и язык. Обрядовая практика выступает как механизм, регулирующий процессы этнокультурной идентичности [9].

Исследование идентичности эмпирически опирается на качественные методы, имеющие в своей основе социальный конструктивизм, базовое положение которого – социальное конструирование реальности [10]. Определение сложных идентичностей включает в себя большое количество методов: интервью, анкетирование, метод фокус-групп.

Выделяя в качестве методологии конструирующего элемента культуры произведения декоративного искусства, следует обозначить категориальный аппарат, связанный с данным определением. Согласно теории Н. П. Копцевой и В. И. Жуковского, произведение искусства определяется как вещь второй природы, созданная искусственно и имеющая материальные габариты; ее цель – создание художественного образа, направленного на объединение человеческого и абсолютного начал. Художественный образ, в свою очередь, включает понятие художественного пространства как места встречи человека-зрителя и произведения-вещи. Именно художественное пространство интересно для рассмотрения с точки зрения конструирования идентичности как пространство художественного текста. Данное пространство включает определенные художественные знаки, позволяющие проследить в них сложную идентичность посредством обращения к объекту и субъекту языка [11].

Произведения декоративного искусства содержат в своей тематике обширную этническую память и духовный опыт поколений. Для сложных идентичностей свойственна связь различных этнических символов, но при этом прослеживается равнозначность разных культурных групп.

Таким образом, указанные концептуальные основы для исследования феномена сложных идентичностей позволяют выделить особенности этнической идентичности в системе социальных наук. Изучение методологии определяет некоторые качественные методы для исследования сложной идентичности, в то время как методы конструирования акцентируются на произведениях декоративно-прикладного искусства.

Библиографические ссылки

1. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования : монография. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.
2. Казакова В. А., Григорян А. А. Сложность социальной идентичности и межкультурные установки // Приоритетные научные направления: от теории к практике : сб. материалов XXXIX Междунар. науч.-практ. конф., 2017
3. Roccas S., Brewer M. B. Social identity complexity // *Personality and Social Psychology Review*. 2008. № 6. P. 88–106.

4. Дробижева Л. М. Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал в консолидации политэтнического общества // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. 2-е изд., доп. М. : ИЭА РАН, 2018. С. 107–119.
5. Дробижева Л. М. Заключение // Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты : монография / отв. ред. Л. М. Дробижева. М. : ФНИСЦ РАН, 2018. С. 503–515.
6. Тишков В. А. Россия как многонациональная общность и перспектива межэтнического согласия. М.: АЦ «Российские исследования», 1994 (Серия: Политология. Вып. IV.)
7. Кистова А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Красноярск, 2013. 22 с.
8. Резникова К. В. Социальное конструирование общенациональной идентичности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2012. 20 с.
9. Сафонова Н. А. Традиционная обрядовая культура как механизм сохранения этнокультурной идентичности // Вестн. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. 2016. № 3 (47). С. 55–59.
10. Калышбаева Б. Н. Качественные методы в исследовании идентичности // Наука и новые технологии. 2010. № 3. С. 187–189.
11. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Пропозиции теории изобразительного искусства Красноярск : КГУ, 2004.
12. Исследование отношения населения Красноярского края к изменению климата и новым источникам энергетических ресурсов. Красноярск, 2017.
13. Карлова О. А., Серебренникова А. Д. Образование и вызовы визуально-клиповой эпохи // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 2 (06). С. 7–17.
14. Копцева М. С. Обзор научных исследований в некоторых областях биологической антропологии в 2014–2019 гг. // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 2 (06). С. 23–37.
15. Копцева Н. П. К вопросу о способах репрезентации идейного пространства ренессанса в *Vita Nuova* Данте Алигьери // NB: Филологические исследования. 2014. № 2. С. 66–77.
16. Либакова Н. М. Формирование позитивной этнической идентичности индигенных народов посредством декоративно-прикладного искусства (резьба по кости) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1887.
17. Метляева С. В. Культурная ценность музыкально-исполнительских особенностей композитора // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 4 (12). С. 13–20.
18. Новая арт-критика на берегах Енисея. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015.
19. Новое сибирское китаеведение. Базовые концепты китайской культуры. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018.
20. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018.
21. Пчелкина Д. С. Искусство как область конструирования гендера и гендерной репрезентации // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 4 (12). С. 21–34.
22. Символическая экология как инструмент исследования трансформаций городского пространства / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева [и др.] // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3, № 3. С. 8–23.

23. Ситникова А. А. Рецензия на книгу «Эвенкия: Время больших перемен: По материалам Эвенкийского архива. Ч. 1: Ликвидация безграмотности» // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 2 (06). С. 44–47.
24. Специфика религиозного сознания кетов и селькупов в контексте культурного и исторического развития / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 63–80.
25. Филько А. И. Городская символическая экология как подход к изучению городского пространства // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 4 (12). С. 35–43.
26. Хребтов М. Я. Анализ культурных смыслов в сознании современной молодежи (на материале контент-анализа СМИ и социологического интернет-опроса) // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 4 (12). С. 44–52.
27. Шпак А. А. Аспекты теоретического подхода в кураторских практиках // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 4 (12). С. 53–66.
28. Dynamics of Krasnoyarsk urban space in the early 21st century / Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, S. V. Metlyaeva [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 6. P. 953–974.
29. Indian mausoleums as the representatives of the Islamic religion in the era of the Great Mughals / K. V. Reznikova, N. P. Koptseva, V. A. Razumovskaya, V. I. Kirko // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-2. С. 19–34.
30. Koptseva N. P., Avdeeva Yu. N., Kirko V. I. Post-soviet ethnic and cultural identity reproduction practicing among the Dolgans inhabiting the arctic territories of Eastern Siberia // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-2. С. 709–714.
31. Koptseva N. P., Nemaeva N. O., Obmorokova A. M. The cultural meaning of the concept of "Rodina" ("Homeland") prevalent among the younger generation of the Krasnoyarsk Territory (Central Siberia, Russia) // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-2. С. 347–353.
32. Krasnoyarsk urban environment: main characteristics / Yu. S. Zamaraeva, A. V. Kistova, M. A. Kolesnik [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 6. P. 1106–1123.
33. Overview of relevant regional culture studies (the Krasnoyarsk Krai): challenges and approaches / K. A. Degtyarenko, S. V. Metlyaeva, D. S. Pchelkina [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 8. P. 1568–1588.
34. Religion of the Evenki: history and modern times / Yu. S. Zamaraeva, V. S. Luzan, S. V. Metlyaeva [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 5. P. 853–871.
35. The educational aspects of art criticism / M. Tarasova, M. Smolina, Y. Avdeeva [et al.] // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-1. С. 109–116.

УДК 17.022.1:821-344

Э. В. Пашова

Аспирант, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

МОДИФИКАЦИИ АРХЕТИПОВ В КОМИКСАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА СЕРИИ КОМИКСОВ ДЖЕРАРДА УЭЯ И ГАБРИЭЛЯ БА «АКАДЕМИЯ АМБРЕЛЛА»)

С середины XX века персонажи комиксов появляются на телевизионных экранах и экранах кинотеатров, постепенно получая свои мультипликационные и кинематографические образы. Развивается направление графических адаптаций классических литературных произведений, для современных авторов становится повсеместной практикой создание графических романов на основе собственных произведений. Однако при всей своей широкой известности в современном обществе комиксы до сих пор не получили всеобщего признания как самостоятельный вид искусства и достойная академического изучения область. Целью данной статьи становится изучение выразительных возможностей комикса, посредством которых могут выражаться модификационные архетипические проявления, лежащие в основе образов персонажей комиксов; исследование проводилось на материале анализа ограниченной серии комиксов «Академия Амбрелла». В результате было выявлено, что в основе каждого образа центральной группы персонажей серии комиксов «Академия Амбрелла» может лежать одно или несколько архетипических проявлений, выраженных посредством прописанных черт характера, моделей поведения, жизненных целей и особенностей визуального решения, которые видоизменяются в соответствии с представлениями современного для них общества.

Ключевые слова: комикс, графический роман, архетипы.

E. V. Pashova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

MODIFICATION OF ARCHETYPES IN COMICS (BASED ON THE ANALYSIS OF THE COMIC BOOK SERIES BY GERARD WAY AND GABRIEL BÁ "THE UMBRELLA ACADEMY")

Since the mid-20th century, comic book characters have appeared on television and movie theater screens, gradually getting their animated and cinematic images. The direction of graphic adaptations of classical literary works is developing, and for contemporary authors, the creation of graphic novels based on their own works

is becoming widespread. However, with all its wide fame in modern society, comics have not yet received widespread recognition as an independent art form and an area worthy of academic study. The purpose of this article is to study the expressive capabilities of comics, through which the modification archetypal manifestations that underlie the images of comic book characters can be expressed; the study was based on analysis of the limited comic book series "The Umbrella Academy". As a result, it was found that each image of the central group of characters in the Umbrella Academy comic book series may contain one or more archetypal manifestations expressed through prescribed character traits, behavior patterns, life goals, and visual solution features that are modified in accordance with modern society for them.

Keywords: comic book, graphic novel, archetype.

В настоящее время комикс может быть представлен как практически неотъемлемая часть жизни каждого современного человека. Зарубежный и российский издательский рынок комиксов и графических романов продолжает пополняться новинками едва ли не ежемесячно, комиксы занимают значительное место в контенте социальных сетей, так или иначе располагаются в газетах и журналах, находят свое место в различных видах рекламы, популяризируются благодаря экранному и сериальному кинематографу, собирают создателей и поклонников на площадках разнообразных фестивалей. Постепенно развивается направление графических адаптаций известных классических литературных произведений (примерами могут служить «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго [1] и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского [2]). Для современных авторов становится повсеместной практикой создание графических романов на основе собственных произведений (например, «История с кладбищем» Н. Геймана [3; 4] и «Дом странных детей» Р. Риггза [5; 6]). И хотя до сих пор существует портящий репутацию данного искусства стереотип о том, что самыми распространенными жанрами комиксов являются приключения и карикатура, в современных условиях становится все более очевидно, что в действительности комиксы могут быть любыми и по литературному жанру, и по стилю рисования, что позволяет произведению найти потенциальную аудиторию.

Однако, несмотря на широкую известность в современном обществе, комиксы до сих пор не получили всеобщего признания как самостоятельное искусство и достойная академического изучения область: к ним по-прежнему относятся несколько предвзято, считают более массовым и менее интеллектуальным явлением, представляют в качестве плохо нарисованного, полуграмотного, дешевого детского чтива. Достаточно распространена ситуация, ко-

гда комиксы воспринимаются как яркие, красочные и некачественно напечатанные журналы с низкопробными картинками и глупыми сюжетами, находящиеся вдалеке от того, что понимается под настоящей литературой, заслуживающей внимания; предполагается, что комикс невозможно поставить в один ряд с настоящей литературой, что подобное чтение негативно влияет как на художественный вкус, так и на интеллектуальные способности и увлеченность процессом чтения, что гораздо правильнее ограничить или запретить издание, что подобное явление культуры и искусство нежелательны как таковые.

Чтобы комикс мог получить признание в широком читательском и научном сообществах, необходимо суметь разрушить укоренившиеся и поддерживаемые стереотипы о низкопробности и несостоятельности данного явления культуры, впоследствии допустив в отношении комикса непредвзятое и корректное академическое изучение как явления, в умелых руках потенциально обладающего широким спектром возможностей. В дальнейшем научные методы и современные достижения в сфере гуманитарных наук позволят с различных точек зрения рассмотреть относящееся одновременно и к литературе, и к визуальному искусству явление комикса и выявить его возможный потенциал.

Стоит начать с того, что слово «комикс» происходит от английского *comic*, в переводе обозначающего «комический, юмористический, смешной, комедийный» [7, с. 117]. Родольфо Тёпфер говорит о комиксах как о настолько своеобразном романе, «что он похож на роман не больше, чем на что бы то ни было другое» [8, с. 11]. Жорж Садуль определяет комиксы как рассказы в картинках [9], Уилл Айснер – как последовательное искусство (англ. *sequential art*) [10, с. 5]. Комиксами называют нелепые юмористические журналы, фильмы на бумаге, графическую литературу, истории в картинках, карикатурные серии [11, стр. 21]. Комикс в отдельных случаях может восприниматься как разновидность книжно-журнальной иллюстрации, используемой в печатных СМИ [11, с. 20]. С. Макклауд в своем комиксе о комиксе «Понимание комикса невидимое искусство» [12] выводит рабочее определение комикса как иллюстративных и других изображений, сопоставленных рядом в продуманной последовательности для передачи информации и/или получения эстетического отклика от зрителя [12, с. 9]. На данном этапе его рабочее определение теоретически включает в себя все возможное многообразие существовавших, существующих и в последствии изобретенных видов

изображений, не ограничивая их используемыми материалами, художественными школами, философиями, движениями и методами видения.

Комикс представляет собой сочетание черт таких искусств, как литература и изобразительное искусство [11, с. 21], вследствие чего о нем можно говорить, как о синтетическом искусстве, являющимся органическим слиянием или относительно свободной комбинацией, образующими качественно новое и единое эстетическое целое [13], в связи с чем он не может быть оценен в рамках традиционных категорий эстетики. Более того, в нем соединяются и оставляют генетический намек на родство глубина содержания романа, изобразительное богатство пластического искусства, символически-метафорическая плотность смысла поэтического текста, достоверность и детальность фотографии, движения кинематографа [11, с. 21].

Возможно говорить о том, что основными характеристиками комикса как искусства являются:

1) использование «речевых пузырей», форма и внутреннее наполнение которых играют значительную роль в контексте передачи модуляций и эмоций, для иллюстрации речи и мыслей;

2) изменение функции слова как отход от описательного метода в пользу передачи звуков, контроля внутреннего голоса и внутреннего слуха, поскольку в комиксах писательское мастерство может быть определено как концепция идеи, расположение изобразительных элементов, конструирование последовательности повествования и составление диалогов;

3) условность и карикатурность рисунка как средство художественной заразительности, связанной с эгоцентричностью человека и его способностью видеть себя во всем, обнаруживать эмоции и характерные черты и перекраивать мир по собственному образу;

4) комбинация слов и картинок как способ передачи широкого спектра ощущений, поскольку «чем больше сказано словами, тем более свободно может быть изображение в своем содержании и наоборот. Идеально, когда в комиксе слово и рисунок действуют как партнеры в танце, и каждый из них равен <...> Однако сколько бы мы не выстраивали эти зависимости, они бесконечно зависят от интуитивного чувства автора» [12, с. 155–161];

5) домысливание как не непрерывный и исключительно добровольный процесс видения фрагментов, но восприятия целого;

6) наличие временных рамок и тесная взаимосвязь времени, пространства и движения, обусловленная тем фактом, что время в комиксе представ-

ляется гораздо более причудливым, чем предположение о том, что каждый кадр комикса есть отдельный момент времени, в то время как человеческий мозг восстанавливает промежуточные моменты и создает иллюзию времени и движения, поскольку в комиксах время имитируется посредством слов, представляя собой могущий существовать только во времени звук.

На основании вышеизложенного следует, что при правильном определении понятия «комикс» становится возможным описание комикса как практически безграничного искусства, содержащего в себе инструменты литературы, изобразительного искусства и кинематографа, но по итогу не сводящегося к ним.

В книге «Создание комикса. Как рассказать историю в комиксах, манге и графических романах» [14] С. Макклауд исследует процесс создания комикса от широких принципов до мельчайших деталей. В контексте исследуемой темы наибольший интерес представляет глава «Истории про и для людей» [14, с. 58–127], посвященная созданию и изображению персонажей, выражениям лица и языку тела: в ней даны рекомендации к созданию героя, который сможет быстро и ясно выразить необходимую идею и в достаточной степени заинтриговать читателя. «Вы своим рисунком создаете формы, линии и цвета, а жизненный опыт читателя вдыхает в них жизнь» [14, с. 58].

Предполагается, что важнейшим базовым признаком в процессе создания персонажа является наличие симметрии, позволяющей отличить живое от неживого и принять за живое то, что им в действительности не является. Таким образом, при наличии двусторонней симметрии и базовых узнаваемых элементов в рисунке человек легко сможет узнать самого себя, что составляет значительную часть заразительности всегда несущих в себе долю карикатурности иллюстраций комиксов. Однако для создания более конкретного персонажа необходимо грамотное применение еще нескольких способов персонализации и превращения рисунков в правдоподобных людей.

1. Дизайн персонажей [14, с. 63–79], в основном зависящий от стиля и предпочтений писателя и художника, но во всех случаях основанный на трех базовых качествах: внутреннем мире, визуальных отличиях и характерных чертах.

Существует несколько способов того, как можно придать персонажам большую достоверность:

- вложить в героя частичку себя (осложняется риском создать множество собственных отражений вместо оригинальных героев);

- построить список действующих лиц на основе разных аспектов одной идеи (например, применять психологические классификации);
- использовать существующие в мифах и легендах архетипы (позволяет соприкоснуться с общечеловеческими ценностями).

Внешность персонажей также может строиться на общей идее, идущей от их внутреннего содержания и варьирующейся по степени очевидности: в данном случае можно использовать любые из уже существующих тематических «наборов» (примерами могут служить времена года/месяцы, страны/штаты/города, семь смертных грехов и т. д.) или бытующие в обществе стереотипы. При этом возможно преподносить читателям различные сюрпризы на основе противоречия визуально созданным ожиданиям (например, наделять героя с характером ботаника внешностью работяги).

2. Выражение лица [14, с. 80–101] позволяет наиболее корректно передавать эмоции персонажей, поскольку оно прочитывается легче и игнорируется труднее, чем слова.

3. Язык тела [14, с. 102–119] представляет персонажей до того, как они начинают говорить, позволяет наполнить страницы жизнью, энергией и индивидуальностью. И хотя выражение лица и язык тела вместе передают одинаковые чувства, язык тела в большей степени подчиняется ситуации и в большей степени связан с окружающим миром, что приводит к разрыву между действием и чувством.

В конечном счете можно говорить о том, что персонаж комикса есть одна из форм проявления сознания и воплощения представлений писателя и художника посредством своего дизайна, выражений лица и языка тела, одновременно раскрывающих идею произведения в целом и обладающий самостоятельной значимостью. Для полноценного анализа персонажа необходимо рассматривать такие ключевые характеристики, как внутренний мир, визуальные отличия и характерные черты, совокупность которых может дать наиболее полное представление о заключенной в нем идее.

Ранее упоминалось о том, что одним из способов придания персонажам большей достоверности является использование существующих в мифах и легендах архетипов, позволяющих соприкоснуться с общечеловеческими ценностями.

Понятие «архетип» происходит от древнегреческого слова *ἀρχέτυπον*, в переводе обозначающего «первообраз, оригинал, подлинник, образец» [15, с. 23], и подразумевает изначальные первобытные образы, универсальные

символы или мотивы, существующие в коллективном бессознательном и проявляющиеся посредством сновидений [16]. Также «архетип» можно трактовать как «насыщенный энергией центр», знак внутренней эволюции и ключ к решению проблем при условии, что послание коллективного бессознательного правильно понимается в каждом конкретном случае [17]. Концепция архетипов была наиболее полно разработана Карлом Густавом Юнгом [18], швейцарским психиатром и основоположником аналитической психологии.

В рамках выработанной К. Г. Юнгом концепции предполагается, что существует определенная наследуемая структура психики, развивающаяся на протяжении всей эволюции человечества и заставляющая переживать и реализовывать жизненный опыт посредством определенных образов. Подобная определенность происходит из коллективного бессознательного, единого для всего общества в целом, не зависящего от индивидуального опыта и истории развития индивида [19], и влияет на человеческие мысли, чувства и поступки посредством формирования общечеловеческих архетипов, которые содержат в себе более глубокие слои психической жизни и скрытые смыслы, понимаемые на бессознательном уровне.

Описываемые первобытные бессознательные образы имеют следующие характеристики, которые позволяют выделить их из многообразия существующих психических явлений [20]:

- устойчивость;
- распространение у всех народов и во всех временных периодах;
- наличие дистанции и обладание набором как положительных, так и отрицательных характеристик;
- нахождение отражения в мифах и сказках;
- влияние на эмоциональное состояние человека;
- вызов ответной реакции индивида.

Архетипические образы по своей сути наделены огромной психической энергией, и каждая встреча с ними вызывает сильные эмоции, ведущие к трансформации индивидуального сознания. Спутанные и темные проявления архетипов воспринимаются одновременно в качестве жуткого и чуждого и в качестве бесконечно превосходящего и божественного, что еще не имеет наглядных проявлений в воспринимаемой реальности и не является доступным для сознательного осмысления. Для возможности сознательного восприятия и дальнейшего описания воспринятых в индивидуальных измененных состояниях сознания архетипических образов человечество задействовало

механизмы, приведшие к формированию таких проявлений культуры, как мифология, религия, философия и искусство [21], при помощи которых происходит постепенное превращение смутных образов в прекрасные по форме и всеобщие по содержанию символы, по-прежнему наиболее полно воспринимаемые на бессознательном уровне, но уже имеющие потенциал для осознанного проявления и использования.

Поскольку архетипические образы принимают вид устойчивых символов и мотивов, передающихся из поколения в поколение, и поддерживающихся посредством коллективных и индивидуальных творческих проявлений, которые формируют такие стороны общечеловеческой культуры, как мифология, религия, философия и искусство, в дальнейшем становится возможным говорить о проявлениях архетипических образов посредством литературы и изобразительного искусства.

Литературный архетип – часто повторяющийся образ в фольклорных и литературных произведениях; он представляется сквозной, порождающей моделью, которая содержит в себе неизменное ценностно-смысловое ядро и обладает способностью к внешним изменениям [22]. Предполагается, что множество литературно-художественных образов произрастают из определенного архетипического ядра, проявляющегося в форме сознательных и бессознательных мифологических мотивов, и впоследствии концептуально обогащают его.

Культурные архетипы – базисные элементы культуры, которые своим содержанием составляют типическое в культуре и раскрываются посредством изобразительных форм [23], вследствие чего можно говорить о том, что искусство является непосредственным отражением архетипических символов своей эпохи и способно посредством деятельности отдельных творцов передавать особенности душевного состояния [24].

Влияние архетипов на визуальное восприятие остается крайне высоким в любом произведении изобразительного искусства, поскольку человеческий мозг склонен интерпретировать полученную информацию на основе некоей «праинформации», полученной как из собственного опыта, так и из опыта предков (Ф. Крик, К. Кох): в этом случае архетипы воспринимаются как то, что используется для облегчения декодирования информации и ускорения получения ответа [25].

В процессе исследования роли архетипов в комиксах был проведен анализ научных статей из международных баз данных Scopus, Web of Science, Taylor&

Francis и WILEY, которые подтвердили выдвинутое С. Макклаудом предположение о том, что архетипические образы могут лежать в основе создания персонажей и групп персонажей в комиксах. Выбранные для изучения научные статьи объединены между собой тематикой исследований различного выражения архетипических проявлений в литературе, комиксах и кинематографе [26–35].

На основе проведенного исследования можно говорить о том, что архетипы играли ранее и продолжают играть значимую роль в создании персонажей, помогая задействовать в процессе их раскрытия неосознаваемые подсознательные проявления общечеловеческих представлений в различных сферах (взаимоотношения с самим собой и окружающими, представления о жизни и смерти и т. д.). Более того, архетипические проявления позволяют придавать сюжетам всеобщность и всеохватность, иначе раскрывать и переосмысливать образы персонажей.

Дальнейшее изучение роли архетипов в комиксах проходило посредством анализа серии комиксов Джерарда Уэя и Габриэля Ба «Академия Амбрелла». Данная серия комиксов была выбрана в качестве предмета исследования по следующим причинам:

- во-первых, серия комиксов была положительно встречена критиками, которые отметили ее премией Айснера «за лучшую оконченную/ограниченную серию» в 2008 году, может говорить о ней как об одном из актуальных современных репрезентантов жанра «комикс»;
- во-вторых, в сюжетной и визуальной составляющих серии комикса отмечаются интересные для читателей и исследователей комиксов особенности, связанные с открытостью сюжетных линий и специфическим художественным стилем;
- в-третьих, серия комиксов не исследовалась ранее, поскольку не получила широкой известности в России.

«Академия Амбрелла» – комикс-серия сценариста Джерарда Уэя [36] и художника Габриэля Ба [37] с обложками от Джеймса Джина [38], издававшаяся Dark Horse Comics в 2007–2008 годах и получившая премию Айснера «за Лучшую оконченную/ограниченную серию» в 2008 году [39]. На настоящее время опубликованы две ограниченные серии на шесть выпусков («Сюита Апокалипсиса» и «Даллас»), объединенные общими персонажами и последовательно развивающимся сюжетом.

«Академия Амбрелла» рассказывает историю о мире, в котором совершенно случайные, не связанные между собой и не бывшие в тот момент бе-

ременными женщины по всей планете в одну и ту же минуту рожают сорок три необыкновенных младенца, каждый из которых оказывается наделен какой-либо исключительной способностью. Семерых из них усыновляет таинственный сэр Реджинальд «Монокль» Харгривз, убежденный, что этим детям предстоит спасти мир от неназванной угрозы. Серия комиксов посвящена тому времени, когда члены академии «Амбрелла», расформированной до начала описываемых событий команды супергероев, вновь встречаются после смерти их приемного отца.

Цельный облик серии комиксов «Академия Амбрелла» возможно составить только при взгляде на находящиеся между собой в тесной взаимосвязи аспекты: сюжет и иллюстрации. Отдельно стоит оговорить тот факт, что облик персонажей и конкретные сцены были изначально продуманы Джерардом Уэем в его коммерческом предложении, однако над номерами работала целая команда специалистов в области рисования комиксов: художник Габриэль Ба, колорист Дэйв Стюарт, дизайнер обложек Джеймс Джин. В свою очередь, Джерард Уэй полностью прописывал сюжет каждого номера, работая над ним урывками между выступлениями во время гастрольного тура с группой My Chemical Romance и их последним на тот момент концептуальным альбомом *The Black Parade* [40, с. 153–154].

В целом «Академия Амбрелла» представляет собой произведение, в котором сюжетная и визуальная составляющие грамотно поддерживают друг друга на протяжении всего повествования, создавая увлекательную историю о команде людей со сверхспособностями. Однако некоторая сумбурность сюжета и общая карикатурность изображения могут не позволить осознать заложенный глубокий посыл и поставить комикс-серию в один ряд с пародиями на супергероику.

Более того, «Академия Амбрелла» может показаться недоработанной за счет сюжетных «белых пятен» и не отличающегося кардинальной индивидуальностью художественного стиля. В то же время подобные недостатки могут обернуться достоинствами, если воспринимать их через призму того, что сценарист фактически предоставил читателям простор для фантазии через недосказанность в деталях, в то время как художник подобрал наиболее характерную манеру рисовки для передачи общей атмосферы происходящего.

В рамках исследования проводился анализ только центральной группы персонажей, помимо специфических характеристик каждого отдельно взятого участника, обладающего особенностями, определяющими всю группу в целом:

- Реджинальд Харгривз как приемный отец и основатель Академии «Амбрелла» максимально обезличивал усыновленных детей посредством использования порядковых номеров вместо имен, одевания в выполненную в нейтральных цветах форму академии, постоянного ношения скрывающей половину лица и цвет глаз маски, предпочтения сходных стрижек для мальчиков и для девочек;
- в качестве индивидуальных черт каждого из детей невозможно было скрыть разницу в физиологических и физических данных, психологические характеристики и сверхъестественные способности или их отсутствие;
- порядковые номера давались детям в зависимости от полезности их сверхъестественных способностей для поставленных приемным отцом целей по спасению мира (первый как наиболее полезный), в то же время обозначая возрастающую мощь их сверхъестественных сил (седьмая как наиболее сильная);
- дети получили личные и кодовые имена в возрасте после 10 лет; предполагается, что внешние различия начали проявляться примерно в том же возрасте;
- детей обязывали называть приемного отца не иначе, как «мистер Монокль, сэр».

Вследствие этого становится возможным говорить о том, что академия «Амбрелла» для усыновленных детей в большей степени являлась школой-интернатом, чем настоящей семьей, поскольку они были равнозначно обезличены перед приемным отцом и оценивались исключительно по проявленным сверхспособностям и ценным в контексте спасения мира личным качествам.

В результате проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что в основании каждого из восьми персонажей центральной группы лежит архетипическое проявление, которое демонстрируется посредством прописанных черт характера, моделей поведения, жизненных целей и особенностей визуального решения.

Отдельно стоит оговорить тот факт, что персонажи могут относиться одновременно к нескольким архетипам и/или литературным типам, которые подчеркивают характерные особенности друг друга (в случае Диего), скрывают один другой под видом маски (в случае Клауса) или составляют пару противоположностей (в случае Вани).

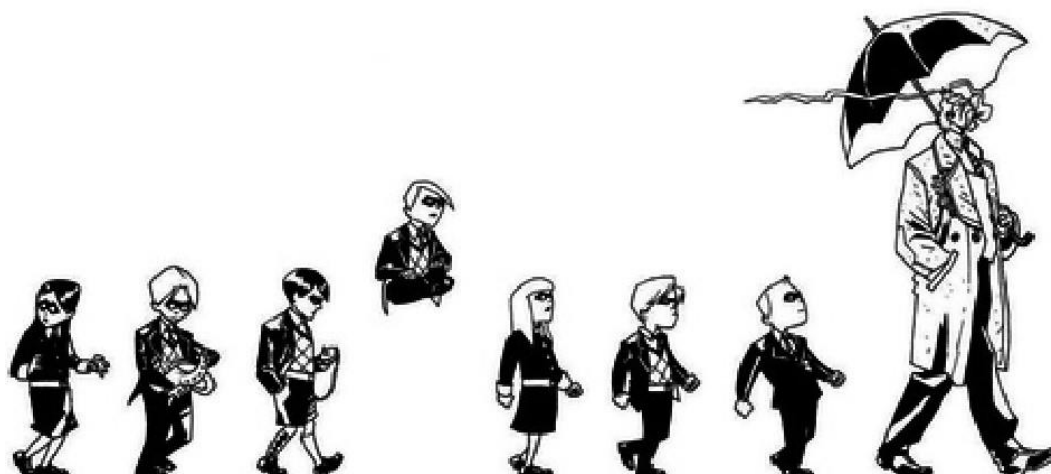

Рис. 1. Визуальное представление центральной группы персонажей в роли действующей команды «Академия Амбрелла» (персонажи представлены справа налево): сэр Реджинальд Харгривз, #00.01, #00.02, #00.03, #00.04, #00.05, #00.06 и #00.07

Рис. 2. Визуальное представление центральной группы персонажей в роли расформированной команды «Академия Амбрелла» (персонажи представлены справа налево): гроб сэра Реджинальда Харгривза, Лютер, Диего, Эллисон, Клаус, Пятый и Ваня

1. Образ Реджинальда Харгривза может быть основан на архетипе «мага» или «волшебника», но представлять собой одну из его теневых сторон – «манипулятора» [41]: при таких ключевых характеристиках, как интеллектуальное любопытство, изобретательность, стратегические навыки и способность к обучению, он остается скрытным, отчужденным, хладнокровным и жестоким. Он не находится исключительно на стороне «добра», однако не принадлежит полностью ко «злу», всегда принимая решение на основе собственных планов.

2. Образ Лютера Харгривза может быть основан на архетипе «героя» [42]: он дисциплинирован и сконцентрирован, уверен и решителен, мужественно агрессивен и эмоционально отчужден. У него есть великая цель, достижение которой поможет ему не только улучшить мир, но и доказать собственную значимость; в ее достижении ему помогают его сила воли и храбрость, которые дополняются компетентностью в таких областях, как стрельба и авиация. Однако помимо положительных архетипических проявлений, он несет в себе и отрицательные черты: неумение вовремя остановиться и успокоиться, излишнюю приверженность принципам, неконтролируемое высокомерие и боязнь собственной уязвимости. И именно давление на отрицательные черты буквально «ломает» его, пусть и на время превращая из Номера Один в «шоколадного шимпанзе» [40, Даллас № 1, с. 14].

3. Образ Диэго Харгривза может быть основан на архетипе «бунтаря» [43], желающего устроить революцию в привычном образе жизни, отомстить за нелюбовь приемного отца, за собственную неценность. Он боится проявить бессилие и остаться в числе тех, кто по итогу не внесет никакого вклада в общее дело по спасению мира, поэтому светлые чувства в его проявлении также окрашены агрессией – в таком случае их нельзя будет принять за слабость. Однако в своем стремлении к эффективности, он порой может перейти границы дозволенного и пойти на преступление только ради того, чтобы достичь своей цели.

В то же время образ Диэго Харгривза возможно отнести к типу «антигероя», который хотя и выступает на стороне «добра», но в своей деятельности не боится применять крайне жестокие методы [44], что является одной из его наиболее ярких отличительных черт. По сюжету он ставится в те ситуации, в которых может проявить себя как герой, но выходит из них менее гуманным образом, проливая свою и чужую кровь.

4. Образ Эллисон Харгривз основан на архетипе «любовника»: того, кто ассоциируется с романтикой и любовью, соблазном и страстью, любящего жизнь и удовольствия, находящегося в постоянном совершенствовании коммуникации с окружающими. Она привлекательна физически и умеет привлечь эмоционально, она прилагает усилия к тому, чтобы окружать себя тем, что будет доставлять ей удовольствие, тем самым проявляя здоровый эгоизм. Однако порой она может перейти грань дозволенного, поскольку в желании удовлетворить не только себя, но и небезразличных ей окружающих, теряет саму себя – и ее внешняя привлекательность, образ героини и способность

изменять реальность только увеличивают вероятность потери собственной индивидуальности.

5. Образ Клауса Харгривза основан на архетипе «шута» [45], боящегося посредственно проявить себя и прожить заурядную жизнь, склонного к артистичности и экспериментам. Однако этот архетип создает лишь маску, под которой можно рассмотреть архетип «смерти-возрождения» [25] – полное разрушение и воссоздание в новой форме, в его случае неоднократно повторяющееся на протяжении повествования. От милого и ранимого ребенка к неуравновешенному наркоману, от пациента психиатрической лечебницы к расхитителю могил, от расчетливой убийцы к любящему отцу – Клаус продолжает изменяться, но всегда остается самим собой.

6. Образ Номера Пять может быть основан на архетипе «мага» [41; 46], близком к архетипу «мудреца» [47]: он обладает многолетним жизненным опытом и стремится познать окружающий мир, однако в то же время он не столько открывает истину, сколько наставляет других и помогает им выполнять их предназначения, пока он следует своим собственным планам, не находясь ни на стороне добра, ни на стороне зла.

7. Бен представляется наиболее сложным для анализа персонажем, поскольку в серии комиксов дано крайне незначительное количество информации о нем. Однако возможно предположить, что его образ основан на архетипе «невинного» [48], поскольку он прилагал усилия к тому, чтобы быть полезным и достойным, чтобы соответствовать требованиям со стороны, будто боясь поступить неправильно или плохо. Он был наивным и поддавался манипуляциям, никак не проявляя собственной индивидуальности, сливаясь с общим образом команды, хотя тяготился ролью героя. И только смерть подчеркнула его исключительность по сравнению с остальными приемными детьми.

8. Образы Вани и Белой Скрипки основаны на паре противоположных друг другу архетипов – «персоне» [49] и «тени» [50]. С одной стороны, Ваня представляет собой того, кто выполняет обращенные к ней требования и скрывает свои наиболее уязвимые и болезненные места, кто не знает и не осознает суть своей личности. С другой стороны, Белая Скрипка воплощает в себе то, что может пониматься под «ущербными чертами характера» или «неприемлемыми тенденциями», что не может быть принято Ваней по причине несовместимости с ее представлением о самой себе. В результате незнание «персоной» собственной «тени» ведет к рассогласованию личности, проявившемуся в форме безумия и маниакальной жестокости.

Более того, для серии комиксов «Академия Амбрелла» характерно модифицированное решение используемых архетипов, поскольку хотя они и содержат в себе стереотипные архетипические проявления, однако дополняются обыкновенно несвойственными им чертами, примерами чего могут служить отрицательные черты характера Лютера как «героя», не всегда идеальная внешность Эллисон как «любовника», юный облик Номера Пять как «мага». Таким образом, для современного читателя привычное представление образов, основанных на архетипах, не является актуальным в силу его отдаленности от условий реального мира, в связи с чем персонажи с архетипическим основанием приобретают некоторые отрицательные и нетипичные черты в своем характере и облике. Подобным приемом в произведении усиливается художественная заразительность, которая не только привлекает читателя к прочтению серии комиксов, но и может помогать ему в нахождении ценного для него архетипа.

На основании описанных сюжетных, визуальных характеристик и анализа центральной группы персонажей серию комиксов «Академия Амбрелла» возможно охарактеризовать как актуальное для читателей и исследователей произведение. Недосказанность сюжетных линий и карикатурность сюрреалистичных рисунков, постоянно актуальные темы непростых взаимоотношений между близкими друг другу людьми, принятия другого со всеми его сложностями – именно это сочетание составляет ценность данной серии комиксов, которая преодолевает стереотипные представления о комиксах, посвященных командам спасающих мир героев. В ней в качестве главных героев выступают персонажи, чьи образы представляются общепонятными, но не идеальными и не приближающимися к идеальным, что делает их более реальными и более приближенными к читателям. Таким образом, посредством негативных характеристик персонажа являются возможность существования близкого к нему образа в реальной жизни. Через увлекательный сюжет и забавные иллюстрации до читателей доносятся глубокие идеи о взаимном принятии и важности работы в команде, где раскрываются сильные и прикрываются слабые стороны друг друга. Вполне возможно, что «Академия Амбрелла» не станет одним из ключевых произведений в истории комиксов о героических командах по причине недосказанности сюжета и небрежности рисунка, однако на настоящий момент она занимает достойное место в своей нише и заслуживает внимания со стороны читателей, которые заинтересованы в знакомстве с теми произведениями, после прочтения которых необходимо остановиться и задуматься.

Таким образом, можно говорить о том, что комикс как искусство обладает широкими выразительными возможностями, в том числе связанными с воплощением архетипических проявлений. К ним относится способность комикса нести в себе такие всеобщие и глубокие идеи, как взаимодействие между не понимающими индивидуальности, цели и желания друг друга близкими людьми, важность гармоничной работы в команде. Они передаются читателю в том числе посредством проработанных образов персонажей, основанных на всеобщих архетипических проявлениях, но изменяющихся характером и внешностью для большей актуальности в современном обществе. Они модифицируются благодаря дополнениям в форме несвойственных стереотипным архетипическим проявлениям черт, в числе которых могут быть отрицательные черты характера и изменения визуального решения, делающие персонажа более далеким от идеала, но более приближенным к реальности.

Библиографические ссылки

1. Гюгю В. Собор Парижской Богоматери. М. : Изд-во «Э», 2019. 64 с.
2. Достоевский Ф. М. Преступления и наказания. М. : АСТ, 2014. 128 с.
3. Гейнман Н. История с кладбищем. Кн. 1. М. : АСТ, 2016. 192 с.
4. Гейнман Н. История с кладбищем. Кн. 2. М. : АСТ, 2016. 176 с.
5. Риггз Р. Дом странных детей. Графический роман. М. : Клуб семейного досуга, 2017. 272 с.
6. Риггз Р. Город Пустых. Побег из Дома странных детей. Графический роман. М. : Клуб семейного досуга, 2017. 272 с.
7. Мюллер В. К. Большой англо-русский и русско-английский словарь. М. : ЭКСМО, 2010. 1008 с.
8. Baron-Carvais A. La bande dessinée. Paris, 1985. 128 p.
9. Садуль Ж. Всеобщая история кино. Т. 1. М. : Искусство, 1958. 612 с.
10. Eisner W. Comics and Sequential Art. USA, 2008. 192 p.
11. Кривуля Н. В зеркале времени: анимация двух Америк (немой период). М. : Аметист, 2007. 620 с.
12. Макклауд С. Понимание комикса. Невидимое искусство. М. : Белое яблоко, 2016. 216 с.
13. Синтетические искусства: "С". Культура и культурология : справ. URL: http://www.artap.ru/cult/sintetich_i.htm.
14. Макклауд С. Создание комикса. Как рассказать историю в комиксах, манге и графических романах. М. : Белое яблоко, 2019. 272 с.
15. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Т. I. От А до И. СПб. : Тип. Акад. наук, 1803. 868 с.
16. Архетип (психология) // Википедия : свободная энцикл. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Архетип_\(психология\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Архетип_(психология)). [in Russian]
17. Архетип // Психологический словарь. URL: <http://www.psychologies.ru/glossary/01/arhetip/>.

18. Большая Советская энциклопедия. Т. 30 / под ред. А. М. Прохорова. М. : Сов. энцикл., 1969. 631 с.
19. Юнг К. Г. Очерки по психологии бессознательного. М. : Изд-во «Когито-Центр», 2010. 352 р.
20. Сухорукова А. А. Что такое архетип: просто о сложном // Тренинг-портал. trn.ua. URL: <https://www.trn.ua/articles/9350/>.
21. Культурология. XX век : энцикл. Т. 1. А–Л / под ред. С. Я Левит С. СПб. : Университетская книга, 1998. 447 с.
22. Большакова А. Ю. Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. С. 169–173.
23. Архетип в искусстве: краткая справка // Alter Ego: интуиция, личность, искусство : арт-проект. URL: http://www.alterego.com.ua/texts/a_archetyp.html.
24. Бойко О. А. Архетип «тени» в искусстве XX в. // Вестн. Том. Гос. ун-та. Серия: Культурология и искусствоведение. 2016. С. 15–23.
25. Теория архетипов К. Г. Юнга и ее применение в графической рекламе // taby27.ru : сайт. URL: http://taby27.ru/studentam_aspirantam/philos_design/vlijanie-junga-na-dizajjn/teoriya-arxetipov-yunga-ee-primenenie-v-graficheskoy-reklame.
26. Bassil-Morozow H. Loki then and now: the trickster against civilization // International Journal of Jungian Studies. 2017. P. 84–96.
27. Diamond A., Poharec L. Introduction: freaked and othered bodies in comics // Journal of Graphic Novels and Comics. 2017. P. 402–416.
28. Hall C. The group hero: An archetype whose time has come // Exploring the Collective Unconscious in the Age of Digital Media. USA, 2016. P. 214–231.
29. Jürgens A.-S. Batman's Joker, a neo-modern clown of violence // Journal of Graphic Novels and Comics. 2014. P. 441–454.
30. McGunnigle C. The difference between heroes and monsters: Marvel monsters and their transition into the superhero genre // University of Toronto Quarterly. 2018. P. 110–135.
31. Sanil M. From Gods to superheroes: an analysis of Indian comics through a mythological lens // Continuum. 2017. P. 285–295.
32. Triana B. Deadpool: When our (anti)heroes do less and we reward them more // The Journal of Popular Culture. 2018. P. 1016–1035.
33. Valentine G. Empire of a wicked woman: Catwoman, royalty, and the making of a comics icon // Journal of Graphic Novels and Comics. 2018. Article in press.
34. Valentova E. The betwixt-and-between: Peter Pan as a trickster figure // The Journal of Popular Culture. 2018. P. 735–753.
35. Weiser L. The zombie archetype: Living in a viral culture // Psychological Perspectives. A Quarterly Journal of Jungian Thought. 2015. P. 442–454.
36. Gerard Arthur Way // Wikipedia: the free encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Gerard_Way.
37. Gabriel Bá // Wikipedia: the free encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Gabriel_Bá.
38. James Jean // Wikipedia: the free encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/James_Jean.

39. 2000s Eisner Awards. 2008 Eisner Awards (for works published in 2007). Comic Con International: San Diego. URL: <https://www.comic-con.org/awards/2000s>.
40. Уэй Д., Ба Г. Академия Амбрелла. М. : Комильфо, 2018. 368 с.
41. Чеснокова Е. В. Архетипы в литературе. Концепция Роберта Мура // Электрон. Библиотека БГУ . URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/209422>.
42. Архетип «Герой»: описание архетипов // Yulia Los Official Site. URL: <https://yulialos.com/archetypes/opisanie-arhetipov/hero/>.
43. Архетип «Бунтарь»: описание архетипов // Yulia Los Official Site. URL: <https://yulialos.com/archetypes/opisanie-arhetipov/rebel/>.
44. 365 Reasons to Love Comics #211. The World's Top Destination for Comic, Movie & TV news. CBR.com. URL: <https://www.cbr.com/365-reasons-to-love-comics-211/>.
45. Архетип «Шут»: описание архетипов // Yulia Los Official Site. URL: <https://yulialos.com/archetypes/opisanie-arhetipov/jester/>.
46. Архетипы и образы: литературный конструктор. URL: <http://www.gamefan.ru/shr/index.php?showtopic=7601>.
47. Архетип «Мудрец»: описание архетипов // Yulia Los Official Site. URL: <https://yulialos.com/archetypes/opisanie-arhetipov/sage/>.
48. Архетип «Невинный»: описание архетипов // Yulia Los Official Site [Description of archetypes. URL: <https://yulialos.com/archetypes/opisanie-arhetipov/innocent/>.
49. Персона // Википедия : свободная энцикл. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Персона_\(архетип\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Персона_(архетип)).
50. Тень // Википедия : свободная энцикл. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Тень_\(архетип\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Тень_(архетип)).

СЕКЦИЯ 2

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

УДК 316.774:314.151.5(571.1/.5)"20"

Е. С. Былкова¹, В. В. Безгачева²

^{1,2} Аспирант, Томский государственный университет, Томск, Россия

ОЦЕНКА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ В РЕГИОНАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА (2000-е ГОДЫ)*

Исследование посвящено оценке информационного обеспечения реализации политики переселения зарубежных соотечественников в регионах Сибирского федерального округа. С использованием сравнительного и структурно-функционального методов были выявлены и проанализированы основные механизмы информационного сопровождения участия соотечественников в программе переселения. Также источниковую базу исследования составили результаты 10 структурированных интервью с участниками программы, проживающими в регионах Сибирского федерального округа, проведенных в феврале – мае 2019 года. Определено, что главный недостаток информационной составляющей программы связан со слабым учетом региональных условий вселения и конкретных процедур оформления необходимой документации. Трудности при поиске информации обуславливают распространение неофициальных каналов ее передачи (форумы, социальные сети с целью обмена опытом переселения в конкретный регион). Признавая положительную роль данных каналов, сделан вывод о необходимости конкретизации региональных нормативных и нормативно-методических документов для повышения учета региональной специфики (например, в формате подпрограмм или приложений к программе, где будут учтены условия вселения, в том числе в районы субъекта, компенсации и особенности для разных групп членов семей, прежде всего детей и пенсионеров.

Ключевые слова: соотечественники, миграция, информационное поле, региональная политика.

V. V. Bezgacheva, E. S. Bylkova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

ASSESSMENT OF INFORMATION SUPPORT FOR THE IMPLEMENTATION OF THE POLICY OF RESETTLEMENT OF FOREIGN COMPATRIOTS IN THE REGIONS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT (2000-s)

The study is devoted to the assessment of information support for the implementation of the policy of resettlement of foreign compatriots in the regions of the Sibe-

© Былкова Е. С., Безгачева В. В., 2020

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ и Администрации Томской области № 19-411-703005 «Дискурсивные практики формирования информационного поля политики переселения соотечественников, проживающих за рубежом, в регионах Сибирского федерального округа».

rian Federal district. On the basis of comparative and structural-functional methods, the main mechanisms of information support for the participation of compatriots in the resettlement program were identified and analyzed. The results of 10 structured interviews with program participants living in the regions of the Siberian Federal district, conducted in February – may 2019, also formed the source base of the study. It is determined that the main drawback of the information component of the program is associated with poor consideration of regional conditions of accommodation and specific procedures for registration of necessary documentation. Difficulties in finding information lead to the spread of informal channels of information (forums, social networks to share experiences of resettlement in a particular region). Recognizing the positive role of these channels, the conclusion about the necessity of clarifying the regional regulatory and regulatory guidance documents to enhance regional context (for example, routines or applications to the program, which will take into account the conditions of the universe, including in the areas of the subject of compensation and particularly for different groups of family members (mainly children and pensioners)).

Keywords: *compatriots, migration, information field, regional policy.*

Взаимодействие с соотечественниками, проживающими за рубежом, стало новой задачей для Российского государства постсоветского периода, обусловленной распадом Советского союза. Уже в 1990-е годы можно говорить о двух его основных направлениях: взаимодействие с соотечественниками, прибывающими на территорию России, и соотечественниками, проживающими за ее пределами. Главным направлением для российских регионов как субъектов государственной политики является миграционное: в 1990-е годы обусловленное стихийной миграцией на территорию России русского и русскоязычного населения бывших союзных республик, в 2000-е годы – реализацией Государственной программы содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на территорию России.

В соответствии с федеральной Государственной программой содействия переселению соотечественников целью данной политики является преодоление кризисных демографических и социально-экономических процессов в российских регионах. После распада СССР в стране резко возросли темпы депопуляции; по данным переписи 2002 года, численность населения сократилась на 1,8 млн человек. В 2013 году в России впервые был зарегистрирован прирост населения, однако имеющиеся диспропорции на региональном уровне оставляют демографическую ситуацию в числе кризисных. В первую очередь данная проблема актуальна для регионов Сибири и Дальнего Востока. Демографический кризис, обусловленный увеличением продолжительности жизни людей, изменением их образа жизни и связанным с этим старением

населения, определен как один из наиболее значимых вызовов согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [1]. В других государственных документах, таких как Концепция демографического развития России до 2025 года, Концепция государственной миграционной политики России на период до 2025 года, одним из направлений государственной деятельности по стабилизации демографической и миграционной ситуации определена реализация политики переселения зарубежных соотечественников. В связи с этим научные исследования в сфере переселения соотечественников, проживающих за рубежом, следует рассматривать в рамках одного из приоритетных направлений Стратегии научно-технологического развития России в части противодействия техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства.

В историографии исследуемой темы определены два основных тематических блока: концепт «соотечественник» в риторике общественной и политической жизни постсоветской России и переселенческая политика России в постсоветский период. Сегодня принято выделять два базовых подхода к определению понятия «соотечественник»: гражданский (государственный) и этнический. Первый подход подразумевает отнесение к категории соотечественников лиц и их прямых потомков вне зависимости от национальной, этнической, религиозной принадлежности, являвшихся подданными/гражданами государства, имеющих культурные и духовные связи с ним и с его населением. Данный подход применяется в работах Н. О. Матвейцевой [2], Д. В. Петухова [3], М. Ларюэля [4]. В рамках второго подхода к категории соотечественников предлагается относить лиц и их потомков, имеющих этнические корни с государством и его населением. Этот подход применяется в работах А. А. Гребенюка [5], М. Н. Храмовой [6] и др.

Отдельно следует выделить подход, связанный с выделением двух значений концепта «соотечественник». Так, В. Колесов отмечает, что в узком смысле под соотечественниками следует понимать «русских жителей субъектов РФ и бывших союзных республик» (этнических русских и ассоциирующих себя с ними), в широком – «не отождествляющих себя с русскими представителями различных народов, проживающих вне этнического ареала» [7].

Во втором тематическом блоке, как правило, основным объектом исследования является деятельность федерального центра, а также распределение пол-

номочий между федеральным центром и регионами (И. Зевелев [8] и др.). Деятельность регионов по поддержке соотечественников рассматривается в рамках других направлений государственной активности (культурной, миграционной, образовательной и т. д.), что связано с отсутствием в большинстве регионов оформления данной политики в качестве отдельного направления государственной деятельности. Среди изучающих региональную переселенческую политику следует отметить таких исследователей, как К. Григоричев [9], В. Дятлов [10], Е. В. Шевцова [11], А. В. Метелев [12] и др. В большей степени в современных трудах в качестве объекта выступает государство (как система механизмов реализации переселенческой политики) и сами переселенцы. При этом, как правило, особое внимание уделяется регионам-лидерам по количеству переселенцев в 1990-е и 2000-е годы или же опыту конкретного региона.

Одной из задач, стоящих перед федеральными и региональными властями, является формирование информационного поля реализации программы переселения соотечественников. Говоря об информационном поле, мы имеем в виду его двусторонний характер: в первом случае объектом информационного поля как совокупного пространства целенаправленных информационных потоков и дискурсивных практик становятся участники программы, во втором – местное население как принимающее общество (в широком смысле включает совокупность акторов в пределах России). Цель данного исследования – оценка механизмов информационного сопровождения политики переселения соотечественников в регионах Сибирского федерального округа. Основными методами исследования стали сравнительный, структурно-функциональный и метод интервьюирования. Совокупность междисциплинарных методов позволяет провести комплексный анализ для достижения указанных целей и задач.

Из двенадцати регионов Сибирского федерального округа к 2016 году в программу вступили девять регионов: Алтайский край (2009), Республика Бурятия (2011), Забайкальский край (2010), Иркутская область (2007), Кемеровская область (2009), Красноярский край (2007), Новосибирская область (2007), Омская область (2009), Томская область (2016), Республика Хакасия (2014). Из них три региона (Иркутская и Новосибирская области, Красноярский край) стали первыми «пилотными» регионами, в которых начала реализовываться новая программа (с 2007 года).

В соответствии с действующей редакцией Федерального закона «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» за-

конодатель выделяет следующие направления деятельности в обозначенной области:

- 1) содействие добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию;
- 2) поддержка соотечественников в области основных прав и свобод человека и гражданина;
- 3) поддержка соотечественников в экономической и социальной областях;
- 4) поддержка соотечественников в областях культуры, языка, религии и образования;
- 5) поддержка соотечественников в области информации [13].

Таким образом, информационная поддержка соотечественников определяется одним из основных направлений взаимодействия России с зарубежными соотечественниками, при этом ее можно определить как необходимую основу для реализации иных обозначенных выше направлений. Роль регионов – преобладающая в миграционном направлении, которое является приоритетным для них как субъектов государственной политики по поддержке соотечественников.

Основным механизмом информационного сопровождения участия в программе переселения на уровне регионов стала разработка нормативных и нормативно-методических документов. На основе федеральной программы содействия добровольному переселению соотечественников, носящей, по существу, рамочный характер, регионы разрабатывают собственные программы, которые должны отражать специфику региона, его возможности по привлечению и обустройству соотечественников. Данный документ является обязательным для участия регионов в программе переселения. Иные нормативные и нормативно-методические документы не носят обязательного характера и разрабатываются регионами для раскрытия содержания региональной программы, организации ее реализации и предоставления дополнительной информации переселенцам (регламенты приема переселенцев, планы мероприятий по организации работы с переселенцами, постановления о возмещении расходов, связанных с переселением, памятки участнику Государственной программы и т. д.). В данных документах содержится информация об этапах и процедурах переселения, компенсациях, как гарантированных Государственной программой, так и специфических для конкретного региона.

Несмотря на то, что с момента начала реализации Госпрограммы наблюдается усиление информационной составляющей как на федеральном (создание информационных интернет-порталов переселенцев, периодические издания в электронном и бумажном вариантах и др.¹), так и на региональном уровнях (проведение выездных и онлайн-презентаций региональных программ, размещение информации на сайтах компетентных органов, рассылка информационных материалов в представительства ФМС России за рубежом, консульские учреждения и другие компетентные органы), нельзя говорить о ее полноте. Из интервью с переселенцами из Казахстана в регионы Сибирского федерального округа, проведенных автором в феврале – мае 2018 года:

«Я считаю, кто хочет найти информацию, тот её найдет. То, что разъяснение по Программе возложено в основном на таких, как я, которые на форуме выкладывают вехи своего пути – это просто ужасное отношение к своей работе тех людей, которые должны отвечать за реализацию этой самой программы, плюс отвратительное отношение к людям тех людей, которые консультируют и принимают документы <...> я не успела зайти в кабинет с документами, как на меня начала орать инспекторша, которая мне в дочери годится. Так что здесь все на уровне общей подготовки чиновников в России».

«Информация слабая, в основном информацию берем у других переселенцев, которые прошли уже процедуры».

«В Казахстане распространения почти нет. Только слухами и такими энтузиастами, как я, программа получает своих новобранцев».

«В плане информации, к сожалению, с официальных источников тяжело почерпнуть достаточно полную и достоверную информацию. Основным источником информации для меня является сайт <http://back2russia.net/>».

Результаты интервью свидетельствуют о возрастании роли неформальных механизмов распространения информации среди переселенцев, прежде всего через интернет-порталы и социальные сети. Переселенцы отмечают в качестве основных источников информации форум <http://back2russia.net/>, группы в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники», группы в системе обмена сообщениями WhatsApp. При этом следует отметить, что среди тех, кто оценивает информационное поле программы как недостаточное, распространенным аргументом является негативное отношение со стороны сотрудников компетентных органов власти.

¹ Интернет-порталы <http://www.ruvek.ru/>, <http://back2russia.com/>; журналы «Русский век», «Голос Родины», «Балтийский мир», газета для соотечественников «Русская правда» и др.

Слабое информационное сопровождение обусловлено недостаточным учетом специфики переселения в конкретный регион даже в самих региональных материалах, например, о компенсациях, предусмотренных для участников программы. Со стороны региональных органов власти осуществляется информационная поддержка (предоставление информации о возможностях найма жилья, временного размещения в гостиницах, льготном кредитовании и ипотеке), а также большинство региональных программ предусматривают частичную компенсацию за найм (как правило, до периода получения гражданства). Однако существует ряд компенсаций, распространяемых не на весь субъект, а на определенный муниципальный район. Частично подобные сведения содержатся в информационных изданиях для соотечественников (например, в журнале «Русский век»), однако они не являются официальными нормативно-правовыми материалами. Кроме того, представляется недостаточной информация о реализации в регионах программ социальной и экономической поддержки населения, в которых могут принимать участие переселенцы (как правило, акцент делается на информирование о возможности участия в программах жилищного обустройства, в том числе ипотечного кредитования, поскольку жилищное обеспечение (наряду с трудоустройством) является основной проблемой для участников программы).

Изучение материалов форумов переселенцев (на примере <http://back2russia.net/>, который можно определить в качестве основного функционирующего интернет-портала для участников программы переселения) свидетельствует, что главные вопросы касаются процедур получения статуса переселенца, разрешения на временное проживание, гражданства и связанной с этими категориями документацией. При этом обращают на себя внимание ссылки на упоминаемые выше нормативные и нормативно-методические документы, что свидетельствует не об отсутствии информации, а о трудностях в ее поиске. Особое внимание уделяется прохождению процедур отдельными категориями переселенцев, как правило, членами семьи.

Таким образом, можно сделать вывод, что основной недостаток информационной составляющей программы связан со слабым учетом региональных условий вселения и конкретных процедур оформления необходимой документации. Определено, что переселенцы сталкиваются с трудностями при поиске информации, что обуславливает распространение неофициальных каналов ее передачи (форумы, социальные сети с целью обмена опытом переселения в конкретный регион). Признавая положительную роль данных каналов,

которые могут восполнять пробелы официальных информационных источников, сделан вывод о необходимости конкретизации региональных нормативных и нормативно-методических документов для повышения учета региональной специфики.

Это возможно при разработке подпрограмм (или приложений) в рамках региональной программы, в которых будут наиболее полно отражены условия переселения в конкретный район субъекта (в том числе, в сельскую местность, что представляется наиболее важным, учитывая отток трудоспособного населения в районные и региональные центры и в другие регионы). Особую роль следует уделить компенсациям, предусмотренным в разных районах области, а также конкретным этапам переселения, в том числе особенностям для разных групп членов семей, прежде всего детей и пенсионеров. Кроме того, представляется необходимой интенсификация взаимодействия компетентных органов государственной власти со средствами массовой информации с целью повышения роли данного механизма формирования информационного поля политики переселения соотечественников.

Библиографические ссылки

1. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420384257>.
2. Матвейцева Н. О. Эволюция социально-политического положения российской диаспоры в странах СНГ : дис. ... канд. пед. наук. 2007. 254 с.
3. Петухов Д. В. Понятие правового института «соотечественники за рубежом» // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 10. С. 14–17.
4. Ларюэль М. «Русская диаспора» и «русские соотечественники» // Портал «Полит.ру». М., 2018. URL: <http://polit.ru/article/2006/09/08/diaspora/>.
5. Гребенюк А. А. Миграция соотечественников в Россию и совершенствование миграционной политики : дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. 195 с.
6. Храмова М. Н. Возвратная миграция соотечественников из стран СНГ в Россию: вероятности, риски, возможности. М., 2018. URL: <https://economics.hse.ru/data/2014/04/15/1320707621>.
7. Колесов В. В. Особенности становления и реализации государственной политики переселения соотечественников в Россию : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2014. 45 с.
8. Зевелев И. Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 1. С. 33–45.
9. Григоричев К. В., Тарасова Е. В. Миграционные связи между Алтайским краем и Казахстаном в 1992–2001 годах: региональные особенности // Журнал Евразии. 2004. Вып. 1. С. 324–340.
10. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / В. Дятлов, К. Григоричев, Н. Гуль [и др.] ; науч. ред. В. И. Дятлов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. 394 с.

11. Шевцова Т. В. Привлечение соотечественников в сибирские регионы в контексте реализации переселенческого проекта // Отрасли права : аналит. портал. М., 2018. URL: <http://xn----7sbba7auwnffhk.xn--p1ai/article/7104>.
12. Метелев И. С. Миграция населения Западно-Сибирского региона: проблемы и перспективы // Вестн. Ом. ун-та. Серия «Экономика». 2012. № 3. С. 50–55.
13. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : федер. закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (с изм. и доп.). М., 2018. URL: base.garant.ru/12115694/#5.

УДК 81'42:711.4-122

Д. О. Тимошкин

*Научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия*

РАЗВИТИЕ ЗАСТРОЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ В СИМВОЛИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДСКИХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКА И КРАСНОЯРСКА)

Рассмотрены образы локальностей Иркутска и Красноярска в городских медиа. Проанализированы практики репрезентации данных территорий местными жителями, городскими влиятельными группами и представителями органов власти (политическими режимами). Ретранслируемые медиаобразы территорий РЗТ изучены как пример «внутренней колонизации»: влиятельные группы и местные жители, описывая данные пространства, используют метафору «фронтира» и милитарную метафору.

Ключевые слова: *фронтир, город, внутренняя колонизация, городские политические режимы, медиа.*

D. O. Timoshkin

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

DEVELOPMENT OF BUILT-UP TERRITORIES IN THE SYMBOLIC SPACE OF URBAN MEDIA (ON THE EXAMPLE OF IRKUTSK AND KRASNOYARSK)

The article deals with images of Irkutsk and Krasnoyarsk localities in urban media. The article analyzes the practices of representation of these territories by local residents, urban influential groups, and representatives of authorities (political re-

gimes). The retransmitted media images of RZT territories are considered as an example of "internal colonization": influential groups and local residents use the "frontier" metaphor and a military metaphor when describing these spaces.

Keywords: *frontier, city, internal colonization, urban political regimes, media.*

Под термином «развитие застроенных территорий» (РЗТ) часто подразумевается снос старых городских кварталов и возведение на их месте новых жилых и офисных зданий. РЗТ провоцирует масштабную внутреннюю миграцию, добровольную или вынужденную, в ходе которой меняется структура места: маршруты, фасады, материалы, городские мобильности.

Программы РЗТ неизбежно порождают городские конфликты. Это случается настолько часто, что отсутствие судебных разбирательств между городом и жителями считается чем-то неординарным. Конфликты возникают по ряду причин. Пожалуй, главная – оспаривание права на город городским режимом, в данном случае застройщиками и городской администрацией, и жителями «развиваемой» территории. Далеко не все хотят менять привычную среду на неизвестность, не все соглашаются с предложенными компенсациями.

Все это становится прекрасным информационным поводом, и на сцену выходят СМИ. Они дают нам замечательную возможность наблюдать за тем, как представляют события участвующие в них акторы. Было проанализировано около 100 текстов из топа поисковой выдачи Google по запросам «реновация», «переселение», «ветхое и аварийное жилье», «деревянный», «застройка», «дом», «Иркутск», «Красноярск».

Аналитическим инструментом стал анализ дискурса. Знак, относящийся к упоминаемым в СМИ территориям, рассматривался как пустой, изменчивый, который участвующие в обсуждении группы пытались заполнить, связывая с ним те или иные пространственные и социальные категории.

В медийном пространстве Иркутска и Красноярска подобных локаций упоминается множество: отдельные дома, кварталы и целые районы, которые предполагается «развивать». Просматривая поисковую выдачу, можно обнаружить, что в Иркутске чаще упоминаются улицы Якоби и Театральная, часть деревянного исторического центра, первый поселок ГЭС, улица Седова.

В Красноярске это части улицы Ады Лебедевой, Николаевка, упоминается Покровка, улицы Марковского, Перенсона и другие территории центра. Отправной точкой обсуждений в СМИ становится «объявление» влиятельных групп о том, что некая территория включена в программу развития, или,

например, что она застроена ветхими или аварийными домами, что ее необходимо «расчистить»¹.

Городской режим формирует повестку дня, представляющую экспансию в выгодном свете. Снос и застройка объявляется эффективным инструментом экономического и социального развития. Констатируется, что радикальное редактирование ведется в интересах «города», который «должен развиваться», и жителей, которых обеспечат новым жильем. «Осваиваемые» территории объявляются «пустыми», заброшенными, и именно это становится основным ресурсом, необходимым влиятельным группам: пустота пространства требует «освоения», в данном случае – заполнения новыми зданиями и новыми практиками.

В публичных высказываниях влиятельные группы стремятся сформировать негативный образ локальности, используя слова «бараки», «неприглядно», «ветхие», «пятно на лице городского центра» и т. д. Пространство представлено так, чтобы у читателя не осталось сомнений в том, что снос – единственная адекватная мера воздействия.

Определив территорию как маргинальную периферию, спикеры пытаются охарактеризовать население так, чтобы скомпрометировать возможные возражения. Принудительное переселение представляется как акт благотворительности. Если жителей не устраивает сумма компенсации, это объявляется эгоистичными², глупыми попытками отсрочить неизбежное или даже «саботажем».³ Несогласных с суммами компенсации представляют как недалеких и жадных, эгоистов, желающих нажиться на «прогессе».

Выдавая за недвижимость в центре города суммы, порой недостаточные для покупки самого дешевого жилья на периферии, влиятельные группы в СМИ называют незначительными причины, по которым жители ценят свою землю и дома. Воспоминания, развитые горизонтальные сети, близость к центру, приверженность полусельскому образу жизни – все это либо игнорируется, либо объявляется бредом, не стоящим внимания.

Утверждение права на город в высказываниях городского политического режима осуществляется через констатацию неотвратимости предложенного ими проекта. Проект приравнивается к реальности, мнение жителей зачастую не просто не учитывается, оно не существует в пределах этой реальности.

¹ URL: <http://www.trk7.ru/news/99895.html>.

² URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20170630/house/>.

³ URL: <https://irkutskmedia.ru/news/390331/>.

Подтверждая свою монополию на будущее, влиятельные группы могут ссылаться на различные, преподносимые как очевидное знание факторы вроде «исторических обстоятельств»¹, «объективных потребностей города» и т. д.

Экспансия политического режима осуществляется в первую очередь через заявление его права на будущее выбранной территории. Влиятельные группы представляют нужный им проект как единственно верный, единственно прогрессивный, единственно возможный.

Овладение территорией в символическом пространстве осуществляется с небольшим отставанием от непосредственного вмешательства в пространство физическое. Сначала объявляется, что некий район не соответствует представлению городского режима о том, как он должен выглядеть. Отсюда делается вывод о необходимости его «развития». Начинаются разговоры о модернизации коммуникаций, о добровольном переселении, о благоустройстве территории. Затем, постепенно, влиятельные группы переходят к заявлениям о неизбежности и безальтернативности своего проекта. И, финальным аккордом, на домах появляются приглашения на слушания, на которых жителям заявляют о том, что их переселят, а дома снесут.

Провозглашаемые на первом этапе цели и методы могут быть любыми, но вслед за ними обязательно, рано или поздно, следует бульдозер. Интересно, что жители в СМИ чаще пытаются оспорить не будущее локальности, а ее прошлое. Признавая неизбежность переселения и сноса своих домов, они оспаривают формируемый городскими режимами негативный образ территории.

Вместо «ветхости» и «несовременности» с ней связывают «экологичность» и «покой», вместо «пустоты» и «заброшенности» уникальные локальные практики, аутентичность. Жители видят динамичную структуру, складывающуюся из сложившихся десятилетиями сетей и маршрутов там, где влиятельные группы видят хаос и дезорганизацию.

Впрочем, отдельные успешные попытки оспорить сам проект, право влиятельной группы безальтернативно его продвигать все же встречаются. В пример можно привести кейс «первого поселка ГЭС» в Иркутске. Это небольшой участок, застроенный двухэтажными особняками, возведенными в годы строительства Иркутской ГЭС. Место считается весьма комфортным для жизни, это зеленый район, рядом с водой, есть пляж, своя школа.

¹ URL: <https://ngs24.ru/news/more/66215449/>.

В 2017 году городской политической режим одновременно признал большинство находящихся в этом районе домов аварийными и подлежащими сносу. Выяснилось, что район включили в «программу развития застроенных территорий» и здесь предполагается возведение элитного жилья. Жителям в ультимативной форме сообщили, что «вас здесь больше не живет».

Жители отказались признать монопольное право городского режима определять будущее территории. Они начали сразу же говорить в публичном пространстве на языке влиятельных групп – языке нормативных актов, поставив под сомнение «аварийность» домов и в принципе компетентность политического режима в этом вопросе¹. Были оспорены экспертные заключения о признании домов аварийными. Например, жители указали на то, что доказательствами «аварийности» в официальных заключениях стали фотографии фасадов, на которых потрескалась краска. Это выдавалось за необратимые повреждения.

Затем была оспорена риторика «прогресса» – самый популярный аргумент влиятельных групп при реализации РЗТ, на котором строится моральный пафос программ. За высказываниями представителей власти о необходимости «развития» территорий выявили интересы частных лиц, бывших и действующих сотрудников администрации, работающих вместе с застройщиками².

Сомнение в компетентности влиятельной группы, обнаружение скрытых мотивов должностных лиц привлекло внимание СМИ, которые подняли вокруг дела шум. Поспособствовали этому обращения к уполномоченному по правам человека, нескольким депутатам и в прокуратуру. Жители выиграли в судах 16 исков подряд³.

Конечно, атака была организована весьма топорно, городской режим явно рассчитывал на то, что сопротивления не будет. Тем не менее можно увидеть, как тактика оспаривания базовых позиций используется другими группами на других территориях. Не менее важным кажется и то, что жители научились пользоваться языком власти для того, чтобы выдвигать собственный, альтернативный проект будущего спорной территории.

Заключение. Образ программ РЗТ в СМИ позволяют применить к ним метафору фронта. Влиятельные группы, объявляя о старте программы,

¹ URL: <https://www.irk.ru/news/20170428/house/>.

² URL: <https://vestiirk.ru/news/city/188745/>.

³ URL: <https://irkutsk.news/novosti/2017-09-08/36106-reshenie-merii-irkutskaja-o-snose-15-ti-domov-rjadom-s-irkutskoi-ges-priznali-nezakon.html>.

начинают процесс внутренней колонизации [1], цель которой – овладение «физическими» ресурсами места (землей и домами) во имя «прогресса».

Высказывания представителей влиятельных групп содержат фрагменты «фронтирного» дискурса: дикие, маргинальные территории необходимо «осваивать».¹ Застройщик становится «первопроходцем»², государевым человеком, которому предстоят тяжелые «бои»³, пусть даже и судебные, с местным «населением». Само пространство «развития» также подобно мифам о «сибирском фронтире» – темная, мрачная, пустая земля, сулящая неясное, но желанное обновление⁴.

Объявление о старте программы РЗТ становится чем-то вроде объявления войны за право на город в символическом пространстве. Заявляя о своих намерениях, городской режим закрепляет право редактировать будущее территории. «Ветхость» дает повод для объявления целых кварталов препятствием на пути прогресса, «аварийность» позволяет представить насильственное переселение как заботу о безопасности горожан. Исходя из такого определения пространства, влиятельные группы призывают население к мобильности во имя перевода территории к ее истинному состоянию. Мобильность преподносится как благо и как неперемное условие «прогресса».

В тот момент, когда вслед за выступлениями появляются бульдозеры, в публичном пространстве формируется позиция жителей и наблюдателей. Пространство и мобильность становятся пустыми знаками, вокруг которых разворачивается конфликт смыслов в медийных текстах. Городской режим и «население» по-разному определяют пространство, делая из этого разные выводы о том, как должны складываться в их пределах мобильности.

Оспаривается тезис, на котором строится моральный пафос программ РЗТ, что «развитие» равно мобильность. И те, кто соглашается переезжать, и те, кто остаются, до последнего воюя в судах, пытаются переопределить территорию, указав на то, что она имеет немалую ценность в своем нынешнем состоянии.

Мобильность, которую городской режим представляет как благо, жители (кроме тех, кто действительно хочет перебраться в квартиры из частных домов) видят как жертву. В противовес тезису о неприемлемости нынешнего

¹ URL: <http://www.admkrsk.ru/press/news/Pages/news.aspx?RecordID=1439>; <https://irk.aif.ru/society/edu/414601>

² URL: https://baikvesti.ru/new/vtoroe_rozhdenie_irkutska

³ URL: <https://dela.ru/news/nikolaevka-zastroyka/>

⁴ URL: Панарина, 2013.

состояния локальности влиятельных групп выдвигается утверждение о том, что пространство обладает объективной исторической ценностью, субъективной ценностью как место памяти, как место сосредоточения горизонтальных сетей и уникальных практик, вроде возможности заниматься садоводством, живя в центре города.

Пока еще немногочисленные, но все более уверенные выступления жителей в СМИ свидетельствуют о том, что градостроительство, по крайней мере в символическом пространстве, перестает быть игрой с одним участником [2]. Выходящая, пусть и по необходимости, на политическую сцену города группа начинает осознавать и отстаивать не только стоимость своего имущества, но и образ жизни, эстетику места.

Если на протяжении нескольких поколений основной доминантой, задающей настоящее, прошлое и будущее российского города было производство, а затем – интересы городского политического режима, то теперь за выступлениями жителей в публичном пространстве можно увидеть появление нового претендента на город.

Библиографические ссылки

1. Эткин А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М.: Новое лит. обозрение, 2018.
2. Харви Д. Социальная справедливость и город. М. : Новое лит. обозрение, 2018.
3. Ледаев В. Г. Социология власти: теория городских политических режимов // Социологический журн. 2006. № ¾. С. 46–68
4. Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3 (66). С. 80–94.
5. Ходарковский М. Степные рубежи России. М. : Новое лит. обозрение, 2019.

УДК 325.14:614.885(571.16)

Е. В. Хонин

Студент, направление «Антропология и этнология», факультет исторических и политических наук, Томский государственный университет, Томск, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ КРАСНОГО КРЕСТА В СФЕРЕ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

Работа посвящена обзору деятельности Томского отделения Красного Креста с точки зрения оказания помощи мигрантам: сформулирована стратегия организации, выявлены пути ее реализации и показаны существующие практики, а также причины их становления. Результаты достигаются посредством использования этнографических методов: включенного наблюдения, интервью, работы с архивами – внутри организации, с позиции волонтера. Немалое внимание обращается на спектр потребностей мигранта в принимающем обществе и объем их удовлетворения Российским Красным Крестом. Определена роль социальной организации как возможного агента адаптации и интеграции мигранта в общество. В ходе анализа продемонстрированы различия в работе с мигрантами между разными региональными отделениями: прибегая к сравнению, автор определяет потенциальные возможности в реализации поддержки (на примере работы Санкт-Петербургского Красного Креста) и существующие недостатки. Показано, как сотрудники и волонтеры Томского отделения оказывают помощь мигрантам косвенно, в рамках благотворительных кампаний, целевые аудитории которых не включают приезжих. Более того, данная работа демонстрирует актуальность изучения деятельности некоммерческих организаций, прямо или косвенно встроенных в цепочку адаптирующих и интегрирующих агентов.

Ключевые слова: адаптация, интеграция, Томск, миграция, Российский Красный Крест.

E. Khonin

Department of Anthropology and Ethnology, Faculty of historical and political studies,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

A STUDY OF THE TOMSK BRANCH OF THE RED CROSS IN THE FIELD OF MIGRANT SUPPORT

The work is devoted to a review of the activities of the Tomsk Red Cross from the point of view of assisting migrants: the organization's strategy is formulated, ways of its implementation are identified and existing practices are shown, as well as the

reasons for their formation. The results are achieved through the use of ethnographic methods: included observation, interviews, working with archives – within the organization, from the position of a volunteer. Considerable attention is paid to the spectrum of migrant needs in the host society – and the extent to which they are met by the Russian Red Cross. The role of social organization as a possible agent for adaptation and integration of a migrant into society is determined. The analysis demonstrated differences in working with migrants between different regional branches: resorting to comparison, the author identifies potential opportunities for implementing support (using the work of the St. Petersburg Red Cross as an example) and existing shortcomings. It is shown how employees and volunteers of the Tomsk branch provide assistance to migrants indirectly, as part of charity campaigns whose target audiences do not include visitors. Moreover, this work demonstrates the relevance of studying the activities of nonprofit organizations that are directly or indirectly embedded in a chain of adaptive and integrating agents.

Keywords: adaptation, integration, Tomsk, migration, the Russian Red Cross.

Мигрант, будь то беженец, студент или, шире – человек, сменивший место обитания, может встречать препятствия в адаптации к принимающему обществу: непонимание, исходящее из разности языков, культурных и иных особенностей; непринятие, основанное на стигматизации образа переселенцев; нестабильность, обусловленную высокими затратами, включая материальные и эмоциональные.

Сегодня существует целая цепочка агентов, способствующих интеграции мигрантов; федеральные и муниципальные власти, частный бизнес, этнические диаспоры. Кроме того, важна роль некоммерческих организаций, нацеленных на поддержку особо уязвимых слоев населения.

Движение Красного Креста и Красного Полумесяца является одной из крупнейших общественных организаций в мире, политика которой прямо направлена на поддержку категории мигрантов. Российский Красный Крест и региональные отделения, реализуя данную политику, обязаны комплексно поддерживать переселенцев – такое положение закреплено в уставе организации. Выполняется ли оно? Может ли мигрант, вне зависимости от своих гражданской, национальной политической, конфессиональной и других принадлежностей, обратиться в местное отделение за помощью? Что он получит?

Учитывая план работ и возможности, конкретизированная формулировка вопроса выглядит так: «Оказывается ли Томским отделением Красного Креста помощь мигрантам?»

В целях получить ответ я обратился к опыту Томского отделения, где уже не первый год являюсь волонтером и активным членом. Помимо прочего,

была совершена недельная поездка в Санкт-петербургское отделение Красного Креста для получения сведений о реализациях программ по поддержке мигрантов в стране и за рубежом.

Российский Красный Крест (РКК) – независимая общественная организация, являющаяся единственным признанным национальным обществом-делегатом Красного Креста и оказывающая общественно полезную гуманитарную деятельность – защиту наиболее уязвимых категорий населения. Полностью отвечает принципам Движения Красного Креста и Красного Полумесяца: добровольности, равноправию, самоуправляемости, законности и гласности – и осуществляет деятельность в целях реализации идей гуманизма.

Цели РКК, определенные уставом, следующие: облегчение страданий людей вне зависимости от их национальной, расовой, половой, конфессиональной и других принадлежностей; обеспечение безопасности и здоровой жизни наиболее уязвимым слоям населения, повышения качества их существования, их защита; содействие уважению личности и человеческого достоинства; укрепление мира, дружбы и согласия между народами; восстановление семейных связей между людьми, разделенными войной, стихийными бедствиями и иными чрезвычайными обстоятельствами и др.

Приведенные выше цели прямо касаются явления миграции: политика РКК, согласно уставу, нацелена на мигранта как на вероятного представителя уязвимой части населения. Более того, уставом РКК регламентирует прямую «разностороннюю» помощь беженцам и вынужденным переселенцам, не приоритизируя данные категории, а ссылаясь на действующие в российском правовом поле административно-правовые статусы: иные мигранты, будь то трудовые или образовательные, также могут воспользоваться протекцией со стороны организации.

Реализация целей осуществляется по уставным направлениям: социальная поддержка людей, повышение их материального положения, реабилитация безработных, инвалидов, мигрантов и других лиц, не способных самостоятельно реализовывать свои права; подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий, катастроф, вооруженных конфликтов; оказание помощи пострадавшим, беженцам и вынужденным переселенцам; помощь людям на территории других государств; деятельность в области здравоохранения, профилактики и охраны здоровья; развитие донорства крови; пропаганда здорового образа жизни; содействие в реализации социальных прав и законных интересов; благотворительная деятельность; популяризация

гуманитарного права и принципов гуманизма; деятельность по розыску лиц, пропавших без вести в результате войн, оккупаций, стихийных бедствий и иных чрезвычайных ситуаций [1].

Однако цели реализуются не в полном объеме, поскольку количество охватываемых направлений разнится от одной региональной ячейки к другой. Дело в том, что устав обуславливает разбиение организации на отделения – подотчетные РКК структуры, самостоятельно определяющие направления деятельности и методы их реализации. Более того, отделения экономически обособлены: они сами организуют работу, составляют бюджет, выходя на самоокупаемость путем введения платных социальных услуг, часто путем проведения курсов по навыкам оказания первой помощи.

Несмотря на то, что РКК обязуется предоставлять материальную и методологическую поддержку своим региональным отделениям, последние часто остаются наедине с потребностями нуждающегося населения, потому вынуждены организовывать социальные кампании на основе лишь личных ресурсов. Попробовать понять концепцию самоуправления можно на примере Томского отделения.

Начало истории Томского Красного Креста датируется 1874 годом. Тогда при отделении существовали лазарет и госпиталь Красного Креста, обслуживаемый сестрами милосердия и сотрудниками Томского университета. Во время русско-японской войны Томск стал медицинским пунктом: сюда привозили раненных и больных, уход за которыми осуществлялся в упомянутых лазарете и госпитале. В Советском союзе Красный Крест был нацелен на улучшение санитарно-бытовых условий трудящихся: к 1929 году в Томском округе было создано 55 кружков первой помощи, 21 санитарная дружина, организованы образовательные курсы.

Томское отделение Российского Красного Креста начинает свою работу только в 2011 году: с помощью средств Глобального фонда до 2013 года осуществляется профилактика туберкулеза в области, оказывается медико-социальная поддержка пожилым людям, выделяется материальная помощь нуждающимся, проводятся благотворительные акции – на территории Томской области тогда действовало по меньшей мере 20 координаторов и 145 волонтеров [2].

В ноябре 2013 года на фоне преследования иностранных агентов Глобальный фонд вывел финансы с территории Российской Федерации, а Томское отделение осталось без средств к существованию: все социальные про-

граммы были закрыты, а сама региональная структура оказалась на грани ликвидации. Штат, некогда включавший восемь человек, сократился до одного – председателя отделения, да и тот существовал на личные средства и действовал по собственной инициативе.

Период 2014–2017 годов можно назвать кризисным в истории Томского отделения РКК (ТОРКК). В течение трех лет отделение накопило большое количество долгов, в основном, перед коммунальными службами; содержание офиса требовалось для сохранения статуса юридического лица. В их погашении помогли муниципальные службы, включившие расходы на аренду в статьи городского бюджета. Отчасти поспособствовали субсидии администрации Томской области, разыгрываемые гранты в сферах здравоохранения. Оказал поддержку и РКК, но методологическую, через обучение нового председателя; финансовая или материальная поддержка со стороны главного офиса отсутствовала.

Сегодня Томское отделение Красного Креста активно работает в нескольких направлениях. Сотрудники и волонтеры обучают население навыкам первой помощи: реализуются муниципальные субсидии, гранты, заказы частных компаний, проводятся мастер-классы; задействуются в программах по поддержке и реабилитации заключенных; распределяют гуманитарную помощь; занимаются восстановлением семейных связей; проводят благотворительные акции; популяризируют донорство крови.

Несмотря на то, что помощь мигрантам как отдельное направление в политике ТОРКК отсутствует, приезжие могут воспользоваться другими предоставляемыми благами: например, учитывая характер потребностей, запросить гуманитарную помощь или восстановление семейных связей. Так, Томское отделение готово предоставить непродовольственную продукцию, предметы для новорожденных детей (стиральные порошки, подгузники, мыло и т. д.) всем нуждающимся, вне зависимости от гражданской принадлежности – достаточно обосновать причину получения помощи.

Программа восстановления семейных связей является архивным проектом и ориентирована больше на поиск людей, пропавших без вести или погибших в годы Великой Отечественной войны [3]. Однако с ее помощью люди могут подтверждать родственные связи с гражданами Советского союза или Российской Федерации, тем самым получая основание для упрощенного получения гражданства. Услуга бесплатна, но тем не менее мало востребована: с 2017 года по сентябрь 2019 в службу обратилось не более пяти человек.

Стоит заметить, что в Санкт-Петербурге практика оказания помощи мигрантам наиболее обширна и профессиональна – там она определена отдельными направлениями. Показателен пример Санкт-Петербургского регионального отделения: на его базе функционируют общественная приемная при едином миграционном центре города, горячая линия с бесплатными и анонимными юридическими консультациями, языковая школа для детей – за один год сотрудниками и волонтерами была оказана помощь более 10 тысячам мигрантам. Более того, с 2013 по 2019 год существовал приют Красного Креста для уязвимых категорий мигрантов – это свидетельствует о долгосрочности программ поддержки [4].

Положение Томского отделения кардинально отличается: в период с 2011 по 2019 год помощь была оказана только трем мигрантам – приезжим из Украины. Для понимания ее характера разберем примеры.

Первым был мужчина, позвонивший в офис ТОРКК и попросивший о помощи. По его словам, он остался без средств к существованию, жилья и работы. В 2014 году он переехал в Томск, где находился, предположительно, нелегально, работая на строительных объектах. В 2017 году его уволили, после чего он не мог устроиться снова. Сотрудник ТОРКК с помощью знакомых нашел контакты директора одного из социальных приютов города, после чего лично договорился с ним о приеме мужчины. В последнем разговоре сотрудник попросил мужчину связаться с ним после заезда в приют – все контакты между ними осуществлялись посредством телефонных звонков. После этого мужчина на связь не выходил.

После была пожилая пара беженцев. О ней сотрудник узнал случайно: из разговора с интервьюерами из радио «Благовест». По их словам, пара обзавелась квартирой, однако была неспособна обеспечить себя продовольствием. Связавшись с ними напрямую, сотрудник передала гуманитарную помощь. Случаи показательны.

Во-первых, отмечается отсутствие какого-либо потока мигрантов, обращающихся за помощью в ТОРКК: судя по отчетным документам и интервью, в отделение, кроме упомянутых приезжих из Украины, никто из мигрантов не обращался. В расчет не берутся образовательные мигранты – приезжие студенты из других городов и стран. Однако и их число крайне невелико.

Во-вторых, некомплексный характер оказываемой помощи. В первом случае сотрудник делегировал осуществление поддержки другой организации, после чего не проявил интереса к последующей судьбе мигранта. Тем не менее

видно стремление поспособствовать человеку из-за рубежа, даже несмотря на ограниченность ресурсов, отсутствие профессиональной подготовки. Тому есть явные и скрытые причины:

1) непопулярность Красного Креста среди мигрантов: большинство из них – это приезжие из Центральной Азии, где существует данная общественная организация, но действует под названием «Движение Красного Полумесяца»;

2) недоверие мигрантов к социальным организациям; боязнь совершить ошибку в оформлении документов, страх «попасться»;

3) отсутствие прибыльности направления, невозможность коммерциализации; отделению требуется покрывать коммунальные и административные расходы, потому приоритет отдается прибыльным направлениям – например, обучению первой помощи;

4) затратность направления. Успешный опыт других отделений показывает, что для осуществления комплексной поддержки мигрантов требуется профессиональный штат (переводчики, консультирующие юристы, психологи и др.), дополнительные объемы гуманитарной продукции (включая продукты питания), широкая кооперативная сеть с социальными приютами, работодателями;

5) слабая информационная кампания ГОРКК, не включающая перевод на другие языки. Мигрант не знает, какие услуги оказывает местное отделение;

б) отсутствие профессиональной подготовки сотрудников и волонтеров; они не знают, как работать с мигрантами.

Латентной причиной является нетерпимость к мигрантам со стороны работающих сотрудников и волонтеров. Приезжие не воспринимаются ими как уязвимая категория населения, нуждающаяся в помощи – их образ стигматизирован. Также отмечается нежелание работать с мигрантами по причине страха перед проверкой со стороны государственных органов надзора. Однако существуют предпосылки к образованию нового направления. Так, в сентябре председатель отделения был приглашен в Санкт-Петербург на консультирование со специалистами Федерации Красного Креста в работе с мигрантами. В составе сотрудников и волонтеров появляются люди, желающие работать по программам поддержки беженцев и переселенцев.

Мигранты имеют потребность в адаптации к принимающему обществу, но испытывают трудности, связанные с языковым и культурными барьерами,

социальным отторжением, материальным положением. Его позицию в обществе нормализуют интегрирующие агенты, в ряд которых включены общественные организации.

Российский Красный Крест, обязуясь поддерживать уязвимые категории населения, включая мигрантов, реализует целые направления по их протекции, но не повсеместно.

На изначально поставленный исследовательский вопрос «Оказывается ли Томским отделением Красного Креста помощь мигрантам?» дан ответ: помощь оказывается, но вне рамок социальных кампаний и направлений без заинтересованности в реализации таковых.

В работе были приведены характеристики миграции, очерчены общие потребности мигранта, существующего в рамках принимающего общества. Описана специфика работы Томского отделения РКК, прослежены ее становление и причины.

Важно заметить: региональные отделения Красного Креста являются потенциальным полем для исследователя миграции. Траектория политики Федерации национальных обществ нацеливается на поддержку мигрантов, потому количество примеров реализации разных социальных программ и кампаний в данной сфере увеличивается.

Библиографические ссылки

1. Устав Международного Комитета Красного Креста // Международный комитет Красного Креста : офиц. сайт. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/ustav-mezhdunarodnog> (дата обращения: 12.10.2019).
2. История Томского отделения Красного Креста // Красный Крест : офиц. сайт. URL: <http://redcross.tomsk.ru/about-us/history/> (дата обращения: 10.10.2019).
3. Восстановление семейных связей // Красный Крест : офиц. сайт. URL: <http://redcross.tomsk.ru/Restoring-family-ties/> (дата обращения: 10.10.2019).
4. Помощь уязвимым категориям мигрантов // Российский Красный Крест : офиц. сайт. URL: <http://www.spbredcross.org/pages/pomoshch-uyazvimym-kategoriyam-migrantov> (дата обращения: 10.10.2019).

УДК 378.147.018.556(510)(47+57)

О. С. Ситяева

Студент, направление «Экономика и управление бизнес-процессами»,
Институт управления бизнес-процессами и экономики,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

АНАЛИЗ ПРИЧИН ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ ИЗ КИТАЯ В РОССИЮ

Рассмотрены основные причины, способствующие увеличению объемов образовательной миграции из Китая в Россию. Проанализированы данные миграционного учета и российско-китайских договоров о взаимном сотрудничестве, в том числе в области получения высшего образования. Выявлена и обоснована тенденция прироста учебных миграционных потоков в определенные периоды в течение 2017 – первой половины 2019 года. На основе проведенного исследования автором сделаны выводы о необходимости укрепления российско-китайских отношений в области экономики, торговли и образования.

Ключевые слова: Россия, Китай, образовательная миграция, международное сотрудничество.

O. S. Sityaeva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

ANALYSIS OF THE REASONS OF EDUCATIONAL MIGRATION FROM CHINA TO RUSSIA

The article considers the main reasons contributing to the increase in educational migration from China to Russia. The data of migration registration and Russian-Chinese agreements on mutual cooperation, including in the higher education field, are analyzed. The growing tendency of educational migratory flows in defined period of time during 2017 – the first half of 2019 is revealed and justified. On the basis of research, the author deems necessary to strengthen Russian-Chinese relations in the field of economy, trade and education.

Keywords: Russia, China, educational migration, international cooperation.

Установившиеся в XXI веке партнерские отношения между государствами Тихоокеанского региона позволяют сделать вывод о высоком уровне международного сотрудничества стран, особенно России и Китая. Современ-

ный этап российско-китайского взаимодействия можно характеризовать как этап активного развития торгово-экономических и гуманитарных связей, совместного участия в международных организациях по типу ШОС и БРИКС.

Сближение Российской Федерации и Китайской Народной Республики в политической и экономической сферах повлекло за собой в том числе и увеличение интенсивности миграционных потоков между странами. Однако при анализе статистических показателей оформления приглашений и оформления виз за период с 1 января 2017 года по 1 июля 2019 можно отметить, что пик их значения приходится на второе полугодие каждого года (рис. 1).

Рис. 1. Миграционный учет в Российской Федерации в период с 01.01.2017 по 31.06.2019 [1]

Аналогичная ситуация наблюдается в Сибирском федеральном округе (рис. 2) и Красноярском крае (рис. 3), из чего можно сделать вывод о наличии фактора, способствующего протеканию подобной динамики.

Рис. 2. Миграционный учет в Сибирском федеральном округе в период с 01.01.2017 по 31.06.2019 [1]

Рис. 3. Миграционный учет в Красноярском крае в период с 01.01.2017 по 31.06.2019 [1]

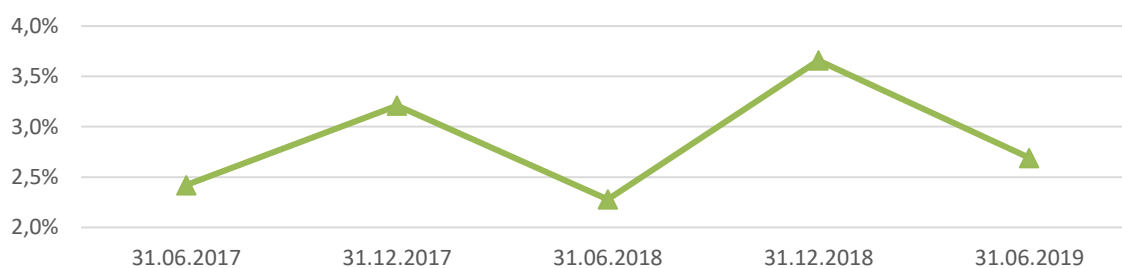

Рис. 4. Доля учебных мигрантов относительно общего количества фактов постановки на миграционный учет в Российской Федерации в период с 01.01.2017 по 31.06.2019 [1]

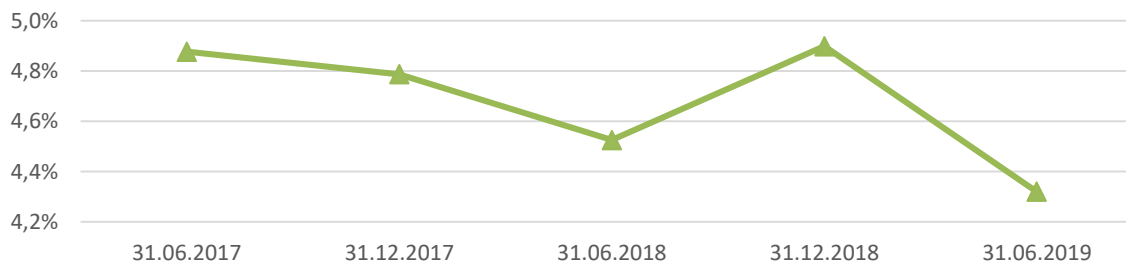

Рис. 5. Доля учебных мигрантов относительно общего количества фактов постановки на миграционный учет в Сибирском федеральном округе в период с 01.01.2017 по 31.06.2019 [1]

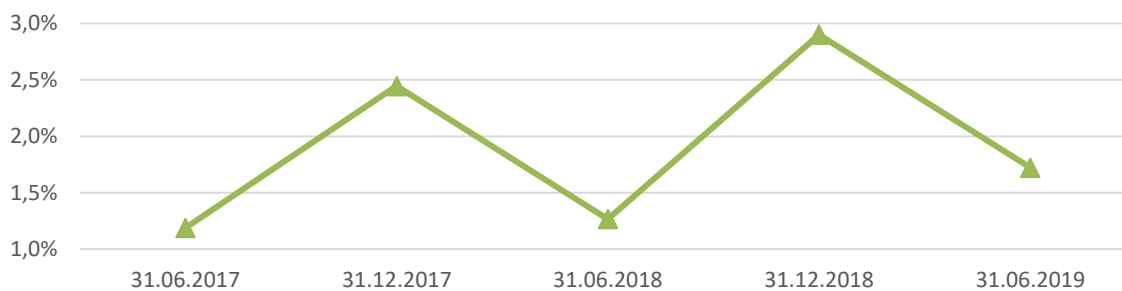

Рис. 6. Доля учебных мигрантов относительно общего количества фактов постановки на миграционный учет в Красноярском крае в период с 01.01.2017 по 31.06.2019 [1]

Именно поэтому разумно выделить среди прочих миграционных потоков образовательную миграцию, ставящую своей целью, прежде всего, удовлетворение потребности в получении образования и повышении уровня квалификации.

Анализируя данные, предоставленные Главным управлением по вопросам миграции МВД, следует подчеркнуть, что по России основной поток учебной миграции колеблется между 2,0 и 4,0 %; по Сибирскому федеральному округу – между 4,2 и 5,0 %; по Красноярскому краю – между 1,0 и 3,0 %. При этом своего максимального значения доля образовательного миграционного потока в общем миграционном потоке достигает во второй половине года, а именно в период начала приемной кампании в российских вузах.

Исходя из данных, полученных в ходе анализа, встает вопрос о причинах, привлекающих китайских абитуриентов поступать в учебные заведения как России, так и Красноярского края.

Одной из важнейших причин является заключение ряда партнерских соглашений между двумя странами по поводу участия в совместных инвестиционных проектах. Так, крупнейшим из совместных проектов текущего десятилетия является строительство магистрального газопровода «Сила Сибири», при помощи которого планируется транспортировка сжиженного газа из Иркутского и Якутского центров газодобычи как российским потребителям на Дальнем Востоке, так и в Китай по так называемому «восточному» маршруту [2]. Осуществление подобного глобального проекта будет способствовать, прежде всего, развитию межрегионального и международного сотрудничества России и КНР в Дальневосточном регионе, а также позволит создать условия для расширения и модернизации современной российской газоперерабатывающей и газохимической промышленности.

Заключение договора между ПАО «Газпром» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) в мае 2014 позволило укрепить партнерские взаимоотношения между двумя странами в экономической сфере, чему немало поспособствовал тот факт, что предполагаемые поставки в КНР составят около 38 млрд куб. м газа в год, или 15,6 % от общего объема реализации природного газа группой «Газпром» в 2018 году в страны дальнего зарубежья [3].

Второй, не менее важной причиной прироста образовательных миграционных потоков, является увеличение товарооборота между странами. Согласно данным таможи, товарооборот между Россией и Китаем в 2018 году,

по сравнению с предыдущим, вырос на 27,1 % – до более 107 млрд долл., а уже за первые восемь месяцев текущего года увеличился в годовом исчислении на 4,5 % – до 70,59 млрд долларов [4]. Данная динамика роста позволяет назвать Россию важнейшим ключевым партнером Китайской Народной Республики и подчеркнуть необходимость в получении специалистов, ориентирующихся в экономических, социальных и политических реалиях двух стран и способных на участие в совместных торговых, энергетических и иных кампаниях без привлечения иностранных посредников.

Третья причина состоит в более низкой, чем в Китае, стоимостью обучения на программах высшего образования (табл. 1).

Значения полученных отклонений позволяют сделать вывод об экономии гражданина КНР, в случае поступления в СФУ, а не любой вуз Китая, в размере среднемесячной зарплаты (табл. 2).

Таблица 1

Обзор стоимости обучения в вузах КНР и СФУ [5; 6], руб.

Год	Стоимость обучения		Отклонения между стоимостями обучения
	в вузе КНР в среднем за год	в СФУ за год	
2017	187 500	126 666	60 834
2018	210 000	141 018	68 982
2019	237 000	149 720	87 280

Таблица 2

Обзор среднемесячной зарплаты в Китае, выраженной в рублях и юанях [7]

Год	Среднемесячная зарплата в Китае, в юанях	Курс юаня к рублю		Среднемесячная зарплата в Китае, в рублях	
		минимальное значение за год	максимальное значение за год	согласно минимальному курсу юаня за год	согласно максимальному курсу юаня за год
2017	6 158	81	96	49 879,8	59 116,8
2018	6 527	92	103	60 048,4	67 228,1
2019	6 872	90	102	61 848,0	70 094,4

График показывает изменения курса китайского юаня за 3 года (с 31 октября 2016 по 31 октября 2019 года).

Рис. 7. График курса юаня к рублю в период с 01.01.2017 по 31.10.2019 [8]

Не стоит забывать и о заключенных между Россией и Китаем договорах и соглашениях в области образования. Заключенное в Москве 26 июня 1995 года Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики позволяет взаимно признавать документы об образовании и ученых степенях [9], тем самым поощряя увеличение объемов учебных миграционных потоков, как и соглашение о вступлении ряда российских и китайских заведений высшего образования в Российско-китайскую ассоциацию экономических университетов (табл. 3).

Немаловажным фактором, на который ориентируются студенты при выборе учебного заведения для получения высшего образования, является его рейтинг среди других учреждений. Сибирский федеральный университет в 2018 году вошел в ТОП-100 лучших университетов Евразии, что и позволило ему привлечь значительное число абитуриентов, в том числе студентов из Китая. Так, если в 2018 году на программы бакалавриата и специалитета, согласно приказам о зачислении, поступило 19 граждан КНР, то уже в 2019 году их число возросло до 25 человек [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большая часть причин, способствующих увеличению объемов образовательной миграции из Китая в Россию, обусловлена экономическими причинами. Колебания курса юаня к рублю, при относительно неизменных других факторах, позволяют сделать вывод о предпочтительности получения образования гражданами КНР на территории Российской Федерации, так как разница в размерах платы за обучение достигает 1,25–1,41 среднемесячной зарплаты в Китае.

Члены Российско-китайской ассоциации
экономических университетов [10]

№	Университет	
	с российской стороны	с китайской стороны
1	Санкт-Петербургский государственный экономический университет	Университет международной торговли и экономики
2	Байкальский государственный университет	Юго-Западный финансово-экономический университет
3	Владивостокский государственный университет экономики и сервиса	Южно-Китайский университет экономики и права
4	Дальневосточный федеральный университет	Центральный финансово-экономический университет
5	Московский государственный институт международных отношений	Шанхайский финансово-экономический университет
6	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	Синьцзяньский финансово-экономический университет
7	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург)	Харбинский университет бизнеса
8	Российский государственный гуманитарный университет	Финансовый университет Внутренней Монголии
9	Российский университет дружбы народов	Северо-восточный финансово-экономический университет
10	Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова	Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли
11	Сибирский федеральный университет	Цзилиньский финансово-экономический университет
12	Тихоокеанский государственный университет	Столичный университет международной торговли и экономики
13	Финансовый университет при Правительстве РФ	Шаньдунский университет экономики и финансов
14	Южный федеральный университет	Шанхайский университет международного бизнеса и торговли
15	Южно-Уральский государственный университет	Хэйлунцзянская академия общественных наук
16	Международный союз экономистов	
17	Московская международная высшая школа бизнеса МИРБИС (Институт)	
18	Уральский государственный университет им. Б. Н. Ельцина	

Также необходимо подчеркнуть усиление российско-китайского сотрудничества как в области экономики и торговли, посредством участия в совместных инвестиционных проектах, так и в сфере образования путем заключения международных договоров о взаимном признании документов об образовании и поддержке академической мобильности.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что обоим государствам следует не просто закрепить, но и продолжить обеспечение активных мер

в области образовательной миграции, тем самым способствуя устойчивому экономическому развитию России и Китая как на внутренних, так и на внешних рынках.

Библиографические ссылки

1. Главное управление по вопросам миграции. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm.
2. Сила Сибири. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/>.
3. ПАО Газпром. URL: <https://www.gazprom.ru/>.
4. РИА Новости: Товарооборот России и Китая вырос в январе – августе на 4,5 %. URL: <https://ria.ru/20190909/1558496918.html>.
5. Сибирский федеральный университет. URL: <http://www.sfu-kras.ru/>.
6. Университет Фудань. URL: www.fudan.edu.cn.
7. Национальное бюро статистики КНР. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/>.
8. Динамика курса китайского юаня. URL: <https://ratestats.com/yuan/>.
9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях (Москва, 26 июня 1995 года). URL: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/confirmation/idokb_2577_225553.
10. СПбГЭУ: Создана Российско-китайской ассоциации экономических университетов. URL: <https://unecon.ru/ad/sozdana-rossijsko-kitayskaya-associaciya-ekonomicheskikh-universitetov>.

УДК 316.733:314.7(571.51)

М. Я. Хребтов

*Аспирант по направлению «Теория и история культуры»,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И АКТУАЛЬНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ*

Рассмотрена актуальная для современности проблема социального содержания культурных ценностей. В конце XX века в России стала широко распространяться идеология потребления, чему в немалой степени способствовала реклама западного типа, продвижение конкретных товаров, воспроизведение определенного стиля жизни, формирование определенных потреби-

© Хребтов М. Я., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90017.
The reported study was funded by RFBR, project number 19-311-90017.

тельских мотиваций. Это отражается на срезе ценностно-культурных ориентиров российского общества, что, соответственно, задевает область национальных культурных традиций и коммуникаций. Важнейшим компонентом формирования культурных ценностей населения в эпоху капитализма и номинальной открытости современного мира является самодостаточность человека как личности, что, в свою очередь, затрагивает вопросы материального достатка, инфраструктуры, миграции и т. д.

Ключевые слова: ценности, миграция, Красноярский край, культурные ценности.

В конце XX – в начале XXI века современное российское общество переживает системный кризис, который ведет к преобразованию в новое социокультурное качество. Структурная и институциональная перестройка, изменения в убеждениях разных поколений, статусных групп, субъектов политических интересов чреваты возможностями как разрушения, так и возрождения общества на новой ценностно-смысловой и духовной основе. В то время как социальные отношения в своем объективном развитии создают основу для разделения общества, культура и фундаментальные социальные ценности становятся, соответственно, духовным источником и механизмом общественной интеграции. Следовательно, в условиях социально-экономических и социально-политических изменений в Российской Федерации можно обозначить культурно-ценностные сдвиги общества. Социальная неэффективность ранее действовавших стандартов общества вынуждает социальные группы и отдельных индивидов не только приспосабливаться к «внедряемым» ценностным образцам, но и обозначать собственное отношение к «вызовам» социальной среды, согласовывать свои ожидания с декларируемыми сверху социальными ценностными новшествами. Естественно, что подобные новации не могли не затронуть культурно-нравственные ориентиры общественного сознания. Ценностная сфера является определяющим звеном в развитии любого сознания общества. «Сбой в этой сфере опасен большими потерями как в морально-этическом, так и материальном плане» [1]. В конечном итоге при самом неблагоприятном сценарии развития данные сбои могут обернуться деградацией и крахом общества.

Важной основой человека являются его культурные ценности. Впервые определение понятия было сформулировано в Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта в 1954 году, благодаря чему формулировка была введена в международную терминологию.

В настоящее время в каждом государстве существует свое, национальное понимание культурных ценностей, при этом в одной и той же стране в различных отраслях понятие трактуется по-разному. Но общим является то, что это незаменимые материальные и нематериальные предметы и произведения культуры, созданные человеком в результате творческого процесса, имеющие художественную и имущественную ценность, универсальную значимость и оказывающие эстетическое, научное, историческое воздействие на человека.

Основополагающие российские теории в области исследования изменений и формирований людских ценностей берут свое начало с 1960-х годов. К проблеме ценностей обращались русские мыслители: Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, И. А. Сорокин, Е. Н. Трубецкой, Н. С. Трубецкой, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, Л. И. Шестов и др. В это время на территории нашей страны активно развивались социально-психологические исследования ценностных ориентаций личности, особенно в сфере труда. Также в процессе возрастной и профессиональной социализации проводились развернутые исследования структуры социальных ценностей, позволивших выявить их «ядро», «структурный резерв», «периферию» и «хвост», в соответствии со снижением ранга и степени доминирования ценностей. Были разработаны методики «неоконченных предложений», выявления диспозиционной структуры личности и др.

По данным 1991 года, оказалось, что «Россия является почти безоговорочно "материалистической" страной, но все же послевоенные поколения и более образованные группы высказывают более постматериалистические ценности» [2]. С одной стороны, в массовом сознании россиян еще имеются советские ценности, а с другой – моделируется новая структура ценностного сознания «потребительского» общества, происходит утрата востребованности гуманистических ценностей и возрастает интерес к потребительно-гедонистическим.

Красноярский край как регион России не мог не вобрать в себя современные тенденции формирования культурных ценностей. Для выявления культурных ценностей населения края было проведено анкетирование в форме online-опроса по теме «Трансформация социальных ценностей жителей российских регионов в конце XX – начале XXI века (на материале Красноярского края)». Вопросы были разного типа: открытые, закрытые, закрытые с несколькими ответами. В опросе приняли участие респонденты женского (68,8 %) и мужского (36,2%) пола, а также разного уровня образования.

В Красноярском крае проживает огромное количество разных национальностей (местные и приезжие), что связано с историческими событиями и географическим положением. Но национальная основа региона все же представлена русскими. Иностранцы также охотно едут в Красноярский край рай. Основным местом миграции в крае, конечно, является город Красноярск как один из крупнейших опорных пунктов, лежащий на линии железной дороги Транссибирской магистрали.

Одной из главных причин миграции в край является образование. В Красноярске большинство респондентов – это студенты, есть и те, кто переехал в город для поступления в вузы, училища, техникумы и т. д., а после остались, вероятно, из-за карьерных перспектив. Отсюда возникает и вторая важная причина миграции в Красноярск – это наличие работы, комфортная жизнь и инфраструктура.

Так как в крае большое количество представителей разных стран, культур, национальностей, то, соответственно, в этом регионе, исходя из опроса, проживают представители различных видов религиозных учений. В крае имеются адепты трех мировых религий (буддизм, христианство, ислам), но преобладают христиане и мусульмане. Несмотря на то, что в России основная ветвь – христианство, для края характерны также направления протестантского толка. Опрос показал, что большая часть респондентов конкретно ассоциируют себя с той или иной религией, где не последнее место занимает молодежь.

Красноярский край – это регион, в который немало и иммигрируют, и эмигрируют, либо временно эмигрируют. Так, 88,7 % опрошенных утверждают, что они хотят путешествовать; 44,5 % предполагают проводить отпуск и каникулы находясь в путешествиях, занимаясь туризмом. Основные места, куда хотели бы поехать респонденты: американские континенты (помимо США, Канада и Мексика), Европа (причем сильно популярна восточная Европа), Япония, Италия, Китай, Таиланд, Сеул, Новая Зеландия, Прибалтика. Ответы на вопросы о желании и нежелании уехать в другой регион России, как и о желании и нежелании уехать в другую страну, разделились ровно (показатели примерно равные).

Библиографические ссылки

1. Андреевкова А. В. Материалистические / постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 73–81.
2. Российское общество: ценности и приоритеты // Политические исследования. 1991. № 6.

3. Бережнова М. И., Пименова Н. Н. Миграция как средство развития территории: исторический пример Колымского края // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1886.
4. Городское пространство Красноярска: как трансформировался город в 1990-е годы XX века / В. С. Лузан, Н. Н. Пименова, М. Я. Хребтов [и др.] // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 3 (09). С. 64–76.
5. Замараева Ю. С. Особенности социокультурных трансформаций миграционных процессов в XX – нач. XXI в. (на примере Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – С. 649.
6. Замараева Ю. С. Особенности социокультурных трансформаций миграционных процессов в XX – нач. XXI в. (на примере Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 649.
7. Кистова А. В., Тамаровская А. Н. Развитие визуального мышления у обучающихся детских художественных школ в процессе изучения творчества Ирины Верпеты // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 4 (12). С. 8–24.
8. Копцева Н. П., Кистова А. В., Пименова Н. Н. Культура детства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (на материале полевых исследований чулымской этнокультурной группы в Тюхтетском районе Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 422.
9. Копцева Н. П., Сертакова Е. А. К вопросу о методологической стратегии современной урбанистической антропологии // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 103–120.
10. Новая арт-критика на берегах Енисея. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015.
11. Новое сибирское китаеведение. Базовые концепты китайской культуры. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018.
12. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018.
13. Общая характеристика основных составляющих городской среды Красноярска / Ю. С. Замараева, А. В. Кистова, М. А. Колесник [и др.] // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 3 (09). С. 43–56.
14. Пашова Э. В. Технологии арт-менеджмента в индустрии комиксов // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 3 (09). С. 77–87.
15. Резникова К. В. Городская среда современной России как предмет исследований урбанистической антропологии // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 3 (10). С. 46–62.
16. Резникова К. В. Траектории трудовой занятости коренных малочисленных народов Севера Красноярского края // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 1. С. 80–101.
17. Роль религии в сохранении традиционного образа жизни эвенков / Ю. С. Замараева, В. С. Лузан, С. В. Метляева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 34–47.
18. Роль религии в сохранении традиционного образа жизни эвенков / Ю. С. Замараева, В. С. Лузан, С. В. Метляева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 34–47.

19. Середкина Н. Н., Смолина М. Г., Кистова А. В. Влияние эпоса на сказки коренных народов Севера и Сибири // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 1. С. 22–34.
20. Символическая экология как инструмент исследования трансформаций городского пространства / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева [и др.] // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 3 (09). С. 8–23.
21. Ситникова А. А. Рецензия на монографию «Арктика. Геополитика и автономия» // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 1. С. 102–113.
22. Филько А. И. Городская символическая экология как подход к изучению городского пространства // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 4 (12). С. 35–43.
23. Хребтов М. Я. Анализ культурных смыслов в сознании современной молодежи (на материале контент-анализа СМИ и социологического интернет-опроса) // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 4 (12). С. 44–52.
24. Шиманская К. И. Сайты образовательных проектов как средство популяризации гуманитарных наук и искусств // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 3 (10), С. 89–96.
25. Шиманская К. И., Копцева Н. П. Историографический обзор коренных исследований за 2014–2018 гг. // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 1 (06). С. 43–57.
26. Шпак А. А. Аспекты теоретического подхода в кураторских практиках // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 4 (12). С. 53–66.
27. Dynamics of Krasnoyarsk urban space in the early 21st century / Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, S. V. Metlyaeva [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 6. С. 953–974.
28. Bukova M. I., Kistova A. V., Pimenova N. N. Ecological social values characteristics of various demographic groups of the Krasnoyarsk Territory // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. Vol. 10, № 9. С. 1308–1326.
29. Overview of relevant regional culture studies (the Krasnoyarsk Krai): challenges and approaches / K. A. Degtyarenko, S. V. Metlyaeva, D. S. Pchelkina [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 8. С. 1568–1588.
30. Kolesnik M. A., Libakova N. M., Sertakova E. A. Art education as a way of preserving the traditional ethnocultural identity of indigenous minority peoples from the North, Siberia and the Far East // Novosibirsk State Pedagogical University Bull. 2018. Vol. 8, № 4. С. 233–247.
31. Ethno-formative mechanisms and forms of self-awareness of indigenous peoples under conditions of external civilization pressure (by an example of the Yakut ethnic group) / N. P. Koptseva, N. N. Pimenova, V. S. Luzan [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. Vol. 5, № 7. С. 988–1004.
32. Koptseva N. P., Avdeeva Yu. N., Kirko V. I. Post-soviet ethnic and cultural identity reproduction practicing among the Dolgans inhabiting the arctic territories of Eastern Siberia // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-2. P. 709–714.
33. Koptseva N. P., Nemaeva N. O., Obmorokova A. M. The cultural meaning of the concept of "Rodina" ("Homeland") prevalent among the younger generation of the Krasnoyarsk Territory (Central Siberia, Russia) // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-2. P. 347–353.
34. Indian mausoleums as the representatives of the Islamic religion in the era of the Great Mughals / K. V. Reznikova, N. P. Koptseva, V. A. Razumovskaya, V. I. Kirko // SGEM

- International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-2. P. 19–34.
35. Semenova A. A. Modern practices of foresight research of the future of social-anthropological systems, including ethnical cultural populations // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2010. Vol. 3, № 5. С. 667–676.
 36. Brand-management of Siberian cities (Krasnoyarsk as a case study) / E. A. Sertakova, N. P. Koptseva, M. A. Kolesnik [et al.] // International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6, № 5. С. 185–191.
 37. Sertakova E. A., Gerasimova A. A. Formation of the Russian Siberian identity in the wood engravings of the Krasnoyarsk craftsmen // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011. Vol. 4, № 12. С. 1719–1726.
 38. The educational aspects of art criticism / M. Tarasova, M. Smolina, Y. Avdeeva [et al.] // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-1. С. 109–116.
 39. Krasnoyarsk urban environment: main characteristics / Yu. S. Zamaraeva, A. V. Kistova, M. A. Kolesnik [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 6. С. 1106–1123.
 40. Religion of the Evenki: history and modern times / Yu. S. Zamaraeva, V. S. Luzan, S. V. Metlyaeva [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 5. С. 853–871.

УДК 316.351-053.81:81'373.234(571.51)

Е. Д. Антипенко¹, Д. Н. Луцык¹, Ю. С. Замараева²

¹ Студент, направление «Искусства и гуманитарные науки», Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

² Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

СПЕЦИФИКА ПОНИМАНИЯ СЛОВА «ЭТНОС» В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА (РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Проанализированы результаты ассоциативного эксперимента со словом «этнос», проведенного по методике А. И. Назарова и Р. В. Соколова «Серийные тематические ассоциации». Целью исследования явилось получение актуальной культурной информации об отношении к феномену «этнос» для последующего моделирования системы ценностных представлений о данном феномене в современной реальности. Авторы пришли к выводам, что слово у современной молодежи несомненно присутствует в сознании, оно устойчиво и связано с пониманием этноса как «народа», «культуры», «традиций», «языка», «людей», что свидетельствует о понимании студентами специфики данного феномена. Респонденты ассоци-

руют слово «этнос» с людьми, которые имеют свои традиции, культуру и язык.

Ключевые слова: этнос, народ, нация, ассоциативный эксперимент, Красноярский край.

E. D. Antipenko, D. N. Lutsyk, Yu. S. Zamarayeva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

SPECIFICS OF UNDERSTANDING THE WORD "ETHNOS" IN THE MODERN YOUTH ENVIRONMENT OF THE CITY OF KRASNOYARSK (RESULTS OF AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

This article analyzes the results of an associative experiment conducted with the word "ethnos". The experiment was conducted according to the methodology of A. I. Nazarov and R. V. Sokolov "serial thematic associations". The aim of the study was to obtain relevant cultural information about the attitude to the phenomenon of "ethnos" for subsequent modeling of the system of value ideas about this phenomenon in modern reality. The authors came to the conclusion that the word among modern youth is undoubtedly present in the mind, it is stable and is associated with an understanding of the ethnos as "people", "culture", "traditions", "language", "humans", which suggests that students understand the specifics of this phenomenon. Respondents associate the word "ethnos" with people who have their own traditions, culture and language.

Keywords: ethnos, people, nation, associative experiment, Krasnoyarsk Region.

Этническая идентичность является компонентом социальной идентичности как осознание своей принадлежности к определенной этнической общности и переживание тождественности своего «я» в процессе этнических отношений [1–3]. В отечественных источниках этническая идентичность понимается как зрелый уровень этнического самосознания [2], когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания [4], составная часть этнического самосознания [5], фактор социальной идентичности [6], т. е. этническая идентичность формируется посредством когнитивной (мотивационной), эмоциональной, поведенческой составляющих, что позволяет ее исследовать в процессе межэтнических отношений.

Актуальность данного исследования заключена в уникальной истории формирования и развития Красноярского региона – истории заселения разными этносами. На сегодняшний день Красноярский край является географическим центром нашей Родины, самым крупным регионом Сибирского феде-

рального округа. В нем проживает около трех миллионов человек – представителей более 159 этносов. В связи с этим в исследовании производится попытка диагностики проблемы осознания современными молодыми людьми концепта «этнос» – ключевого понятия в пространстве межкультурных отношений этнических групп.

Целью исследования стало получение актуальной информации об отношении к феномену «этнос» для последующего моделирования системы ценностных представлений о ней в современной реальности. Для проведения эксперимента основной стала методика «Серийные тематические ассоциации» авторов А. И. Назарова и Р. В. Соколова [7]. Актуальность данной методики определена возможностью получения не только типовых (стереотипных) представлений, возникающих сразу в сознании человека (данная методика традиционно применяется в экспериментах, когда учитывается первое слово ассоциаций), но и в углублении понимания посредством выявления сфер (областей), с которыми сознание реципиента связывает собственное переживание феномена «этнос».

В эксперименте по методике свободных ассоциаций, проведенном со словом-стимулом «этнос», участвовали 193 студента Сибирского федерального университета.

Всего студентами Сибирского федерального университета на слово-стимул «этнос» было дано 1 521 слово, из них 312 ассоциации, т. е. в среднем 4,8 ассоциации на респондента. В эксперименте участвовали студенты гуманитарных направлений: «Культурология» (2–4-й курсы), «Документоведение и архивоведение» (3-й курс), «Лингвистика» (2-й курс), «История» (3-й курс), «Социально-культурная деятельность» (2-й курс), «Искусства и гуманитарные науки» (1-й курс); технических направлений: «Теплоэнергетика и теплотехника» (1-й курс) и «Строительство».

Анализ наиболее часто упоминаемых ассоциаций позволяет отметить следующее: представление студентов Сибирского федерального университета об этносе ассоциируется со словом «народ» (76)¹. Во-первых, *народ* является самой распространенной ассоциацией не только в категории «Этнос как группа людей», но и среди прочих ассоциаций. Во-вторых, этнос ассоциируется через призму *культуры* (65). Студенты упоминают такие ассоциации, связанные с культурой, как *фольклор* (5), *музыка* (5), *праздники* (4), *песни* (3), *искусство* (3), *праздник* (2). Также при анализе ассоциаций категорий «Уклад

¹ Здесь и далее в круглых скобках обозначается, сколько раз респондентами была названа ассоциация.

жизни», «Одежда» и «Питание» можно заметить, что респонденты не указывают на обычаи, обряды, костюмы или блюда определенных этнических групп, но они считают, что этнос связан с ними.

В основном это ассоциации, имеющие общий характер. В категории «Уклад жизни» наиболее частотные ассоциации *традиции* (38), *обычаи* (17), *ценности* (6). Единичная ассоциация – *этнические практики*.

В категории «Питание» интересными являются *национальная кухня* (1), *пища* (1), *рис* (1), *хлеб* (1). Ассоциации данной категории позволяют говорить о том, что у респондентов «этнос» связан с едой или блюдами, которые употребляют многие этносы, т. е. респонденты не указывают на определенный этнос, а просто перечисляют блюда.

В категории «Одежда», в свою очередь, этнос проявляется через *национальный костюм, традиционную одежду, народные костюмы и традиционные костюмы*. Студенты понимают, что этнос связан с *людьми* (27), а также существует как совокупность людей (*общество* (15), *племя* (21), *народ* (76), *народность* (32), *народы* (13)).

Тем самым понятие «этнос» имеет широкое значение в сознании молодых людей, оно органично включает в себя другие, более сложные, формы социума. Нельзя не отметить и политико-правовые ассоциации: несмотря на то, что ни не многочисленные, но позволяют проследить знание студентами правовых понятий. К таким ассоциациям относятся *гражданство* (1), *гражданственность* (1), *государство* (1), *внимание государства* (1), *мигрант* (1), *миграция* (1), *эмиграция* (1). Студенты ассоциируют этнос с мигрантами, эмигрантами, которые являются правовыми понятиями и никак не относятся к этносу. Интересной является единичная ассоциация *внимание государства*, которая указывает, что этнос у респондента связан с политическими представлениями (рисунок).

Ассоциации, не вошедшие ни в одну категорию: *олени* (5), *обособленность* (3), *конференция* (3), *узор* (2), *древность* (2), *обучение* (2), *сохранение* (2), *холод* (2), *обучение* (2), *сохранение* (2), *промысел* (2), *лесные* (1), *село* (1), *атлас* (1), *обезьяны* (1), *что-то старое* (1), *Древняя Греция* (1), *лес* (1), *музей* (1), *патриархальность* (1), *актуальность* (1), *коммуникация* (1), *адаптация* (1), *ассимиляция* (1), *идея* (1), *цель* (1), *внутренний* (1), *корни* (1), *единые корни* (1), *конь* (1), *палочки* (1), *журавли* (1), *взгляды* (1), *автономия* (1), *фестиваль* (1), *текст* (1), *встречи* (1), *смешение* (1), *меха* (1), *эпоха* (1), *планета* (1), *далеко* (1), *бисер* (1), *льготы* (1), *слияние* (1).

Рисунок. Наиболее часто встречающиеся ассоциации

Анализ самых частотных ассоциаций позволил зафиксировать наиболее упоминаемую среди ассоциаций об этносе – «**народ**». Необходимо отметить, что близость слов «народ» и «этнос» зафиксирован в научной традиции и связан с определенными историческими и социальными процессами. Однако сохранение у современных людей ассоциативного восприятия этноса как народа гипотетически означает социальное, не политизированное содержание этого слова. Если далее проранжировать ассоциативный ряд по убывающей, то этнос молодыми людьми осознается как культурное понятие, воспринимаемое в повседневном опыте как общность людей. «**Актуальные области (сферы)**» определяют специфику слова «этнос». Данные сферы обнаруживают современное представление об этносе, следовательно, именно в них может быть определена сущность феномена и вскрыты новые значения, важные для научного поиска.

Категория «**Этнос как группа людей**». Слова, входящие в состав категории: *народ (76), народность (32), люди (27), общество (15), народы (13), группа людей (8), социум (3), сообщество (3), население (3), община (3), поселение (3), объединение людей (2), исчезающие люди (1), социальная группа (1), общество из дальних уголков мира (1), сложившаяся группа людей (1), разде-*

ленная на группы (1), историческое общество людей (1), группа людей, образующая между собой народ (1), принадлежность к определенной группе людей (1), социальная группа (1). Исходя из результатов данной категории, можно сказать, что «народ» является самой распространенной ассоциацией среди студентов. Во множественном числе ассоциация встречается 13 раз. У респондентов имеется представление о том, что этнос – это, прежде всего, люди или их объединенная группа. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 6,73 %.

Категория **«Культура»**. Слова, входящие в состав категории: *культура* (65), *фольклор* (5), *музыка* (5), *праздники* (4), *песни* (3), *искусство* (3), *праздник* (2), *общая культура* (2), *творчество* (2), *культура народа* (2), *обособленная культура* (1), *традиционные сказки* (1), *национальные песни* (1), *мифы* (1), *празднества* (1), *культурные ценности* (1), *танец* (1). Исходя из обработки результатов данной категории ассоциаций, можно сделать вывод, что студенты ассоциируют этнос как культурный феномен. Во многом такая ассоциация сложилась у респондентов благодаря активной культурной политике Красноярского края, которая направлена на поддержку развития региональной культуры и жизнедеятельность этнических групп, проживающих на территории Красноярского края. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 5,45 %.

Категория **«Уклад жизни»**. Слова, входящие в состав категории: *традиции* (38), *обычаи* (17), *ценности* (6), *быт* (3), *обряды* (4), *обряд* (3), *уклад жизни* (2), *образ жизни* (1), *этнос имеет свой образ жизни* (1), *хозяйство* (1), *этнические практики* (1), *тип хозяйства* (1), *обереги* (1), *совокупность традиций* (1), *ритуал* (1), *ритуалы* (1). Согласно данной категории респонденты ассоциируют этнос как совокупность определенных ценностей. Наиболее интересными здесь являются ассоциации *обычаи* (17), *ценности* (6), *обряды* (4), которые могут отнесены к традициям, а традиции имеют прямое отношение к этносу. Стоит отметить, что нет указаний на обычаи или обряды определенных этнических групп. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 5,1 %.

Категория **«Язык»**. Слова, входящие в состав категории: *язык* (30), *исчезающий язык* (1), *лингвистический* (1), *носители языка* (1). Ассоциации данной категории свидетельствуют о том, что представления о языковых особенностях этноса отсутствуют. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 1,6 %.

Категория «**Этнос в виде нации**». Слова, входящие в состав категории: *национальность* (26), *национальный* (1). Ассоциации данной категории позволяют говорить о том, что этнос в представлении некоторых респондентов связан с национальностью (26). Но национальность непосредственного отношения к этносу не имеет. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 0,6 %.

Категория «**Этнос как объединенная группа людей**». Слова, входящие в состав категории: *общность* (17), *единство* (9), *социальная общность* (1), *общность людей* (3), *объединение людей* (2), *объединение* (2), *общность людей, имеющая социальную целостность* (1), *общий интерес* (1), *единые корни* (1), *группа людей, имеющая социальную целостность* (1), *группа людей, связанная общими традициями* (1), *группа людей, отличающаяся определенными характерами* (1), *группа людей объединённая в единую культуру* (1), *общность людей, исторически сложившаяся на определенной территории* (1), *группа людей, имеющая общее историческое прошлое, быт, обычаи и территорию проживания* (1), *исторически сложившаяся группа людей со своими традициями, языками* (1), *определенная группа людей, сложившаяся в результате общего языка, культуры, происхождения* (1), *большая группа людей, связанная чем-то культурно, исторически или географически* (1), *объединение людей общей культурой, определенными внешними сходствами, местом проживания* (1), *группа с определенными характеристиками* (1), *определенная группа людей, связанная между собой обычаями, традициями, укладами жизни, родственными связями* (1). Данная категория позволяет говорить, что студенты имеют представление о том, что этнос – непосредственно объединенная группа людей. Самой часто встречаемой ассоциацией здесь является *общность* (17), которая доказывает, что этнос как объединенная группа имеет с ней общие свойства. Об этом также может свидетельствовать *единство* (9). Студенты понимают, что этнос – это группа людей, объединенная какими-либо общими чертами, и каждый студент высказывается об этом по-своему. Ассоциации в виде предложений написаны по-разному, но по смыслу и сути схожи. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 6,7 %.

Категория «**Племя**». Слова, входящие в состав категории: *племя* (21), *индийские племена* (1). Можно заметить, что 10,8 % респондентов ассоциируют этнос с племенем, однако точно сказать, этническая или политическая организация имеется в виду, нельзя. Единичная ассоциация, указывающая

на этнос, – *индийские племена*. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 0,6 %.

Категория «**Территория**». Слова, входящие в состав категории: *территория* (12), *Север* (11), *Россия* (2), *Африка* (2), *Якутия* (1), *степи* (1), *Крым* (1), *Сочи* (1), *территория расселения* (1), *материки* (1), *Сибирь* (1), *край* (1), *область* (1), *севера* (1), *тайга* (1), *географическая обособленность* (1). В этой категории ассоциаций отчетливо прослеживается связь этноса с определенной территорией в представлении студентов. Респонденты ассоциируют этнос с *Севером* (11), *Африкой* (2), это позволяет вывод о том, что в сознании студентов этнос имеет определенный регион проживания. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 5,1 %.

Категория «**Этнос как научный феномен**». Слова, входящие в состав категории: *история* (12), *этнология* (6), *этнография* (4), *наука* (3), *культурология* (3), *социология* (1), *география* (1), *исследования* (1), *полевые исследования* (1), *литература* (1), *лингвистика* (1), *исследование* (2), *антропология* (1), *языковедение* (1), *философия* (1). Ассоциации данной категории могут говорить о том, что определённая часть респондентов ознакомлена с науками, изучающими этносы, другие этнические образования, а также их происхождение и культурные особенности. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 4,8 %.

Категория «**Этническая группа, имеющая самоназвание**». Слова, входящие в состав категории: *эвенки* (9), *монголы* (4), *китайцы* (3), *эскимосы* (3), *татары* (3), *казаки* (2), *этническая группа* (2), *русские* (2), *удмурты* (2), *чукча* (2), *узбеки* (2), *евреи* (2), *славяне* (2), *негры* (2), *долганы* (2), *украинцы* (1), *белорусы* (1), *африканцы* (1), *татары и другие народности* (1), *турки* (1), *энды* (1), *ненцы* (1), *киргизы* (1), *молдаване* (1), *азиаты* (1), *чукчи* (1), *кеты* (1), *хакасы* (1), *тувинцы* (1), *селькупы* (1), *нганасаны* (1), *буряты* (1), *индейцы* (1), *цыгане* (1), *афроамериканцы* (1), *армяне* (1), *японцы* (1), *кочевники* (1). Ассоциации данной категории говорят о том, что некоторые студенты представляют этнос в виде определенных этнических групп. Ассоциация «эвенки» встречается 9 раз, т. е. студенты часто сталкиваются с этой этнической группой. Также необходимо отметить, что некоторые респонденты имеют представление о коренных малочисленных этносах севера Красноярского края и России, таких как *нганасаны* (1), *ненцы* (1), *чукчи* (1), *чукча* (2), *долганы* (2). Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 12,1 %.

Категория «**Этнос в виде расы**». Слова, входящие в состав категории: *раса* (9), *расы* (3). Часть респондентов ассоциируют этнос с расой, т. е. в представлении студентов этносы отличаются между собой расовыми признаками. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 0,6 %.

Категория «**Этнические маркеры**». Слова, входящие в состав категории: *одежда* (6), *костюм* (4), *традиционная одежда* (3), *национальный костюм* (3), *национальная одежда* (1), *вышитые рубашки* (1), *кокошник* (1), *узоры на одежде* (1), *юбка с колокольчиками* (1), *люди в национальных костюмах* (1), *традиционный костюм* (1), *национальные костюмы* (1), *народные костюмы* (1), *шуба* (1), *пуховик* (1). Ассоциации, собранные в данной категории, указывают на то, что этнос у респондентов ассоциируется с одеждой непосредственно через *традиционную одежду* и *национальный костюм*. Данные результаты можно связать с тем, что респонденты не ознакомлены с конкретными названиями той или иной одежды представителей различных этносов. Однако при этом им известно, что у каждого этноса она своя. Необходимо отметить, что были указаны конкретные виды одежды (*шуба*, *пуховик*, *юбка с колокольчиками*), которые не имеют прямого отношения к этносу. *Кокошник* – единственная ассоциация, которая напрямую относится к этносу (русские). Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 4,8 %.

Категория «**Этнос как когнитивный феномен**». Слова, входящие в состав категории: *самобытность* (5), *принадлежность* (5), *мировоззрение* (4), *идентичность* (3), *уникальность* (3), *менталитет* (2), *уникальный* (2), *идентификация* (2), *свое мировоззрение* (1), *мироощущение* (1), *самоидентификация* (1). Ассоциации данной категории говорят о том, что в сознании студентов этнос связан с когнитивным мышлением, т. е. респонденты указывают на то, что, по их мнению, этносы обладают разными мировоззренческими устоями. Ассоциация *самобытность* (5) доказывает, что этнос – феномен уникальный и имеет свои особенности в плане видения мира. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 3,5 %.

Категория «**Этнос как религиозный феномен**». Слова, входящие в состав категории: *религия* (8), *Бог* (1), *молитва* (1), *сатанисты* (1), *церковь* (1), *религиозные практики* (1). Данная группа ассоциаций говорит о том, что религиозное представление об этносе у респондентов отсутствует. Все ассоциации данной группы являются общими для многих этносов. Нет указаний на определенные этническо-религиозные самоназвания. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 1,9 %.

Категория «**Этнос как отличие своей группы от иной**». Слова, входящие в состав категории: *различия* (3), *разность* (2), *разные* (1), *разное* (1), *разное видение мира* (1), *индивидуальное* (1), *индивидуальность* (2), *отдельное общество* (1), *культурные различия* (1). Данная категория ассоциаций позволяет сделать вывод, что некоторая часть респондентов ассоциируют этнос с определенными отличиями друг от друга. На это нам указывают такие единичные ассоциации как *культурные различия*, *индивидуальное* и *индивидуальность*, *разное видение мира*. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 2,8 %.

Категория «**Этнос как феномен личности**». Слова, входящие в состав категории: *человек* (8), *я* (1), *мужчина* (1). Данная категория по количеству ассоциаций не велика. Здесь нет представлений о конкретных характеристиках человека (по характеру или внешности). Все эти ассоциации характерны для каждого этноса. Однако интересной является единичная ассоциация *я*. Можно сказать, что студент осознает себя представителем определенного этноса. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 0,9 %.

Категория «**Малые этнические группы (коренные)**». Слова, входящие в состав категории: *малочисленный народ* (2), *малые народы* (2), *коренные народы* (2), *малочисленные* (2), *малые группы* (1), *малые народности* (1), *малочисленные народы* (1), *коренные малочисленные народы* (1), *малочисленные народности* (1), *коренное население* (1), *туземный* (1), *малочисленность* (1), *малочисленный* (1), *аборигены* (1). В сознании студентов этнос является группой людей, которая располагает малым числом представителей. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 4,5 %.

Категория «**Этнос как семья**». Слова, входящие в состав категории: *род* (7), *семья* (4), *предки* (2), *дети* (1), *родство* (1). Представления об этносе как о семье встречается довольно редко: всего 1,6 % от числа общих ассоциаций.

Категория «**Этническая внешность**». Слова, входящие в состав категории: *внешность* (4), *смуглый* (1), *нос* (1), *кожа* (1), *зубы* (1), *косички* (1), *темная кожа* (1), *цвет кожи* (1), *мулаты* (1). Выводы данной категории позволяют сказать, что конкретные внешние представления об определенном этносе отсутствуют. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 2,8 %.

Категория «**Этнические жилища**». Слова, входящие в состав категории: *юрта* (4), *жилища* (1), *шалаш* (1), *шалаша* (1), *вигвам* (1), *дом* (1), *дом изо льда* (1). Результаты данной категории указывают на то, некоторая часть

респондентов ассоциирует этнос через *жилища* довольно общими его типами. Четырежды встретившаяся ассоциация *юрта* и единичная *вигвам* позволяют сказать, что студенты интересуются особенностями жилищ определенных этносов. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 2,2 %.

Категория «**Этническое питание**». Слова, входящие в состав категории: *эскимо* (2), *национальная кухня* (1), *оленина* (1), *лапша* (1), *арбузы* (1), *персики* (1), *рис* (1), *хлеб* (1), *сало* (1), *плов* (1), *пицца* (1), *рыба* (1). Ассоциации данной категории могут говорить о том, что у респондентов этнос ассоциируется с едой или блюдами, которые употребляют многие этносы. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 3,8 %.

Категория «**Этнос как миграционное явление**». Слова, входящие в состав категории: *гражданство* (1), *гражданственность* (1), *государство* (1), *внимание государства* (1), *мигрант* (1), *миграция* (1), *эмиграция* (1). Данная группа ассоциаций является немногочисленной. Студенты ассоциируют этнос с *мигрантами* (1), *эмигрантами* (1), которые являются правовыми понятиями и никак не относятся к этносу. Интересна единичная ассоциация «внимание государства», которая указывает, что этнос у респондента связан с политическими представлениями. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 2,2 %.

Категория «**Этнос как вера**». Слова, входящие в состав категории: *вера* (2), *язычество* (1). Представления о вере, как и о религии, у респондентов отсутствуют и ассоциируются с ней в меньшей степени. Всего 0,64 % от общего числа.

Ассоциации, не вошедшие ни в одну категорию: *олени* (5), *обособленность* (3), *конференция* (3), *узор* (2), *древность* (2), *обучение* (2), *сохранение* (2), *холод* (2), *обучение* (2), *сохранение* (2), *промысел* (2), *лесные* (1), *село* (1), *атлас* (1), *обезьяны* (1), *что-то старое* (1), *Древняя Греция* (1), *лес* (1), *музей* (1), *патриархальность* (1), *актуальность* (1), *коммуникация* (1), *адаптация* (1), *ассимиляция* (1), *идея* (1), *цель* (1), *внутренний* (1), *корни* (1), *единые корни* (1), *конь* (1), *палочки* (1), *журавли* (1), *взгляды* (1), *автономия* (1), *фестиваль* (1), *текст* (1), *встречи* (1), *смешение* (1), *меха* (1), *эпоха* (1), *планета* (1), *далеко* (1), *бисер* (1), *льготы* (1), *слияние* (1).

Далее можно обратиться к эмоциональной окрашенности полученных ассоциаций. Из положительно окрашенных ассоциаций можно отметить следующие: *праздники/праздник/празднества* (7), *фольклор* (5), *жизнь* (5), *музы-*

ка (5), костюм (4), искусство (3), песни (3), национальный костюм (3), культура народа (2), объединение людей (2), традиционные сказки (1), национальные песни (1), юбка с колокольчиками (1), семья (4), предки (2), дети (1), родство (1), интересный (1).

Из отрицательно окрашенных ассоциаций выделяются следующие: *расизм* (2), *холод* (2), *конфликт/конфликты* (2), *исчезающий язык* (1), *национальный конфликт* (1), *дискриминация* (1), *скрытность* (1), *закрытость* (1), *что-то старое* (1), *исчезающие люди* (1), *сатанисты* (1), *черный* (1), *вырождение* (1), *непонятный* (1). От общего числа всех ассоциаций составляют 5,4 %. Все они встречаются единожды. Количество ассоциаций данной категории от общего числа составляет 4,1 %.

Обращает на себя внимание, что положительных ассоциаций почти в 10 раз больше, чем отрицательных, в совокупности они составляют 51,9 % от всех полученных ассоциаций. Следовательно, этнос в представлениях студентов Сибирского федерального университета является более положительным феноменом, чем отрицательным.

Слово «этнос» у современной молодежи, несомненно, присутствует в сознании, оно устойчиво и связано с пониманием этноса как «народ», «культура», «традиции», «язык», «люди», что говорит о том, что студенты понимают специфику данного феномена. Респонденты ассоциируют слово «этнос» с людьми, которые имеют свои традиции, культуру и язык.

Таким образом, результаты обработки полученных данных позволили зафиксировать и определить в сознании современной молодежи ключевое содержание слова «этнос», имеющее три ключевые содержательные характеристики: этнос: это культурная социальная единица; это органическая общность, не имеющая деления на части; это социальная общность, не меняющая свое базовое содержание, но имеющая способность к усложнению своей содержательной формы (например, этнос – народ – нация).

Библиографические ссылки

1. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М. : Аспект Пресс, 2006. 208 с.
2. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб. : Алетейя, 2000. 235 с.
3. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Психология межэтнических отношений // Этническая идентичность и стратегии межкультурного взаимодействия. М. : Ин-т психологии РАН, 2010. 198 с.
4. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 386 с.
5. Павленко В. Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. 2000. Т. 1. С. 135–141.

6. Даен Д. В. Этническая идентичность в контексте развития национально-культурных объединений : дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06. Саратов, 2003. 160 с.
7. Назаров А. И., Соколов Р. В. Ассоциация и ассоциативный эксперимент: разные судьбы // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 125–138.
8. Атюнина В. С. Образ успешного человека: результаты ассоциативного эксперимента // Вестн. Мос. гос. ун-та культуры и искусств. 2007. № 4. С. 164–169.
9. Замараева Ю. С. Исследование отношения к мигрантам в Красноярском крае (результаты ассоциативного эксперимента по методике «Серийные тематические ассоциации») // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 69–80.
10. Историко-культурные практики сохранения и возрождения Эвенкийского языка в период с 1930 по 2000-е гг. в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края (на материале анализа архивных документов Эвенкийского архива) / Ю. С. Замараева, Н. А. Сергеева, А. И. Филько, Е. С. Стручева // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 1. С. 22–53.
11. Карлова О. А., Мясоутов О. В. Социокультурная деятельность: молодежь как вызов // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 1 (03). С. 98–109.
12. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Экспедиция в Чиндатский сельский совет Тюхтетского района Красноярского края // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 30–45.
13. Колесник М. А. Особенности восприятия русского этноса в молодежной среде города Красноярска по результатам ассоциативного эксперимента со словом «русское» // Социодинамика. 2016. № 4. С. 59–67. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.4.18270. URL: http://enotabene.ru/pr/article_18270.html.
14. Колесник М. А. Философские аспекты понятия «культурная идентичность» // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2 (08). С. 22–33.
15. Копцева Н. П., Колесник М. А. Визуализация русской культурной идентичности в произведениях Ивана Яковлевича Билибина // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 81–92.
16. Кривоногов В. П. Изменение антропологического облика народов Сибири (по данным генеалогий) // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 6–19.
17. Кривоногов В. П. Этнические процессы у нганасан // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 2. С. 17–31.
18. Лобакова Н. М., Сертакова Е. А. Экспедиция в поселок Суринда Эвенкийского муниципального района. Дневник полевого исследования // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 6–29.
19. Лурье С. В. Как возникает когнитивный диссонанс и параллельная мотивация: о восприятии межэтнических браков в современном российском обществе // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 1. С. 80–94.
20. Лурье С. В. Межэтнические браки как культурный феномен: социогуманитарные и естественнонаучные аспекты культуры // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 1 (03). С. 117–128.
21. Миронов А. В. Этническая идентичность как фактор формирования самоотношения личности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 116–119.

22. Общая характеристика основных составляющих городской среды Красноярска / Ю. С. Замараева, А. В. Кистова, М. А. Колесник [и др.] // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 3 (09). С. 43–56
23. Палкин А. Д. Ассоциативный эксперимент как способ кросскультурного исследования образов сознания // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 81–89.
24. Попова Т. В. Ассоциативный эксперимент в психологии. Флинта, 2006. 70 с.
25. Резникова К. В. Состояние детей в Туруханске и Фарково (по материалам этнокультурологической экспедиции Сибирского федерального университета летом 2010 г.) // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 46–59.
26. Религиозные воззрения коренных народов Таймыра / А. В. Кистова, Н. Н. Пименова, А. А. Ситникова [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 48–62.
27. Роль религии в сохранении традиционного образа жизни эвенков / Ю. С. Замараева, В. С. Лузан, С. В. Метляева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 34–47.
28. Середкина Н. Н. Научные подходы к понятию «этническая культурная идентичность» // Специфика этнических миграционных процессов в XX–XXI веках: опыт и перспективы материалы международной научно-практической конференции. 2019. С. 176–180.
29. Соколов Е. М., Середкина Н. Н. Отношение к религии студенческой молодежи города Красноярска // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 2 (09). С. 58–67
30. Специфика религиозного сознания кетов и селькупов в контексте культурного и исторического развития / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 63–80.
31. Этническая идентичность и толерантность / В. Ю. Хотинец. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 121 с.
32. Brand-management of Siberian cities (Krasnoyarsk as a case study) / E. A. Sertakova, N. P. Koptseva, M. A. Kolesnik [et al.] // International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6, № 5. С. 185–191.
33. Economic migration in Central Siberia and ethnic conflict risks (based on Krasnoyarsk Krai analysis) / M. A. Kolesnik, N. P. Koptseva, N. M. Libakova [et al.] // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Vol. 6, № S5. С. 104–108.
34. Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists / M. A. Amosova, N. P. Koptseva, A. A. Sitnikova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Т. 12, № 8. С. 1524–1551.
35. Ethnocultural space of Krasnoyarsk Krai: the current state / K. V. Reznikova, N. N. Pimenova, A. V. Kistova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 8. С. 1552–1567.
36. The traditional economy of indigenous peoples of Central Siberia (the case of the Selkups) / K. V. Reznikova, N. N. Seredkina, Y. S. Zamaraeva, N. Koptseva // International Journal of Economic Research. 2017. Vol. 14, № 15. С. 261–270.

УДК 316.72-054(571.51)

Л. А. Жанкова¹, В. А. Чистова¹, Ю. С. Замараева²

¹ Студент, направление «Культурология», Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

² Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Статья посвящена изучению культурных практик десяти наиболее крупных этнических групп, проживающих на территории Красноярского края. В настоящем исследовании производится попытка дать ответы на следующие вопросы: Посредством каких культурных практик этносы поддерживают развитие родной культуры? Оказывают ли культурные практики этнических групп взаимовлияние в межэтническом пространстве? Материалом для исследования стал Этноатлас (ред. Р. Г. Рафиков, 2019), в статьях которого содержательно дано описание истории формирования этнического пространства Красноярского региона, хозяйствования и быта, расселения и динамики численности отдельных народов. В ходе исследования проведено сравнение «сохраняющих» и «изменяющих» этнические культуры практики.

Ключевые слова: культурные практики, этногруппы, Красноярский край, межэтнические отношения.

L. A. Zhankova, V. A. Chistova, Yu. S. Zamaraeva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

SPECIFICS OF CULTURAL PRACTICES OF ETHNIC GROUPS LIVING ON THE TERRITORY OF THE KRASNOYARSK REGION

The article is devoted to the study of cultural practices of the ten largest ethnic groups living in the territory of the Krasnoyarsk Territory. This study attempts to answer the following questions: through what cultural practices do ethnic groups support the development of their native culture? Do cultural practices of ethnic groups influence each other in interethnic space? The material for the study was Ethnoatlas (ed. by R. G. Rafikov, 2018), whose articles provide a informative description of the history of the formation of the ethnic space of the Krasnoyarsk region, management and everyday life, settlement and population dynamics of distinct peoples. In the course of the study, a comparison was made of "preserving" and "changing" ethnic cultural practices.

Keywords: cultural practices of the ethnic groups, Krasnoyarsk region, inter-ethnic relations.

Введение. В современное время тема межэтнических отношений является одной из исследуемых в сфере гуманитарных наук по ряду причин. Во-первых, моноэтнические государства уступили место многонациональным, имеющим большой потенциал к построению и развитию межэтнического и межкультурного взаимодействия. Во-вторых, современные города и мегаполисы во многом определяются миграционными процессами, динамично изменяющими социальные отношения и создающими новые культурные ценности и установки при столкновении контактирующих групп. В-третьих, у современных людей формируются сложные формы социальной идентичности, одна из которых, этническая, воспроизводится и закрепляется в сознании благодаря воздействию культурных практик, поддерживаемых тем или иным этносом.

Понятие «культурные практики» вошло в научный обиход с начала 2000-х годов, выйдя за рамки существующих теорий поведения в сферу культурного анализа. Специфика культурных практик состоит в том, что они включают модели социального обмена, функционально связывая поведение одного человека с поведением другого.

Культурные практики в социальной среде становятся ресурсами по приобретению социальных и культурных навыков, опыта и знания, для социализации, адаптации и интеграции в социокультурную реальность. Это также путь обретения профессиональной идентичности и ее реализация в сфере предметной деятельности. Культурные практики создают культурную среду, действуя как механизм удовлетворения ограничений, приводя к разработке новых коллективных решений и способствуя разрешению любых общественных проблем.

Для этнической группы отбор культурных практик (своего поведения и развития) происходит либо с целью выживания культуры, либо для получения лучших результатов. В связи с этим целью данного исследования является анализ культурных практик и степень их воздействия на замкнутое или коммуникативное поведение современных этногрупп в межэтническом пространстве Красноярского края. Основной гипотезой для исследования стало предположение о том, что культурные практики положительно воздействуют на этническое сознание: одни из них помогают сохранить образ единства группы, а другие – адаптироваться этносу под изменяющиеся условия окружающего мира и продолжить развитие своей культуры. Таким образом, воздействие культурных практик либо приводит к замкнутому (требуется сохра-

нить свою культуру, чтобы не исчезнуть), либо к ее открытому поведению в межкультурном поле взаимодействия с другими этногруппами.

Главным источником информации для данного исследования послужили материалы последней редакции Этноатласа Красноярского края (2018). Первичный анализ материалов Этноатласа показывает, что национальный состав населения Красноярского края, как и всей Сибири, достаточно разнообразный – это стало результатом сложных исторических, демографических, политических, экономических, социокультурных процессов. Большая часть населения региона — потомки пришлых народов, переселенцы из европейской части России и бывших республик СССР: русские и украинцы, татары и чуваша, немцы, поляки, белорусы, армяне, киргизы и т. д.

По данным Красноярскстата, на 1 января 2018 года численность населения Красноярского края составила 2 876 360 человек. Красноярский край занимает тринадцатое место среди всех субъектов РФ и первое место в Сибирском федеральном округе по численности населения на 1 января 2018 года [1].

На территории края проживают представители 159 этнических групп. Национальный состав населения от общей численности населения, по данным Всероссийской переписи 2010 года, представлен группами, %: русские (88,08), украинцы (1,34), татары (1,23), немцы (0,79), азербайджанцы (0,58), белорусы (0,35), чуваша (0,38), армяне (0,38), киргизы (0,30), узбеки (0,23), таджики (0,23), мордва (0,15), марийцы (0,12), башкиры (0,11), тувинцы (0,10), лезгины (0,10), молдаване (0,10), хакасы (0,15), эстонцы, эстонцы-сету (0,08), латыши (2,184 – 0,07 %). Численность коренных малочисленных народов Севера, согласно переписи 2010 года, составляет, %: долганы (0,21), эвенки (0,16), ненцы (0,13), якуты (0,05), кеты (0,03), нганасаны (0,02), селькупы (0,01), энцы (0,01), чулымцы (0,01).

Понятие «культурные практики» в законодательном определении. Региональная культурная политика Красноярского края направлена на формирование гармонично развивающегося многонационального и межрелигиозного гражданского общества. Одним из важнейших направлений этой политики является правовая защита уникального многонационального культурного наследия народов, проживающих на этой территории. Закон Красноярского края «О культуре» [2] определяет основные направления государственной политики в области культуры: развитие и сохранение российской культуры, культурной самобытности наций и народностей, проживающих на территории Красноярского края. Статья 3 Закона гласит о том, что

в Красноярском крае признается равное достоинство культур, равные права и свободы в области культуры всех проживающих на территории края народов и иных этнических общностей, органы государственной власти и местного самоуправления способствуют созданию равных условий для сохранения и развития культур, обеспечивают и укрепляют целостность культуры посредством законодательного регулирования государственной политики в области культуры. В Красноярском крае гарантируется право всем этническим общностям на культурно-национальную автономию, на свободную реализацию своей культурной самобытности.

Федеральный Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999) устанавливает правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов РФ, защиты и исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов, их культурного наследия (коренные малочисленные народы – народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, насчитывающие не менее 50 000 человек в РФ и осознающие себя самостоятельными этническими общностями) [3].

Принятый в 1996 году Федеральный Закон «О национально-культурной автономии» [4] создает правовые условия взаимодействия государства и общества для защиты национальных интересов граждан РФ в процессе выбора им путей и форм своего развития.

В настоящее время для сохранения культурного наследия народов Красноярского края формируются культурные практики по сохранению культурных ценностей этнических групп.

Культурная практика обычно относится к проявлению культуры или субкультуры, особенно в отношении традиционной и обычной практики конкретной этнической или другой культурной группы. В самом широком смысле этот термин может применяться к любому человеку, проявляющему любой аспект любой культуры в любое время. Однако в практическом использовании он часто относится к традиционным практикам, разработанным в рамках конкретных этнических культур, особенно к тем аспектам культуры, которые практиковались с древних времен.

Этот термин приобретает все большее значение в связи с возросшей полемикой по поводу «прав культурной практики», которые защищаются во многих юрисдикциях для коренных народов, а иногда и для этнических

меньшинств. Он также является одним из основных компонентов области культурных исследований и главным объектом международных работ, таких как Декларация прав коренных народов Организации Объединенных Наций [5]. Культурная практика также является предметом обсуждения в вопросах культурного выживания. Если этническая группа сохраняет свою формальную этническую идентичность, но теряет свои основные культурные практики или знания, ресурсы или способность продолжать их, возникают вопросы о том, способна ли культура вообще выжить. Такие международные органы, как Постоянный форум Организации Объединенных Наций по вопросам коренных народов, постоянно работают над данными вопросами, которые все чаще выходят на передний план в вопросах глобализации.

Анализ этнокультурных практик Красноярского края. В Красноярском крае ежегодно устраивается ряд мероприятий, которые направлены на стабилизацию отношений между русским населением, мигрантами и коренными народами Сибири. Одни из них действуют как ознакомление русского населения с культурными традициями этнических групп, а другие помогают «влиться» этим этническим группам, сохранить свои традиции и создать новую неконфликтную для них среду.

Для выявления специфики культурных практик этнических групп Красноярского края были рассмотрены самые многочисленные этносы (десять), проживающие на данной территории. Обзор культурных практик произведен по пяти параметрам: язык, питание, уклад жизни, обычаи, традиционное жилище. Обзор этнокультурных практик сделан с целью выявить, поддерживают ли этнические группы свой образ жизни, традиции в окружающей среде.

Таблица 1

Обзор поддерживающихся и неподдерживающихся культурных практик наиболее многочисленных этнических групп, проживающих на территории Красноярского края

Этногруппа «Русские»

Язык	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Для школьников активно проводится Всероссийская олимпиада на знание русского языка. ▪ С 2016 года в крае проводится региональный краевой межнациональный конкурс «Наш русский язык» по различным номинациям
Питание	–
Уклад жизни	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Активно проводится музеефикация памятных мест, связанных с именами известных русских красноярцев. ▪ Силами общественной организации по сохранению культуры русских старожилов Сибири «Кежемское землячество» ежегодно проводятся Фестиваль старожильческих народов Красноярского края и мероприятие «День благодарения малой родины»

Продолжение табл. 1

Обычаи	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Регулярно на уровне муниципалитетов, края и всего сибирского региона проводятся различные фольклорные праздники, фестивали и конкурсы: Масленица, Дни славянской письменности и культуры, «Играй гармонь, звени частушка» и т. д. ▪ Общественная организация по развитию русских традиций и сибирской самобытности «Живая старина» проводит мероприятия по различным аспектам национальной самобытности русских в Сибири
Традиционное жилище	–

Этногруппа «Украинцы»

Язык	–
Питание	–
Уклад жизни	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Национально-культурное общество «Барвинок» проводит большую работу по сохранению и развитию национальной культуры, традиций и родного языка
Обычаи	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Хор «Барвинок» – самый крупный (до 80 человек) национальный коллектив края. ▪ Песенно-коллективный ансамбль «Водограй» исполняет эстрадные украинские произведения. ▪ Проводятся краевой фестиваль «Украинские песни над Енисеем» и мероприятия, направленные на поддержание этнокультурных связей украинцев Красноярского края. ▪ Организуются выставки традиционных украинских блюд, картин, вышивок, поделок. ▪ Отмечают праздники, знаменательные даты и события из жизни украинского народа: Рождество, Пасха (Вэлык дэнь), День независимости Украины, освобождение Украины от фашистских захватчиков
Традиционное жилище	–

Этногруппа «Украинцы»

Язык	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Проводят семинары-практикумы по татарскому языку. ▪ Выпускаются газеты с публикацией материалов на татарском и русском языках. ▪ Дети и молодежь Красноярского края регулярно отдыхают в летних языковых лагерях Республики Татарстан
Питание	
Уклад жизни	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Организованы обучающие семинары и научные конференции по истории и культуре татар. ▪ Стали проводиться фестивали-конкурсы среди самостоятельных творческих коллективов. ▪ В 11 городах и 6 районах края имеется более 30 мечетей и молитвенных домов
Обычаи	<ul style="list-style-type: none"> ▪ НОО: по сохранению культуры и национальных традиций в Красноярске, Лесосибирске, Норильске, Железногорске, Шарыпово. В 16 городах действуют татарские объединения. ▪ Ежегодное количество Сабантуев возросло до 23. К концу 2017 года в регионе действовало 20 религиозных организаций и более 20 незарегистрированных общин и групп, большинство из которых были татарскими по составу
Традиционное жилище	–

Этногруппа «Немцы»

Язык	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Зимние и летние лингвистические лагеря для детей (с 1997–2002 годов – 20 лагерей, охват – свыше 1,5 тыс. детей), языковые группы и курсы, сформированы библиотеки. ▪ Специализированные немецкие классы (в средней школе д. Николаевки Краснотуранского района, в школе № 6 г. Красноярск). ▪ Классы с углубленным изучением немецкого языка (гимназия № 6 г. Красноярск). ▪ Детский сад с преподаванием немецкого языка во всех группах (детсад № 30 «Росинка» г. Минусинск). ▪ Летний лингвистический лагерь «Югендкрайс» (Минусинский ЦНК регулярно организует лагерь с 1998 года). ▪ На базе НКЦ с 1998 по 2004 год издавалась газета «Видершайн» («Отражение») на русском и немецком языках, готовились свои радио- и телепередачи
Питание	–
Уклад жизни	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Развитая система общественных и культурных организаций, целью которых является возрождение родных традиций, культуры и языка. ▪ Международная научная конференция «Немцы в Сибири: история, язык, культура» (2004). ▪ В 2018 году региональная НКА начала реализацию проекта «Мосты – создание открытых возможностей для детей и молодежи в изучении национальной истории, культуры и спорта народов, проживающих в Красноярском крае». ▪ Тесно взаимодействуют с Евангелическо-лютеранской церковью
Обычаи	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Ансамбли и кружки по интересам (вокал, хор, театр, спорт, национальная кухня, связь с исторической родиной, история и т. д.). ▪ Региональная НКА ежегодно проводит праздник Адвент, фестиваль традиций и культур российских немцев, фестиваль театральных постановок. ▪ Творческие коллективы: струнный ансамбль В. Зейферта, вокальная группа под руководством А. Шендрика, детские музыкальные, фольклорные и танцевальные коллективы. ▪ Развитая сеть центров немецкой культуры
Традиционное жилище	–

Этногруппа «Белорусы»

Язык	–
Питание	<ul style="list-style-type: none"> ▪ С 2016 года набирает популярность Праздник белорусского драника в Минусинске
Уклад жизни	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Местная белорусская НКА Красноярск входит в Общественную палату национальностей Гражданской ассамблеи края, различные общественные и координационные советы. Официальным печатным органом организации стала газета «Калі ласка» (1999–2008). Также НКА есть в Дивногорске, Минусинске. ▪ Красноярцы принимают участие в конференциях и съездах ФНКА. ▪ Регулярно проводятся выставки художников-белорусов. ▪ Активно поддерживают связи с исторической родиной, в 2010 году открылось отделение Посольства Республики Беларусь в Красноярске
Обычаи	<ul style="list-style-type: none"> ▪ В 2001 году НКА «Белорусы» провела в Красноярске Дни белорусской культуры, на которых побывала делегация деятелей культуры из Беларуси. ▪ Регулярно приезжает с концертами Белорусский государственный эстрадный ансамбль «Песняры». ▪ Ежегодно проводят белорусские народные праздники и памятные даты: Калядь, Пасху, праздник урожая Дажинки, Дзяды, День Победы

Традиционное жилище	–
<i>Этногруппа «Чуваши»</i>	
Язык	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Ежегодно в конце апреля проводится День чувашского языка – вечер памяти выдающегося просветителя и гуманиста И. Я. Яковлева. В рамках этой акции устраиваются литературные чтения, книжные выставки на чувашском и русском языках
Питание	–
Уклад жизни	<ul style="list-style-type: none"> ▪ На селе еще сохраняются некоторые черты старинных национальных традиций: свадебной, родильной и похоронно-поминальной обрядности. ▪ Чувашская национально-культурная автономия занимается сохранением традиций, обычаев, культуры чувашского народа. ▪ Были созданы 3 сельских чувашских музея, 3 библиотеки, 1 фонотека. ▪ В двух районах были установлены памятники чувашам – участникам Великой Отечественной войны. ▪ В 2016–2018 годы в Красноярске выходят в свет две части книги «Чуваши на берегах Енисея». ▪ Принимают участие в различных национальных форумах, съездах, проводимых в Республике Чувашия, федеральном Акатуе и другие мероприятия федерального уровня. ▪ Съезды чувашей края принимают концепции национально-культурного развития чувашского народа Красноярья и пятилетнего плана развития чувашского этноса на территории региона. Первый съезд был в 2006 году, второй – в 2011 году, третий – в 2016 году. ▪ Важную роль в духовной жизни играет Русская Православная церковь. Ни одно мероприятие не проходит без священнослужителей. ▪ В 2003 году в рамках визита правительственной делегации Чувашии в Красноярском крае было подписано соглашение о социально-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между двумя регионами. Аналогичные договоры о сотрудничестве были заключены между городами Чебоксары и Красноярском, между Большемуртинским районом Красноярского края и Комсомольским районом Чувашской Республики
Обычаи	<ul style="list-style-type: none"> ▪ В настоящее время женщины старшего возраста еще носят на селе национальный костюм или его отдельные элементы. Мужская традиционная одежда используется только в свадебных обрядах или в фольклорных выступлениях. ▪ Творческие коллективы – «Подснежник», и «Дубравушка» (Красноярск), «Сеспел», «Юлгашсем» (Казачинский район), «Юманлах» и др.) ▪ Отмечают праздник Акалтуй, знаменующий для сельчан завершение посевных работ, и праздник Чуклуме (праздник урожая)
Традиционное жилище	–
<i>Этногруппа «Азербайджанцы»</i>	
Язык	–
Питание	–
Уклад жизни	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Местная азербайджанская национально-культурная автономия и другие азербайджанские общественные организации проводят мероприятия по сохранению и развитию национальных традиций и культуры. ▪ Участвуют в межнациональном фестивале «Сроднила нас Сибирь» и «Содружество на Енисее»

Окончание табл. 1

Обычаи	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Творческие коллективы (хореографический ансамбль «Одлар Юрду») и спортивные команды ▪ Отмечают праздники ▪ Издали книгу «Из Азербайджана на фронт. История южной трассы ленд-лиза 1941–1945 гг.»
Традиционное жилище	–
<i>Этногруппа «Армяне»</i>	
Язык	<ul style="list-style-type: none"> ▪ В основном используется на локальном уровне, в быту, на армянском языке ведутся службы в армянских церквях, работает воскресная школа по изучению родного языка и национальных традиций в Красноярске
Питание	–
Уклад жизни	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Основные сферы деятельности диаспоры – торговля, финансы, наука и культура. ▪ Существуют краевые общественные организации и национально-культурные объединения (НКО)
Обычаи	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Существуют национальные праздники и памятные даты, сохраняются и демонстрируются танцы
Традиционное жилище	–
<i>Этногруппа «Киргизы»</i>	
Язык	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Существуют культурный центр и общественный центр по адаптации и интеграции мигрантов в Красноярске, где работа ведется на киргизском и на русском языках; также используется в быту
Питание	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Используется в быту, во время праздников Навруз, Курбан-байрам, Ураза-байрам
Уклад жизни	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Проводятся краевые состязания по традиционным видам спорта, таким как «кок бору», скачки на лошадях, борьба всадников, национальные виды борьбы; существуют НКО и общественные объединения
Обычаи	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Сохраняется фольклор, имеются праздники, есть возможность демонстрации национального костюма на краевых фестивалях и мероприятиях
Традиционное жилище	–
<i>Этногруппа «Узбеки»</i>	
Язык	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Узбекским в крае владеют 93 % человек
Питание	<ul style="list-style-type: none"> ▪ В повседневности и на праздники – чучвара (пельмени), самса, хлеб, плов. ▪ Основывают рестораны национальной кухни
Уклад жизни	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Большинство узбеков – мужчины (отн. м : ж ~ 2:1), меньше семей и семейных традиций, сохранилось общение в общине, мечети, на праздники. Поддержка НКЦ «Дустик» и НКА
Обычаи	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Религиозные (Курбан-Байрам, Ураза-Байрам, Иди-Курбон), национальные (День независимости, Дни узбекской культуры, Навруз, День народов Средней Азии), светские (Ковун сайли – праздник дыни), но исчезают некоторые виды национального женского костюма (паранджа, чачван), носятся больше мужской национальный костюм (халат, тюбетейка) на праздники и европейский в повседневности. Женщины обычно носят платки (хиджаб), юбки. В школах могут носить в старших классах
Традиционное жилище	–

Параметр «**язык**» в культурных практиках этносов поддерживается шестью группами из десяти – это русские, татары, немцы, чувашаи, армяне и киргизы. Важно отметить, что остальные этногруппы не проводят эти практики по разным причинам: от владения языком бóльшим числом представителей этноса до максимального «обрусения» молодых представителей. Параметр «**питание**» поддерживается тремя этническими группами из десяти – это белорусы, киргизы и узбеки. Параметры «**уклад жизни и обычаи**» поддерживают все без исключения этногруппы. Параметр «**традиционное жилище**» не поддерживается ни одной этногруппой, вероятно из-за того, что большинство представителей живет в городах (табл. 2).

В ходе анализа было выявлено, что культурные практики по параметрам «уклад жизни», «обычаи» и «язык» поддерживаются всеми или большинством самых многочисленных этнических групп Красноярского края. Параметры «питание» и «традиционное жилище» почти не поддерживаются и не поддерживаются соответственно.

Таблица 2

Краткий обзор поддерживающихся и не поддерживающихся культурных практик наиболее многочисленных этнических групп, проживающих на территории Красноярского края

Этнос	Язык	Питание	Уклад жизни	Обычаи	Традиционное жилище
Русские	+	–	+	+	–
Украинцы	–	–	+	+	–
Татары	+	–	+	+	–
Немцы	+	–	+	+	–
Белорусы	–	+	+	+	–
Чуваши	+	–	+	+	–
Азербайджанцы	–	–	+	+	–
Армяне	+/-	–	+	+	–
Киргизы	+	+	+	+	–
Узбеки	–	+	+	+	–

Данные культурные практики подразделяются на сохраняющие и изменяющие: первые направлены на сохранение идентичности, традиций этносов, а вторые направлены на бесконфликтный процесс интеграции данных этносов в общество проживания, в данном случае Красноярский край, они представлены в табл. 3.

Таблица 3

Обзор сохраняющихся и изменяющихся культурных практик наиболее многочисленных этнических групп, проживающих на территории Красноярского края

Этнос	Сохраняющие практики	Изменяющие практики
Русские	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Для школьников активно проводится Всероссийская олимпиада на знание русского языка. ▪ С 2016 года в крае проводится региональный краевой межнациональный конкурс «Наш русский язык» по различным номинациям. ▪ Активно проводится музеефикация памятных мест, связанных с именами известных русских красноярцев. ▪ Силами общественной организации по сохранению культуры русских старожилов Сибири «Кежемское землячество» ежегодно проводятся Фестиваль старожильческих народов Красноярского края и мероприятие «День благодарения малой родины». ▪ Регулярно на уровне муниципалитетов, края и всего сибирского региона проводятся различные фольклорные праздники, фестивали и конкурсы: Масленица, Дни славянской письменности и культуры, «Играй гармонь, звени частушка» и т. д. ▪ Общественная организация по развитию русских традиций и сибирской самобытности «Живая старина» проводит мероприятия по различным аспектам национальной самобытности русских в Сибири 	—
Украинцы	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Национально-культурное общество «Барвинок» проводит большую работу по сохранению и развитию национальной культуры, традиций и родного языка. ▪ Хор «Барвинок» – самый крупный (до 80 человек) национальный коллектив края. ▪ Песенно-коллективный ансамбль «Водограй» исполняет эстрадные украинские произведения. ▪ Проводится краевой фестиваль «Украинские песни над Енисеем» и мероприятия, направленные на поддержание этнокультурных связей украинцев Красноярского края. ▪ Устраивают выставки традиционных украинских блюд, картин, вышивок, поделок. ▪ Отмечают праздники, знаменательные даты и события из жизни украинского народа: Рождество, Пасха (Вэлык дэнь), День независимости Украины, освобождение Украины от фашистских захватчиков 	—
Татары	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Проводят семинары-практикумы по татарскому языку. ▪ Выпускались газеты с публикацией материалов на татарском и русском языках. ▪ Дети и молодежь Красноярского края регулярно отдыхают в летних языковых лагерях республики Татарстан. ▪ Организованы обучающие семинары и научные конференции по истории и культуре татар. ▪ Стали проводиться фестивали – конкурсы среди самостоятельных творческих коллективов. 	—

Продолжение табл. 3

	<ul style="list-style-type: none"> ▪ В 11 городах и 6 районах края имеется свыше 30 мечетей и молитвенных домов. ▪ НОО: по сохранению культуры и национальных традиций в Красноярске, Лесосибирске, Норильске, Железногорске, Шарыпово. В 16 городах действуют татарские объединения. ▪ Ежегодное количество Сабантуев возросло до 23. К концу 2017 года в регионе действовало 20 религиозных организаций и более 20 незарегистрированных общин и групп, большинство из которых были татарскими по составу 	
Немцы	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Зимние и летние лингвистические лагеря для детей (с 1997–2002 – 20 лагерей, охват – свыше 1,5 тыс. детей), языковые группы и курсы, сформированы библиотеки. ▪ Специализированные немецкие классы (в средней школе д. Николаевки Краснотуранского района, в школе № 6 Красноярска). ▪ Классы с углубленным изучением немецкого языка (гимназия № 6 Красноярска). ▪ Детский сад с преподаванием немецкого языка во всех группах (детсад № 30 «Росинка» Минусинска). ▪ Летний лингвистический лагерь «Югендкрайс» (Минусинский ЦНК регулярно проводит лагерь с 1998 года). ▪ На базе НКЦ с 1998 по 2004 год издавалась газета «Видершайн» («Отражение») на русском и немецком языках, готовились свои радио- и телепередачи. ▪ Развитая система общественных и культурных организаций, целью которых является возрождение родных традиций, культуры и языка. ▪ Международная научная конференция «Немцы в Сибири: история, язык, культура» (2004). ▪ Тесно взаимодействуют с Евангелическо-лютеранской церковью. ▪ Ансамбли и кружки по интересам (вокал, хор, театр, спорт, национальная кухня, связь с исторической родиной, история и т. д.). ▪ Региональная НКА ежегодно проводит праздник Адвент, фестиваль традиций и культур российских немцев, фестиваль театральных постановок. ▪ Творческие коллективы: струнный ансамбль В. Зейфerta, вокальная группа под руководством А. Шендрика, детские музыкальные, фольклорные и танцевальные коллективы. ▪ Развитая сеть центров немецкой культуры 	<p>В 2018 году региональная НКА начала реализацию проекта «Мосты – создание открытых возможностей для детей и молодежи в изучении национальной истории, культуры и спорта народов, проживающих в Красноярском крае»</p>
Белорусы	<ul style="list-style-type: none"> ▪ С 2016 года набирает популярность Праздник белорусского драника в Минусинске. ▪ Местная белорусская НКА Красноярска входит в Общественную палату национальностей Гражданской ассамблеи края, различные общественные и координационные советы. Официальным печатным органом организации стала газета «Калі ласка» (1999–2008). Также НКА есть в Дивногорске, Минусинске. ▪ Красноярцы принимают участие в конференциях и съездах ФНКА. 	<p>Активно поддерживают связи с исторической родиной, в 2010 году открылось отделение Посольства Республики Беларусь в Красноярске</p>

Продолжение табл. 3

	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Регулярно проводятся выставки художников-белорусов. ▪ В 2001 году НКА «Белорусы» провела в Красноярске Дни белорусской культуры, на которых побывала делегация деятелей культуры из Беларуси. ▪ Регулярно приезжают с концертами Белорусский государственный эстрадный ансамбль «Песняры». ▪ Ежегодно проводят белорусские народные праздники и памятные даты: Калядь, Пасху, праздник урожая Дажинки, Дзяды, День Победы 	
<p>Чуваши</p>	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Ежегодно в конце апреля проводится День чувашского языка – вечер памяти выдающегося просветителя и гуманиста И. Я. Яковлева. В рамках этой акции устраиваются литературные чтения, книжные выставки на чувашском и русском языках. ▪ На селе еще сохраняются некоторые черты старинных национальных традиций: свадебной, родильной и похоронно-поминальной обрядности. ▪ Чувашская национально-культурная автономия занимается сохранением традиций, обычаев, культуры чувашского народа. ▪ Были созданы 3 сельских чувашских музея, 3 библиотеки, 1 фонотека. ▪ В двух районах были установлены памятники чувашам-участникам Великой Отечественной войны. ▪ В 2016–2018 годы в Красноярске выходят в свет две части книги «Чуваши на берегах Енисея». ▪ Принимают участие в различных национальных форумах, съездах, проводимых в Республике Чувашия, федеральном Акатуе и другие мероприятия федерального уровня. ▪ Важную роль в духовной жизни играет Русская Православная церковь. Ни одно мероприятие не проходит без священнослужителей. ▪ В настоящее время женщины старшего возраста еще носят на селе национальный костюм или его отдельные элементы. Мужская традиционная одежда используется только в свадебных обрядах или в фольклорных выступлениях. ▪ Творческие коллективы – «Подснежник», и «Дубравушка» (г. Красноярск), «Сеспел», «Юлташсем» (Казачинский район), «Юманлах» и др.) ▪ Отмечают праздник Акалтуй, знаменующий для сельчан завершение посевных работ, и праздник Чуклуме (праздник урожая) 	<p>Съезды чувашей края – принимают концепции национально-культурного развития чувашского народа Красноярья и пяти-летнего плана развития чувашского этноса на территории региона. Первый съезд был в 2006 году, второй – в 2011 году, третий – в 2016 году. В 2003 году в рамках визита правительственной делегации Чувашии в Красноярском крае было подписано соглашение о социально-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между двумя регионами. Аналогичные договора о сотрудничестве были заключены между городами Чебоксары и Красноярском, между Большемуртинским районом Красноярского края и Комсомольским районом Чувашской Республики</p>

Окончание табл. 3

<p>Азербайджанцы</p>	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Местная азербайджанская национально-культурная автономия и другие азербайджанские общественные организации ведут по сохранению и развитию национальных традиций и культуры. ▪ Творческие коллективы (хореографический ансамбль «Одлар Юрду») и спортивные команды ▪ Отмечают праздники ▪ Издали книгу «Из Азербайджана на фронт. История южной трассы ленд-лиза 1941–1945 гг.» 	<p>Участвуют в международном фестивале «Сроднила нас Сибирь» и «Содружество на Енисее»</p>
<p>Армяне</p>	<ul style="list-style-type: none"> ▪ В основном, используется на локальном уровне, в быту, на армянском языке ведутся службы в армянских церквях, работает воскресная школа по изучению родного языка и национальных традиций в Красноярске. ▪ Основные сферы деятельности диаспоры – торговля, финансы, наука и культура; ▪ Существуют краевые общественные организации и национально-культурные объединения (НКО). ▪ Существуют национальные праздники и памятные даты, сохраняются и демонстрируются танцы 	
<p>Киргизы</p>	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Существуют культурный центр и общественный центр по адаптации и интеграции мигрантов в Красноярске, где работа ведётся и на киргизском, и на русском языках; также используется в быту. ▪ Используется в быту, во время праздников Навруз, Курбан-байрам, Ураза-байрам. ▪ Проводятся краевые состязания по традиционным видам спорта, таким как "кок бору", скачки на лошадях, борьба всадников, национальные виды борьбы; существуют НКО и общественные объединения. ▪ Сохраняется фольклор, имеются праздники, есть возможность демонстрации национального костюма на краевых фестивалях и мероприятиях 	
<p>Узбеки</p>	<ul style="list-style-type: none"> ▪ В повседневности и на праздники чучвара (пельмени), самса, хлеб, плов. ▪ Основывают рестораны национальной кухни. ▪ большинство узбеков – мужчины (отн. м : ж ~ 2 : 1), меньше семей и семейных традиций, сохраняется общение в общине, мечети, на праздники. ▪ Поддержка НКЦ «Дустик» и НКА религиозные (Курбан-Байрам, Ураза-Байрам, Иди-Курбон), национальные (День независимости, Дни узбекской культуры, Навруз, День народов Средней Азии), светские (Ковун сайли – праздник дыни), но исчезают некоторые виды нац. ▪ Женский костюм (паранджа, чачван) носится больше, чем мужской национальный костюм (халат, тюбетейка) на праздники и европейский в повседневности. Женщины обычно носят платки (хиджаб), юбки. В школах могут носить в старших классах 	

Анализ культурных практик этносов позволил прийти к выводу о том, что в крае наблюдается доминанта «сохраняющих» практик. Лишь четыре из десяти

этносов придерживаются «изменяющих» практики: немцы, белорусы, чувашаи и азербайджанцы. Второй вид практик направлен на взаимодействие с представителями других этносов Красноярского края и поддержание определенных видов связи (социально-экономические, научно-технические, культурные) с исторической родиной. «Сохраняющие» практики по большей части направлены на поддержание этнокультурной идентичности посредством следования самобытным традициям. С одной стороны, здесь сохраняется что-то материальное (будь то традиционный костюм или практики питания), а с другой – не утрачивается и духовная составляющая культуры этносов (т. е. ее смысловая часть). «Изменяющие» практики представлены в меньшем числе, наряду с «сохраняющими», по причине того, что Красноярский край не является исторической родиной рассматриваемых этносов. Однако для больших этногрупп региона важно сохранить равновесие ключевых элементов (культура своей этногруппы, ее образ жизни в материальной культуре, элементы языковой культуры), чтобы не утратить свою этническую идентичность и самосознание.

Таким образом, специфика культурных практик представителей этнических групп, проживающих на территории Красноярского края, заключается в сохранении культуры каждой конкретной этнической общности. Силы всех национально-культурных объединений в первую очередь направлены на поддержание обычаев, традиций и уклада жизни своей этногруппы.

Библиографические ссылки

1. Красноярскстат // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва : сайт. URL: www.Krasstat.gks.ru/.
2. О культуре: закон Красноярского края от 28.06.2007 № 2-190 (ред. 01.11.2018) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/>.
3. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : федер. закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/>.
4. О национально-культурной автономии : федер. закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/>.
5. Davis M. Data and the United Nations declaration on the rights of Indigenous peoples // *Indigenous Data Sovereignty*. 2016. P. 25.
6. Этноатлас Красноярского края. 3-е изд., доп. и перераб. Красноярск : Полицор, 2018. 240 с.
7. Robertson R., White K. E. (ed.). *Globalization: culture and identity*. Taylor & Francis, 2003. Т. 4.
8. Всероссийская перепись населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

УДК 316.72-054(571.51)

**Ю. О. Сторожев¹, Н. Н. Зборовицкая¹,
М. Ю. Гур¹, Ю. С. Замаараева²**

¹ Студент, направление «Культурология», Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

² Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

ДОМИНИРУЮЩИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП КРАСНОЯРСКОГО РЕГИОНА

Цель исследования – определить методом сравнительного анализа доминирующие культурные практики этнических групп Красноярского региона, которые указывают на их наиболее важные ценностные ориентации и стратегии, принятые в межэтническом пространстве. Результат сравнительного анализа показал, что культурные практики направлены либо на сохранение базовых идеалов (ядра культуры) – языка, либо на сохранение «защитного пояса» культуры – традиционного уклада жизни, обычаев. Это позволило наглядно представить ценностные ориентации отдельных этносов и понять, посредством каких практик этногруппы Красноярского края сохраняют свою культуру. Данные исследования демонстрируют высокий уровень этнического самосознания и естественное стремление к сохранению культуры, поддержание интеграционного взаимодействия и культурной консолидации этносов на территории Красноярского региона.

Ключевые слова: этносы, этнические группы, Красноярский регион, культура, культурные практики

Yu. O. Storozhev, N. N. Zborovitskaya,
M. Yu. Gur, Yu. S. Zamaraeva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

DOMINANT CULTURAL PRACTICES OF ETHNIC GROUPS IN THE KRASNOYARSK REGION

The purpose of the study is to determine by comparative analysis the dominant cultural practices of ethnic groups in the Krasnoyarsk region, which indicate their most important value orientations and strategies adopted in the interethnic space. The result of the comparative analysis showed that cultural practices are aimed either at preserving the basic ideals (core of culture) – language, or at preserving the "protective belt" of culture-the traditional way of life, customs. This allowed us to

clearly present the value orientations of individual ethnic groups and understand through which practices the ethnic groups of the Krasnoyarsk territory preserve their culture. These studies demonstrate a high level of ethnic self-awareness and a natural desire to preserve culture, maintain integration interaction and cultural consolidation of ethnic groups in the Krasnoyarsk region.

Keywords: *ethnos, ethnic groups, Krasnoyarsk region, culture, cultural practices.*

Понятие «культурные практики» в зарубежных исследованиях имеет дискурсивное определение, соединяющее интеллектуальные традиции с конца XX – начала XXI века. С одной стороны, ученые (социологи, психологи, антропологи) серьезно сосредоточены на разработке единой теории практики для изучения социальной жизни и социальных явлений, прежде всего в темах образования, культуре потребления, профессиональной практики и обучения [1–5 и др.]. С другой, с 2000-х годов понятие «культурные практики» стало иметь более расширенное определение, выходящее за рамки существующих теорий поведения: как «регуляторы» когнитивной деятельности (призванные повысить уровень мышления); как ресурсы по приобретению социальных и культурных навыков, опыта и знания, социализации, адаптации и интеграции в социокультурную реальность; как путь обретения профессиональной идентичности и ее реализация в сфере предметной деятельности [6–9 и др.]. Так, в исследовании М. Фрезе [10] дано определение понятия «культурные практики» как общих представлений о том, как люди обычно себя ведут в культуре.

Термин «практики» вошел в обиход российской науки благодаря социологам, анализирующим данный феномен «над» теорией поведения и приблизившим его к пониманию способов воспроизводства и идентификации культуры. Совокупность практик: воспроизводит элементы культурной структуры (например, через практические навыки формируются идентичности и на их фоне развиваются идеологии и ценности профессиональных и иных сообществ); способствует постепенной смене ценностей в конкретной культуре через фоновую конфигурацию старых практик (практики как путь трансформации и идентификации, ограничения и интеграции в социальную группу, реконструкции прежнего по новым правилам); существует как условие, делающее возможным отличать нормы от не-нормы (практика как процедура выявления и определения соответствия нормам конкретного общества). В российской науке понятие «культурные практики» тесно сопряжено с процессом образования культурных ценностей, которые закрепляются в традициях и преобразуются через активную предметную деятельность. Иными словами, культурная практика в научном по-

нимании становится процессом формирования культурной среды. Культурные практики направлены на удовлетворение познавательных потребностей, а потом формируют познавательный опыт, с помощью которого происходит поиск идентификации (самоопределения и самоутверждения человека) с теми или иными мировоззренческими позициями.

Прежде всего, необходимо отметить, что культурные практики являются особым набором ценностных ориентаций, передаваемых от поколения к поколению внутри этноса. Культурные практики как психологические поведенческие стратегии имеют положительное воздействие на этногруппу, способствуя ее органичному развитию в общем этнокультурном пространстве. Однако в современной глобальной динамике даже на региональном уровне этнокультуры формируются и структурируются сложным образом. Например, самоизоляция этноса приводит к ослаблению его силы и потере культурных качеств. И наоборот, устойчивые межэтнические отношения фиксируют валентность и определенность этносов в поликультурной среде. Принцип устойчивости отношений фиксирует особого рода связь между этносами, обеспечивающей стабильность их развития в целом. Межэтнические отношения способствуют развитию культуры этносов в ходе их взаимодействия, порождающего культурно-ценностное взаимовлияние и взаимообмен, при сохранении базовых идеалов каждой этногруппы. В связи с этим неконфликтное и устойчивое взаимодействие различных этнических групп возможно только при их культурной интеграции в общем межэтническом пространстве.

Целью данного исследования является попытка определить доминирующие культурные практики этнических групп, проживающих на территории Красноярского края. Материалом для анализа послужил текст Этноатласа Красноярского края [11]. Для анализа культурных практик избраны десять этногрупп Красноярского края.

Доминирующие культурные практики каждого этноса указывают на их наиболее важные ценностные ориентации. Поскольку культурные практики у этногрупп различны, то, на наш взгляд, можно определить доминирующие практики у конкретных этносов. Это позволило бы понять, в каком состоянии пребывает этнос, какую проживает стратегию в межэтническом пространстве, на культивирование каких ценностей он ориентирован.

Для проведения сравнительного анализа доминирующих культурных практик десяти этногрупп избраны пять критериев: язык, уклад жизни, обычаи, питание, традиционное жилище.

Доминирующие культурные практики этногруппы «таджики» связаны с почитанием обычаев. Так, Красноярский таджикский национально-культурный центр «Пайванд» («Воссоединение») является организатором ежегодных праздников: праздника весны «Навруз» и национального праздника тюльпанов «Сайри-Лола». Представители этнокультурной автономии проводят ежегодные встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и являются постоянными участниками акции «георгиевская лента».

У этногруппы «цыгане» отсутствуют практики строительства традиционного жилья, поскольку они давно урбанизированы и не ведут кочевой образ жизни. Так, согласно переписи населения 2010 года, в Красноярском крае 73,4 % местных цыган являются горожанами. Однако доминирующая практика, связанная с сохранением цыганских обычаев и обрядов (цыганский язык, традиции больших семей), позволяет зафиксировать почти полную культурную трансмиссию (тесную связь между поколениями в передаче знания) и связь с традиционным кочевым образом жизни как базовой культурной ценностью этноса. Внешне доминирующая культурная практика поддерживается ансамблями цыганского фольклора: «Сибирска Рома» и «Черген», «Русалина» (цыганский семейный вокальный ансамбль Тюльковского СДК Балахтинского района).

Противоположная ситуация у этногруппы «мордва», поддерживающей практику деревенского образа жизни, что фиксирует тенденцию к локализации. В трех существующих деревнях компактного проживания демонстрируется практика традиционного уклада жизни: ремесленные занятия (вышивка, резьба по дереву, изготовление металлических украшений), традиционные обычаи (куретьозкс – праздник плуга, начала полевых работ), а также национальная кухня (ватрушки, щеням, селянка; праздник традиционной мордовской кухни). Недоминирующей практикой является языковая.

У этногруппы «казахи» (енисейское казачество) доминирующей практикой является сохранение уклада жизни посредством традиционного рода занятий (военно-полицейской службой). Общинный уклад жизни позволяет сохранить форму самоуправления («круг»), Суд Чести казака и Совет Стариков (как высший консультативно-представительный орган Учредительного круга Енисейского войскового казачьего общества).

Хакасская этническая группа за последние десять лет усилила культурную практику воспроизводства этнического самосознания посредством возрождения языковых традиций – ядерного элемента и фундаментального основания в процессе сохранения культуры этногруппы. Здесь также стоит от-

метить, что речь идет о литературном языке и письменности, которые появились в XX веке. Так, на хакасском языке ведется теле- и радиовещание, издаются газеты, литературные альманахи (Ах-Тасхыл) и пр. С целью изучения языка существует основанный в 1944 году Хакасский НИИ языка, литературы и истории, также в 1990-е годы создана кафедра хакасского языка в Институте саяно-алтайской тюркологии.

Для польского этноса доминирующей культурной практикой также является сохранение родного языка. Это объясняется особенностями исторического развития польской диаспоры в Красноярском крае и сильного этнического самосознания. Две самые крупные общественные организации – НКА «Дом Польский» и МОО «Полония Железногорска». Руководители организации «Дом Польский» усилили практику сохранения польского языка в 2002–2010 годы через открытие Центра польской культуры в школе № 6, где специально приглашенный педагог из Ягеллонского университета г. Кракова преподавал польский язык, литературу, географию. Кроме того, работали прикладной, театральный, фольклорный кружки. В настоящее время НКА «Дом Польский» реализует обучение польскому языку в виде курсов для всех желающих в ДК «Дворец труда и согласия им. А. Н. Кузнецова».

У долган также доминирующими культурными практиками являются языковые, хотя масштаб этих практик имеет весьма локальный характер. Так, долганский язык изучается в рамках научного сообщества (международная конференция, посвященная 30-летию долганской письменности). Школьное обучение, выпуск газет (страницы на долганском языке в газете «Таймыр»), книг, статей имеют уже упомянутый локальный характер, например, радиовещание на долганском языке ведется только в Дудинке.

К доминирующим культурным практикам у киргизской этногруппы относятся практики, связанные с укладом жизни, и прослеживаются они через деятельность различных этнических организаций: Красноярская киргизская национально-культурная автономия (НКА), Норильская киргизская НКА «Энесей», Дудинская киргизская НКА (основана в 2018 году). Организации регулярно проводят Дни киргизской культуры, праздник Оп майда, День народов Средней Азии, фестиваль «Мода, музыка, кино», турниры по национальным видам спорта, конные состязания «Кок бору». Принимают совместное участие с другими диаспорами в проведении праздников Навруз, Курбан-Байрам и Ураза-Байрам.

Один из самых малочисленных этносов на территории Красноярского края – грузины. Их численность по состоянию на 2010 год – 1 336 человек, владеющих грузинским языком – 1,7 тыс. человек. Специфика данной этнической группы – в ее незаинтересованности в сохранении своей культуры на территории края. В Красноярске с 1990-х до середины 2000-х годов существовала всего одна грузинская община «Ертоба», занимавшаяся сохранением национального языка и традиций, популяризацией грузинской культуры, что говорит о невысокой потребности в репрезентации своей культуры и открытому взаимодействию. Это также подтверждает то, что в 2010 году в Красноярске на 100 мужчин приходилось всего 36 женщин, что исторически указывает на временный характер проживания этноса в Красноярске. У грузинской общины отсутствует потребность в репрезентации традиционного уклада жизни, возможно на это влияют климатические условия, исключая возможность ведения характерных для группы традиционных занятий.

Доминирующими культурными практиками якутов являются те, что связаны с укладом жизни. Так, у якутов в Красноярском крае создана собственная молодежная НКО Красноярская региональная общественная организация молодежи Республики Саха (Якутия) «Азартык», которая принимала участие в организации и проведении якутского праздника лета «Ысыах», участвовала в молодежных фестивалях «Интерземлячество», конкурсах «Мисс и Мистер Азия», «Азия-Сибирь», Всероссийской акции «Неделя добра», различных спортивных и благотворительных акциях, а также издавала газету «Азартык» и являлась соучредителем Интергазеты национального студенчества Красноярска

Таким образом, посредством анализа статей Этноатласа можно сделать вывод о том, что только у девяти этнических культур есть доминирующие практики, направленные на сохранение родного языка; сохранение и репрезентацию этнических обычаев и традиционного уклада жизни. Однако практически у всех фиксируется почти полное отсутствие практикования строить традиционные для этнических культур типы жилища. Понятие «доминирующие практики» раскрывает свое значение только в значении культуры, поскольку они направлены либо на сохранение базовых идеалов (ядра культуры) – языка, либо на сохранение «защитного пояса» культуры – традиционного уклада жизни, обычаев. Выявленные доминирующие (культурные) практикам демонстрируют высокий уровень этнического самосознания и естественное стремление к сохранению культуры, поддержание интеграционного взаимодействия и культурной консолидации этносов на территории Красноярского региона.

Библиографические ссылки

1. Lamal P. A. Behavioral analysis of societies and cultural practices. Taylor & Francis, 1991.
2. Morrow J. E. Metacontingencies and cultural practices: A review of behavioral analysis of societies and cultural practices // *The Behavior Analyst*. 1992. № 15 (2). P. 171.
3. Goodnow J. J., Miller P. J., Kessel F. E. Cultural practices as contexts for development. Jossey-Bass, 1995.
4. Saxe G. B. Cognition, development, and cultural practices // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 1999. № 83. С. 19–35.
5. Mattaini M. A. Envisioning cultural practices // *The Behavior Analyst*. 1996. № 19 (2). P. 257–272.
6. Sewell W. H. The concept(s) of culture // *Practicing history*. 2004. P. 90–110.
7. Swidler A. What anchors cultural practices // *The practice turn in contemporary theory*. 2005. P. 83–101.
8. Learning as a cultural process: Achieving equity through diversity / N. I. S. Nasir, A. S. Rosebery, B. Warren, C. D. Lee. 2006.
9. Hutchins E. The cultural ecosystem of human cognition // *Philosophical Psychology*. 2014. № 27 (1). P. 34–49. URL: <https://doi.org/10.1080/09515089.2013.830548>.
10. Frese M. Cultural practices, norms, and values // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2015. № 46 (10). P. 1327–1330. URL: <https://doi.org/10.1177/0022022115600267>.
11. Этноатлас Красноярского края. 3-е изд., перераб. и доп. Красноярск : Полицор, 2018. 240 с.
12. Специфика религиозного сознания кетов и селькупов в контексте культурного и исторического развития / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева [и др.] // *Северные архивы и экспедиции*. 2019. Т. 3, № 3. С. 63–80.
13. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.
14. Замараева Ю. С. Исследование отношения к мигрантам в Красноярском крае (результаты ассоциативного эксперимента по методике «Серийные тематические ассоциации») // *Северные архивы и экспедиции*. 2018. Т. 2, № 2. С. 69–80.
15. Исследование отношения населения Красноярского края к изменению климата и новым источникам энергетических ресурсов. Красноярск, 2017.
16. Карлова О. А., Серебренникова А. Д. Образование и вызовы визуально-клиповой эпохи // *Сибирский антропологический журнал*. 2019. № 2 (06). С. 7–17.
17. Религиозные воззрения коренных народов Таймыра / А. В. Кистова, Н. Н. Пименова, А. А. Ситникова [и др.] // *Северные архивы и экспедиции*. 2019. Т. 3, № 3. С. 48–62.
18. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // *Сибирский антропологический журнал*. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 20–40.
19. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Экспедиция в Чиндатский сельский совет Тюхтетского района Красноярского края // *Северные архивы и экспедиции*. 2018. Т. 2, № 2. С. 30–45.
20. Копцева Н. П., Колесник М. А. Визуализация русской культурной идентичности в произведениях Ивана Яковлевича Билибина // *Северные архивы и экспедиции*. 2018, Т. 2. № 2. С. 81–92.
21. Кривоногов В. П. Будущее сибирских этносов (исследование детских возрастных групп) // *Северные архивы и экспедиции*. 2018. Т. 2, № 2. С. 60–68.
22. Лещинская Н. М. Этнокультурное развитие энцев // *Сибирский антропологический журнал*. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 6–19.

23. Либакова Н. М. Формирование позитивной этнической идентичности индигенных народов посредством декоративно-прикладного искусства (резьба по кости) // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1-1. С. 1887.
24. Либакова Н. М., Сертакова Е. А. Экспедиция в поселок Суринда Эвенкийского муниципального района. Дневник полевого исследования // *Северные архивы и экспедиции*. 2018. Т. 2, № 2. С. 6–29.
25. *Новое сибирское китаеведение. Базовые концепты китайской культуры*. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018.
26. *Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры*. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018.
27. Резникова К. В. Специфика языков самодийской группы, включая ненецкий и энецкий языки // *Сибирский антропологический журнал*. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 62–82.
28. Резникова К. В. Состояние детей в Туруханске и Фарково (по материалам этнокультурологической экспедиции Сибирского федерального университета летом 2010 г.) // *Северные архивы и экспедиции*. 2018. Т. 2, № 2. С. 46–59.
29. Ситникова А. А. Рецензия на книгу «Эвенкия: Время больших перемен: По материалам Эвенкийского архива. Ч. 1: Ликвидация безграмотности» // *Сибирский антропологический журнал*. 2019. № 2 (06). С. 44–47.
30. Смолина М. Г., Колесник М. А. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // *Сибирский антропологический журнал*. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 41–53.
31. Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists / M. A. Amosova, N. P. Koptseva, A. A. Sitnikova [et al.] // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. Vol. 12, № 8. С. 1524–1551.
32. Overview of relevant regional culture studies (the Krasnoyarsk Krai): Challenges and approaches / K. A. Degtyarenko, S. V. Metlyaeva, D. S. Pchelkina [et al.] // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. Vol. 12, № 8. С. 1568–1588.
33. Koptseva N. P., Avdeeva Yu. N., Kirko V. I. Post-soviet ethnic and cultural identity reproduction practicing among the Dolgans inhabiting the arctic territories of Eastern Siberia // *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts*. 2017. № 6-2. С. 709–714.
34. Koptseva N. P., Nemaeva N. O., Obmorokova A. M. The cultural meaning of the concept of "Rodina" ("Homeland") prevalent among the younger generation of the Krasnoyarsk Territory (Central Siberia, Russia) // *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts*. 2017. № 6-2. С. 347–353.
35. Indian mausoleums as the representatives of the Islamic religion in the era of the Great Mughals / K. V. Reznikova, N. P. Koptseva, V. A. Razumovskaya, V. I. Kirko // *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts*. 2017. № 6-2. С. 19–34.
36. Krasnoyarsk urban environment: main characteristics / Yu. S. Zamaraeva, A. V. Kistova, M. A. Kolesnik [et al.] // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. Vol. 12, № 6. С. 1106–1123.
37. Religion of the Evenki: history and modern times / Yu. S. Zamaraeva, V. S. Luzan, S. V. Metlyaeva [et al.] // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. Vol. 12, № 5. С. 853–871.

УДК 791.42-054.7

Н. Н. Зборовицкая¹, Н. Н. Середкина²

¹ Студент, направление «Культурология»,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

² PhD, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения,
Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

ОБРАЗ МИГРАНТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ФИЛЬМА «ЗВЁЗДЫ» А. НОВИКОВА-ЯНГВИНОВА)

Статья посвящена исследованию образа мигранта в современном российском кинематографе. Применен метод качественного контент-анализа. Специфика изображения миграционных процессов в кинематографе заключается в эмоциональном воздействии на зрителя, изображении индивидуального человеческого опыта, стремлении показать общечеловеческие идеалы, таким образом стирая этнические различия между людьми и снижая межэтническую напряженность. Метод качественного контент-анализа с использованием программы «ATLAS.ti 8» позволил создать группы параметров, связанных с жизнью мигрантов, и определить наиболее упоминаемую в фильме группу параметров, связанную с взаимопомощью и доверием между мигрантами, тем самым выяснено, что внимание фильма обращено к эмоциональному раскрытию образа мигранта.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, российский кинематограф, межэтнический конфликт, контент-анализ.

N. N. Zborowitzkaya, N. N. Seredkina

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

THE IMAGE OF A MIGRANT IN MODERN RUSSIAN CINEMA (BASED ON THE ANALYSIS OF THE FILM "STARS" BY A. NOVIKOV-YANGVINOV)

The article is devoted to the study of the image of a migrant in modern Russian cinema, using the methods of qualitative content analysis. The specificity of the image of migration processes in the cinema is the emotional impact on the viewer, the image of individual human experience, the desire to show universal ideals, thus erasing ethnic differences between people and reducing inter-ethnic tensions. The method of qualitative content analysis using the program "ATLAS.ti 8" allowed to create

groups of parameters related to the life of migrants, and to determine the most mentioned in the film group of parameters related to mutual assistance and trust between migrants, thus, the attention of the film is drawn to the emotional disclosure of the image of the migrant.

Keywords: *migration, migration processes, Russian cinema, interethnic conflict, content analysis.*

В эпоху глобализации миграция становится неотъемлемой частью нашей жизни. Основными причинами миграции в Россию из стран СНГ и Средней Азии являются низкий экономический рост, бедность, безработица, инфляция. Эти причины побуждают население приезжать в Россию в качестве трудовых мигрантов, занятых обычно низкоквалифицированным трудом (стройки, дорожные работы, ремонт) без нормальных условий труда и официального трудоустройства. Такой образ жизни в процессе аккультурации создал определенный набор установок в отношении мигрантов у жителей принимающей страны. СМИ и кинематограф, с одной стороны, выступают как средство отражения стереотипов о мигрантах, с другой стороны, являются инструментом изучения миграционных процессов и преодоления культурной дистанции через визуализацию жизни мигрантов. Условия проживания мигрантов сформировали особый образ их жизни, который в принимающем обществе закрепился в виде стереотипов, отражающихся в СМИ и продуктах культуры. Кинематограф может влиять на восприятие зрителя, формирование новых убеждений и разрушение стереотипов через эмоциональное воздействие. Миграционные процессы сегодня – это актуальный предмет исследования в самых различных аспектах, прежде всего в освещении СМИ и кинематографе. Данные процессы оказывают самое сильное и массовое воздействие на сознание принимающей стороны, от которого во многом зависит характер отношений с мигрантами. Образ мигранта, таким образом, собирается из набора маркеров или меток, упоминаемых в СМИ. Негативное восприятие мигрантов в сознании принимающей стороны основано на негативных сообщениях СМИ (новости о драках, конфликтах, преступлениях), а также на сравнительно малом количестве упоминаний о необходимости интеграции мигрантов в общество [1]. Так формируется набор негативных убеждений в отношении мигрантов и враждебное отношение к ним. Соответственно, процесс адаптации либо замедляется, либо останавливается, что может быть риском возникновения межэтнических конфликтов. Исследователями рассматриваются лексические средства, которыми пользуются в печати

в отношении мигрантов: преобладают метафоры по типу «мы» – «они», обезличенная лексика («масса», «волна», «рабочая сила») [2] и другие, которые вызывают у коренного населения чувство угрозы со стороны приезжих. Мигранты стали ассоциироваться с сугубо негативными явлениями: наркоторговля, убийства, кражи, мошенничество [3] – и стали маргинальной самостоятельной закрытой группой, принимающей стратегию сепарации и редко имеющей контакты с местным населением [4]. Так, сфера медиа транслирует населению государственную политику, заявляющую о «неизбежности» притока мигрантов [3]. Население, таким образом, видит мигранта как угрозу его жизненным и экономическим интересам.

В противоположность СМИ кинематограф использует свои возможности для разрушения стереотипов и старается показать мигрантов людьми, жертвами определенных обстоятельств, имеющих свои причины для миграции. Поскольку миграция – это общемировое явление и следствие глобализации, то ее проблемы представлены в мировом кинематографе, в документальном и художественном кино. Особенность художественного кино заключается в возможности изображения моральной стороны миграции [5]. Одна из основных тем – конфликт между принимающей стороной и мигрантами. Наиболее популярные жанры для изображения проблемы конфликта – это драма, социальная драма, комедия, которые вызывают наибольшее сочувствие у зрителя. С помощью кинематографа режиссеры привлекают внимание к проблемам миграции, пытаются снять социальное напряжение, разрушить национальные стереотипы и предрассудки у зрителей. Кинематограф помогает зрителю относиться к мигранту как к близкому, учит сочувствию и уважению [5]. Российский кинематограф также обращается к проблеме жизни мигрантов, постепенно переходя от высмеивания и карикатур к реалистичным изображениям. Одной из репрезентативных картин является фильм «Звезды» А. Новикова-Янгинова. Режиссер обращается к жизни мигрантов, показывая одиночество, незащищенность, пренебрежение принимающей стороны, но в то же время и взаимоотношения персонажей: общность, сочувствие, взаимопомощь. Особенностью данного фильма является повествование через героя-мигранта русского происхождения, гражданина Узбекистана, что делает его по-своему одиноким и на родине, и в России, но позволяет успешно взаимодействовать с мигрантами, каждый из которых рассказывает свою историю, вызывая соучастие у зрителя.

Ряд зарубежных исследований также посвящены анализу тенденции создания негативного образа мигранта в СМИ и кинематографе. Подчеркивается, что особенно эта тенденция усилилась после терактов 11 сентября 2001 года в США [6]. Угроза жизни населения и страх перед мигрантами сформировали стереотипный образ мигранта-мусульманина. В сознании населения США террорист – это обязательно иностранец-мусульманин, враждебный жителям США. Причина конфликтов в массовом сознании – национальная ненависть к американцам и христианам вообще [6].

Touzani и Hirschman исследовали образ мусульманина в англоязычных фильмах с начала XX века до 2010-х годов [7]. Исследователи обнаружили зависимость развития образа мусульманина от отношений стран Запада со странами Востока. Образ мусульманина варьировался от варварского и экзотичного до враждебного террориста. В целом отмечается, что кинематограф быстро реагировал на международные отношения и создавал нужный образ другого, всегда отличающегося от образа западного человека.

Кинематограф идеально подходит для трансляции определенных политических идей. В американском кино образ араба-мусульманина никогда не был реальным, а лишь набором стереотипов, стремящихся как можно сильнее оттенить арабов, показать их как несамостоятельных дикарей, которых надо «научить правильно жить» [8]. Такой подход отражает отношения Запада и Востока, сохранение «чувства превосходства» европейцев над остальными. Ramji называет это «колониальным отношением» [8]. Автором были проанализированы несколько американских фильмов 1990–2000-х годов, выделены образы «мусульман-врагов» и «хороших мусульман», которые всегда формируются относительно героя-европейца, призванные максимально от него отличаться. Исследователь приходит к выводу, что образы арабов в кино призваны сформировать у зрителя предубеждение, увидеть «образ врага», продиктованный американской политикой.

Kholmanskikh [9] провела сравнительный анализ упоминаний в СМИ мигрантов в России и Франции и обнаружила существенную зависимость сообщений от проводимой государством миграционной политики. Причины этого в более длительном пребывании мигрантов во Франции, опыте этнических конфликтов, в результате которых в СМИ сложился особый подход к изображению мигрантов: это осторожные, сдержанные, подверженные цензуре сообщения о мигрантах. Так французское правительство стремится не допустить массовых этнических конфликтов и развить у населения терпи-

мость к мигрантам. В России же отмечается формирование негативного образа мигранта в СМИ как «чужого». Утверждается, что такой подход связан с государственной политикой и формированием идеи внешних врагов.

Таким образом, мы видим, как различается образ мигранта, создаваемый СМИ и кинематографом. Это два разных подхода к явлению миграции, влияющие на массовое сознание общества. Также наблюдается позитивное развитие образа мигранта в мировом и отечественном кинематографе, что способствует развитию межкультурных отношений и разрушению штампов.

Цель нашего исследования состоит в раскрытии образа мигранта, который конструируется в современном российском кинематографе на примере анализа фильма «Звезды» режиссера А. Новикова-Янгвинова (2018).

Методология исследования. Основным методом исследования выступил контент-анализ. Контент-анализ – это количественный анализ текстов и текстовых массивов с целью их дальнейшей содержательной интерпретации полученных числовых закономерностей. Контент-анализ – универсальный метод, позволяющий работать с любыми текстами, аудио-, видеоматериалами [10]. Данный метод является сегодня актуальным инструментом исследований в любой области. Качественный контент-анализ позволяет работать с уникальными или единичными текстами. Он дает возможность получить информацию из характеристики содержания текста. Тогда цель исследователя заключается во всесторонней содержательной интерпретации материала, а не только в точном подсчете смысловых единиц. В данном исследовании будут проведены следующие процедуры контент-анализа:

1) выявление смысловых единиц контент-анализа – основной единицей контент-анализа будут выступать слова и предложения, произнесенные персонажами фильма в форме цитат;

2) выделение единиц счета – при кодировании будут выделены характеристики содержания текста – частота упоминания в фильме в виде тайм-кодов. Будет подсчитано количество упоминаний единиц текста;

3) процедура подсчета;

4) интерпретация результатов.

При подготовке была сделана выборка параметров, по которым будет проведен анализ. В соответствии с целью исследования необходимо было выбрать, из каких параметров складывается образ мигранта в произведении кинематографа «Звезды». Выборка проводилась по наиболее типичным упоминаниям о жизни мигрантов в СМИ. Были выделены следующие параметры.

1. Какие этнические группы персонажей присутствуют?
 - а) русские;
 - б) узбеки;
 - в) казахи;
 - г) кавказцы.
2. По каким причинам мигрировали?
 - а) бедность;
 - б) безработица;
 - в) по семейным обстоятельствам.
3. Имели ли на родине другой социальный статус?
4. Какой трудовой деятельностью заняты в принимающей стране?
 - а) тяжелый низкоквалифицированный труд (стройка);
 - б) торговля.
5. Отношения с работодателями:
 - а) обман, угнетение работника, плохие условия труда;
 - б) доброжелательные, хорошие условия труда.
6. Отношения с соотечественниками:
 - а) говорят на родном языке;
 - б) сохраняют родные обычаи;
 - в) соблюдают религиозные обряды;
 - г) оказывают доверие и взаимопомощь.
7. Отношения с местными жителями:
 - а) дискриминация и конфликты;
 - б) доброжелательные отношения.
8. Отношения с правоохранительными органами (Пограничная служба, ФМС, МВД).
9. Какой ведут образ жизни?
 - а) не имеют жилья;
 - б) живут в общежитии;
 - в) живут на стройке;
 - г) живут у соотечественников.
10. Поведение в обществе:
 - а) совершают правонарушения (обман, мошенничество);
 - б) совершают преступления;
 - в) соблюдают закон.

Данные группы параметров кодировались в компьютерной программе «ATLAS.ti 8» [11]. «ATLAS.ti 8» – это программное обеспечение для проведения качественного контент-анализа больших массивов текста, аудио- и видеоданных. Принцип работы в программе основан на кодировании данных – составлении и фиксировании нужных блоков данных, которые затем группируются, структурируются, визуализируются.

Для исследования видеофайла сначала создавались (кодировались) группы параметров (Codes), затем данные присваивались совпадающим (упоминающимся) фрагментам фильма, которые выделялись с помощью цитирования (Quotations) (рисунок). Далее шел подсчет наиболее часто встречаемых групп и параметров, отсутствующие отбрасывались. Группы параметров можно условно подразделить на позитивные и негативные по отношению к мигрантам, их адаптации в обществе.

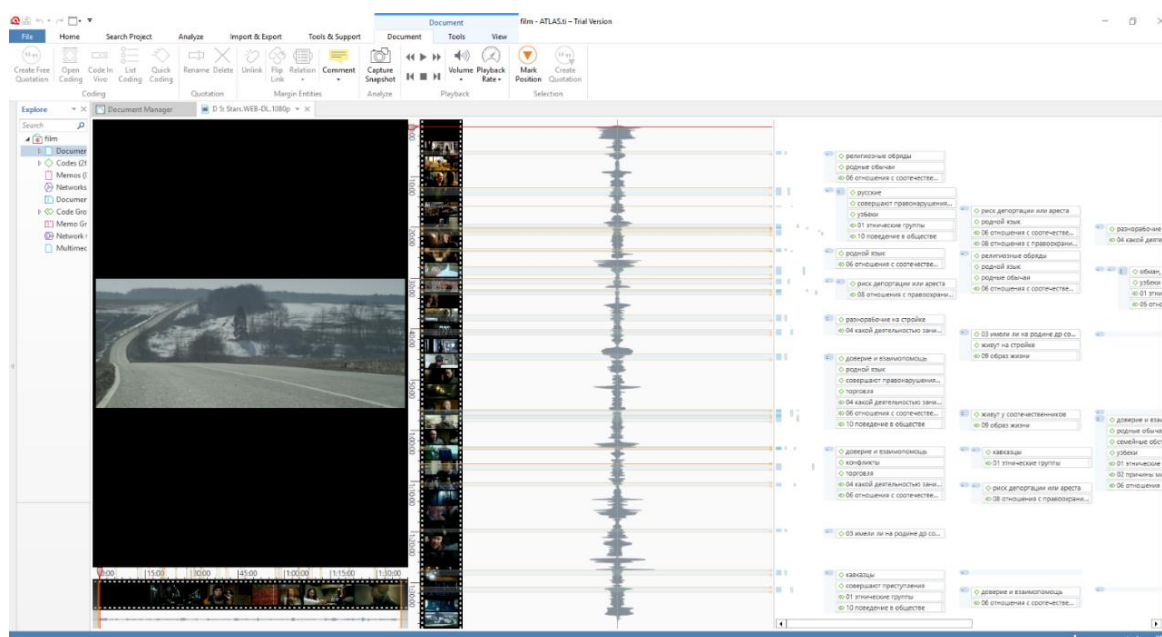

Рисунок. Рабочее окно «ATLAS.ti 8»: пример кодирования параметров и использования цитирования (Quotations) для выделения фрагментов фильма

Результаты исследования. Результаты исследования представлены (Export) в таблице Microsoft Excel, где наглядно показаны наиболее часто встречающиеся параметры (таблица). В таблице даны параметры (Code), количество их упоминаний в тексте (Grounded) и группы параметров (Code Groups), к которым они относятся.

Количество упоминаемых параметров в тексте

Code	Grounded	Code Groups
Доверие и взаимопомощь	5	Отношения с соотечественниками
Родной язык	4	Отношения с соотечественниками
Родные обычаи	3	Отношения с соотечественниками
Узбеки	3	Этнические группы
Риск депортации или ареста	3	Отношения с правоохранительными органами (Пограничная служба, УФМС, МВД)
Имели ли на родине другой социальный статус	2	–
Совершают правонарушения (мошенничество, обман)	2	Поведение в обществе
Религиозные обряды	2	Отношения с соотечественниками
Кавказцы	2	Этнические группы
Обман, угнетение	2	Отношения с работодателем
Разнорабочие на стройке	2	Какой деятельностью занимаются
Торговля	2	Какой деятельностью занимаются
Живут на стройке	1	Образ жизни
Русские	1	Этнические группы
Семейные обстоятельства	1	Причины миграции
Общежитие	1	Образ жизни
Живут у соотечественников	1	Образ жизни
Совершают преступления	1	Поведение в обществе
Конфликты	1	Отношения с соотечественниками
Дискриминация и конфликты	1	Отношения с местными жителями
КАЗАХИ	1	Этнические группы
Доброжелательные	0	Отношения с работодателем
Без жилья	0	Образ жизни
Бедность	0	Причины миграции
Соблюдают закон	0	Поведение в обществе
Безработица	0	Причины миграции

Так, самой повторяющейся стала группа параметров «Отношения с соотечественниками», где встречались параметры «доверие и взаимопомощь» (5), «родной язык» (4), «родные обычаи» (3). Это означает, что фильм рассказывает о взаимоотношениях мигрантов в чужой стране через сохранение культурной памяти. В фильме показано, что персонажи идентифицируют друг друга и налаживают контакт главным образом через родной язык и поддерживают свою культуру через религиозные обряды (намаз), ношение религиозной атрибутики. Самый упоминаемый этнос – узбеки – на данный момент выступает главным источником иммигрантов в России. Риск депортации или ареста – самый негативный параметр, поскольку персонажи – нелегалы-

ные мигранты, которые не имеют разрешения на работу, и лишены каких-либо прав и гарантий. Также упоминаются персонажи, которые имели другой социальный статус – образование (музыкант, дизайнер), должности, работу, и были вынуждены уехать в другую страну на заработки. Сравнительно меньше повторяются негативные параметры, такие как «совершение правонарушений (обман, мошенничество)» (2), «совершение преступлений» (1), «обман, угнетение» (2), «дискриминация и конфликты» (1). Однако видно, что в фильме ясно показаны важные проблемы угнетения, дискриминации, бесправия рабочих мигрантов. Также показаны моменты условий проживания мигрантов: в общежитии – 1, на стройке – 1, с соотечественниками – 1. Остальные параметры со значением «0» в фильме не упоминались.

Выводы. На основании результатов контент-анализа фильма А. Новикова-Янгинова «Звезды» (2018) были получены данные об этническом составе современных мигрантов, изменении их социального статуса как причине миграции, основной деятельности – низкоквалифицированном труде и торговле, об ущемлении прав на рабочем месте, отсутствии нормальных условий проживания, о риске депортации, предвзятом отношении и дискриминации со стороны местных. В то же время наблюдается общность, гостеприимство, стремление к взаимопомощи и поддержке, тенденция к сохранению собственной культуры, главным образом, через язык и религию. В фильме показан реалистичный образ мигрантов, демонстрирующий их настоящие проблемы, без попыток высмеивания и стереотипизации образа. Преобладание позитивных параметров в фильме показывает стремление вызвать сочувствие у зрителя, обратив его внимание на людей, а не набор штампов. Таким образом, фильм А. Новикова-Янгинова «Звезды» выполняет задачу развития межкультурных отношений и позитивного отношения к мигрантам.

Библиографические ссылки

1. Варганова О. Ф. Образ трудового мигранта в СМИ (по результатам контент-анализа) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3 (13). С. 184–186.
2. Васильева Т. В. Язык как регулятор ценностного отношения к мигрантам в пространстве межкультурного диалога // Материалы круглого стола Ценности и коммуникация. Дни философии в Санкт-Петербурге. СПб., 2011. С. 121–128.
3. Аблажей Н. Н. Образ трудового мигранта в прессе и массовом сознании россиян // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 6. С. 17–23.
4. Гегер А.Э., Чупахина Ю. А., Гегер С. А. Компьютерные программы для анализа качественных и смешанных данных // Петербургская социология сегодня. 2015. № 6. С. 374–383.

5. Сертакова Е. А., Авдоница Е. Ю. Вынужденная миграция и ее отражение в кинематографическом искусстве // Социодинамика. 2016. № 2. С. 106–116.
6. Salem. American orientalism: How the media define what average Americans know about Islam and Muslims in the USA // International Journal of Humanities and Cultural Studies. 201. Vol. 2, № 3. 17 p.
7. Touzani M., Hirschman E. C. Islam and ideology at the movies: Prototypes, stereotypes, and the political economy // Recherche et Applications en Marketing (English Edition). 2018. Vol. 34, № 2. P. 5–23.
8. Ramji. From navy seals to the siege: Getting to know the Muslim terrorist, Hollywood style // Journal of Religion & Film. 2016. Vol. 9, № 2. 40 p.
9. Kholmanskikh. Difference in media representation of immigrants and immigration in France and Russia // Submitted to Central European University Department of International Relations and European Studies. In partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Arts Supervisor: Prof. Marina Popescu Budapest, 2015. 53 p.
10. Копцева Н. П. Теория культуры : учеб. пособие. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. 152 с.
11. ATLAS.ti – Qualitative Data Analysis. URL: <https://www.youtube.com/user/ATLASti01>.
12. Куркин В. В. Контент-анализ художественных текстов // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 60–66.
13. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер ; пер. с англ. Харьков : Изд-во «Гуманитарный Центр», 2009. 356 с.
14. Ньюман Л. Неопросные методы исследования // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 119–129.
15. Пашинян И. А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. 2012. № 3. С. 13–18.
16. Скребцова Т. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 116–118.
17. Таршис Е. Я. Перспективы развития метода контент-анализа // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2002. № 15. С. 71–92.
18. Федотова Л. Н. Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации. М. : Ин-т социологии РАН, 2001. 202 с.
19. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М. : Добросвет, 1999. 596 с.
20. Krippendorff K. Content analysis. An Introduction to its Methodology. Beverly Hills, 1980. 441 p.
21. Lasswell. Power and personality. NY. 1948. 262 p.
22. Philipp. Qualitative Inhaltsanalyse: Grundlagen und Techniken, Weinheim, 1994. 135 p.
23. Rossolatos. Conducting Multimodal Rhetorical Analysis of TV Ads with Atlas.ti 7 // Multimodal Communication. 2014. № 3. P. 51–84.

СЕКЦИЯ 3

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

УДК 378.147.018.556-044.332:303.447.35

Е. А. Жирнова

Кандидат философских наук, доцент, Сибирский государственный аэрокосмический университет науки и технологий имени М. Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ

Исследованы вопросы социокультурной адаптации иностранных студентов. Обосновано применение проектного обучения. Рассмотрен пример применения проектного обучения для формирования профессиональных, коммуникативных и командно-ролевых компетенций. Выявлены факторы успешной адаптации иностранных студентов на основе проектного обучения.

Ключевые слова: компетенции, проектное обучение, социокультурная адаптация.

E. A. Zhirnova

Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia

SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS BASED ON THE PROJECT-BASED LEARNING METHOD

The questions of socio-cultural adaptation of foreign students are investigated. The application of project training is justified. An example of the application of project training for the formation of professional, communicative and team-role competencies is considered. The factors of successful adaptation of foreign students on the basis of project training are identified.

Keywords: competencies, project training, sociocultural adaptation.

Современный этап развития общества и научно-технического прогресса предъявляет новые требования к качеству подготовки студентов высших учебных заведений, которые включают формирование не только профессиональных знаний и навыков (hard-skill), но и надпрофессиональных, социально-психологических компетенций soft-skills. Необходимость формирования надпрофессиональных навыков обуславливает актуальность применения интерактивных методов обучения, способствующих развитию коммуникатив-

ных и лидерских качеств студента, его предпринимательских умений, способностей к самообучению и самоорганизации.

Для иностранных студентов процесс обучения неразрывно связан с социокультурной адаптацией, включающей развитие навыков в области коммуникативного общения, взаимодействия в образовательной среде вуза и профессиональном пространстве, формирование новых качеств личности, приобретение новых ценностей, необходимых для интеграции в общество, осмысление значимости будущей профессиональной деятельности. Адаптация иностранных студентов к образовательной среде требует применения системного и компетентного подходов, возможно только при активном и согласованном участии руководства вуза, студентов и преподавателей.

Можно выделить учебно-познавательные, социокультурные и психофизические барьеры, препятствующие успешной адаптации иностранных студентов [1].

Эффективный интерактивный метод обучения, направленный на развитие личности студента, его способности самостоятельно ставить и находить решения новых, нестандартных жизненных проблем – это проектное обучение.

Анализ компетенций, формируемых в ходе проектного обучения, показывает, что данный метод создает условия, при которых учащиеся приобретают:

- 1) профессиональные компетенции, позволяющие обеспечить высокое качество работ в рамках профессиональной деятельности;
- 2) коммуникативные компетенции в процессе проектирования и публичной защиты проекта, позволяющие обеспечить эффективное протекание процессов взаимодействия и благоприятный морально-психологический климат на будущей работе, а также адаптацию к профессиональной деятельности;
- 3) командно-ролевые компетенции, работая в команде и при выполнении в ходе проектирования определенных роли, что, несомненно, пригодится в будущей профессиональной деятельности [2].

На кафедре технического регулирования и метрологии СибГУ успешно применяют проектный метод в ходе обучения по дисциплине «Системы качества» для студентов специальности 27.03.01 «Стандартизация и метрология». Умение разрабатывать документацию системы менеджмента качества (СМК) является одной из ключевых компетенций специалистов данного профиля.

Рассмотрим применение проектного обучения на примере разработки руководства по качеству Ресурсного центра СибГУ «Космические аппараты и системы» (РЦ «КАС»). Разработка руководства по качеству включает раз-

работку обязательных документированных процедур СМК, а также ряда операционных и поддерживающих бизнес-процессов. Последовательность работ приведена на рис. 1. На этапе выдачи заданий основное внимание следует уделить практической значимости задания. В проектном методе обучения проект рассматривается как результат для внедрения в практику, полученный в процессе индивидуального или группового решения практически значимой в профессиональном плане проблемы. Результаты проектирования должны иметь конкретный результат, готовый к внедрению, должны быть потенциально востребованы той организацией, в которой проект выполняется.

Рис. 1. Последовательность работ по реализации проектного обучения

Руководство в рамках проектирования осуществляет научный руководитель из числа преподавателей кафедры технического регулирования и метрологии совместно с сотрудниками РЦ «КАС». Научный руководитель координирует все разрабатываемые проекты, непрерывно контролируя ход их выполнения. Студенты консультируются со специалистами РЦ «КАС» как в начале работы над заданием и по завершении его выполнения, так и в процессе всей работы над проектом, что обеспечивает высокую актуальность разработанных проектов для организации.

При реализации проектного обучения необходимо применение процессного и системного подходов: процессный подход к менеджменту качества предполагает идентификацию взаимосвязей между ключевыми видами деятельности организации, а системный подход обеспечивает наличие структурированных подходов, гармонизирующих и интегрирующих процессы [3; 4].

Участие иностранных студентов в выполнении проекта способствует преодолению учебно-познавательных, социокультурных и психофизических барьеров, повышению качества подготовки студента (рис. 2).

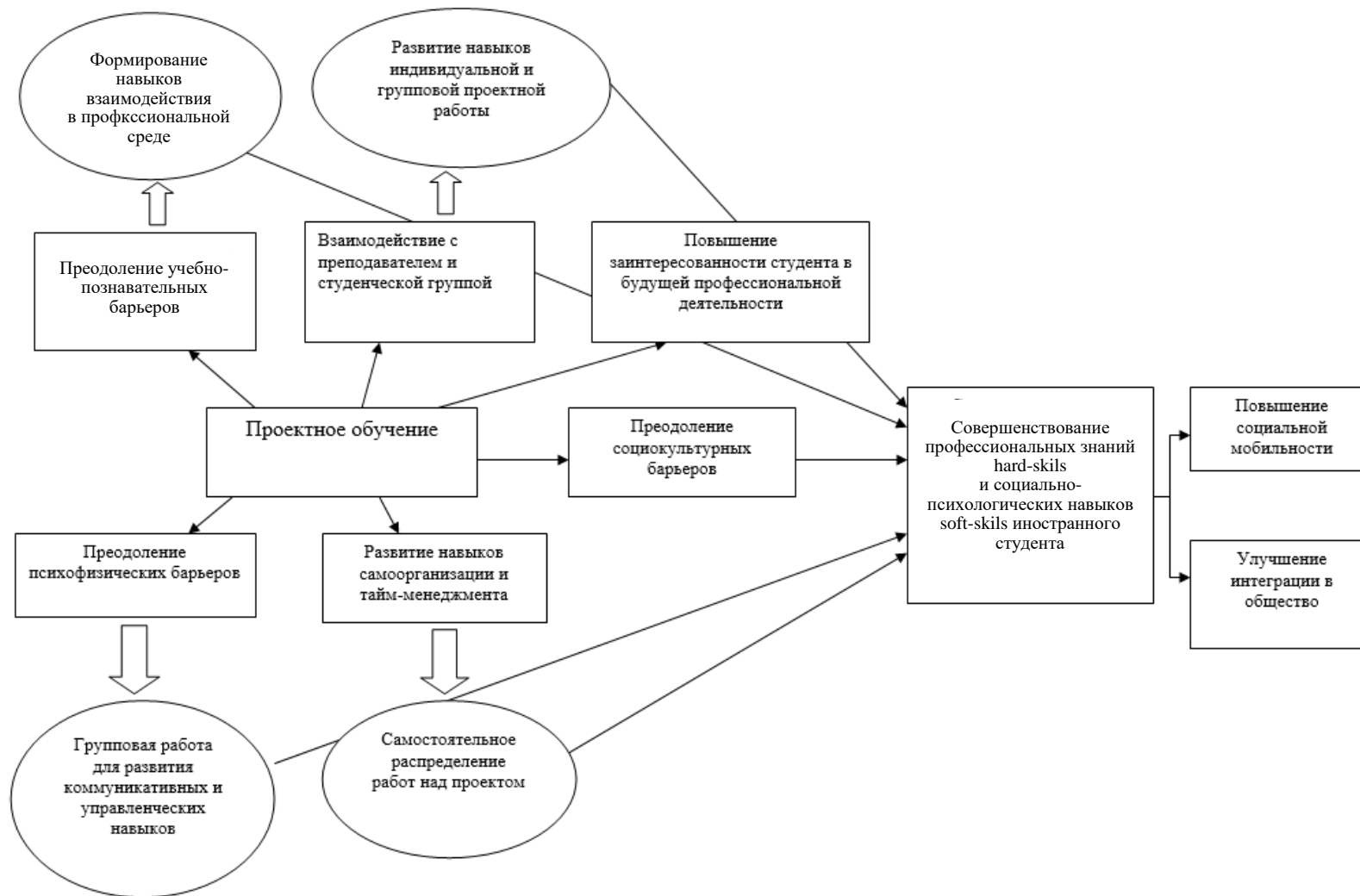

Рис. 2. Социокультурная адаптация иностранных студентов на основе проектного обучения

Резюмируя обозначенный опыт применения проектного обучения, следует отметить ключевые компоненты успешной адаптации иностранных студентов на основе проектного обучения:

1. Связь с реальными, жизненными проблемами, практическая значимость проектов, а также их соответствие профилю подготовки специалистов. Проекты должны способствовать развитию профессиональных компетенций студентов, повышению качества их подготовки в вузе. Именно значимость проектов способствует развитию у студента навыков системного, креативного и структурного мышления.

2. Самостоятельная работа студентов под руководством преподавателя и специалистов организации, в которой проект внедряется. Эта компонента призвана повысить эффективность принятия решений и инициативность студентов, способность их к самостоятельному освоению и использованию материала в течение всего процесса выполнения проекта, начиная от выбора темы, постановки целей и задач, процесса работы и заканчивая представлением проектов ведущим специалистам организации. Только в этом случае можно говорить о целенаправленном формировании soft-skills проектного мышления.

3. Групповая работа для развития коммуникативных компетенций у студентов посредством их общения и сотрудничества друг с другом, развития личностной рефлексии, нахождения путей взаимопонимания, а также осознания проблем при командной работе, развитие способности разрешать возникающие конфликты. Так формируются коммуникативные навыки и базовые управленческие навыки.

4. Установление самостоятельного графика выполнения работ. Регламентируется дата начала и окончания выполнения работ (один учебный семестр), однако время работы над проектом студенты распределяют самостоятельно (под контролем научного руководителя). Подобный подход способствует развитию самоорганизации, тайм-менеджмента, планирования и распределения своих ресурсов.

5. Заинтересованность в выполнении проекта самих студентов, преподавателей кафедры и сотрудников организации для наиболее эффективного осуществления проектной деятельности. Инициативный творческий подход к процессу и нацеленность на результат невозможна без положительной мотивации всех участников проекта.

Таким образом, успешность социокультурной адаптации обеспечивается за счет активного включения обучающихся как в процесс самостоятельно-

го приобретения знаний, так и их непосредственного использования. Проектное обучение имеет большой образовательный, коммуникационно-развивающий и социально ориентированный потенциал, потому что, обеспечивая максимальную активность студентов в учебном процессе, способствует формированию у студентов как профессиональных знаний и навыков hard-skill, так и надпрофессиональных soft-skills. При регулярном применении проектных методов обучения, планомерно, на протяжении всего обучения, у студентов наряду с профессиональными компетенциями формируются надпрофессиональные компетенции, связанные коммуникативными, лидерскими качествами, способностями к инновационному мышлению, самоорганизации и саморазвитию. Проектный метод обучения помогает стать будущим выпускникам активными, компетентными и конкурентоспособными на рынке труда.

Библиографические ссылки

1. Жирнова Е. А. Проблемы адаптации иностранных студентов к образовательной среде // VI Междунар. науч.-практ. конф. «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы». 28–30 ноября 2016 г. С. 176–179.
2. Жирнова Е. А., Римаренко О. В. Повышение качества подготовки специалистов путем совершенствования организации самостоятельной учебной работы студентов // Междунар. науч.-метод. конф. «Современное образование: технические университеты в модернизации экономики России». 27–28 января 2011 г. Томск : Изд-во ТУСУР, 2011. С. 138–139.
3. Римаренко О. В., Жирнова Е. А. Проектный метод обучения как способ повышения качества образовательной услуги // Инновационная интегрированная система профессионального образования: проблемы и пути развития : материалы Всерос. науч.-метод. конф. (4 февраля 2011г. , Красноярск). Красноярск : СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2011. С. 68–70.
4. Жирнова Е. А. Методы всеобщего управления качеством в образовательном процессе // Вестн. СибГТУ. Декабрь 2015. С. 21–25.

УДК 316.733:314.74(571.53)

В. И. Семенова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры бурятской филологии,
Институт филологии, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА ИРКУТСКА И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ

В постсоветское время заметно изменилось ономастическое пространство Иркутска. В первую очередь изменения обнаруживаются в той его части, которая связана с собственными именами различных предприятий сферы общественного сервиса, – в эргонимии. Переход российской экономики на рыночные отношения вызвал появление массы новых коммерческих предприятий. Пространство города заполняется объектами, имеющими социальную значимость: организациями и учреждениями, промышленными и торговыми предприятиями, предприятиями сферы обслуживания, которые получают собственные названия. На процесс развития эргонимии серьезное влияние оказывает международная миграция населения. Большинство мигрантов работают в сфере услуг и часто своим предприятиям дают названия, связанные с их родиной или отражающие национальную специфику. В лингвокультурном пространстве города появляется все больше названий, имеющих этническую окраску. Эти названия входят в систему городских пространственных координат, значительно изменяя состав эргонимов. Целью нашего исследования являлось выявление качественных изменений в структуре эргонимии города. Для этого было проведено пилотажное исследование собственных имен в сфере общественного сервиса Иркутска. Сбор материала производился путем наблюдений и записей в городских районах, выписок из каталога справочника 2ГИС и опроса номинаторов. В работе использованы описательный и семантический методы, а также метод подсчета. Анализ собственных имен предприятий сферы обслуживания Иркутска показал, что при большинстве русскоязычных названий (87,5 %) заметно увеличилось число иноязычных эргонимов города (12,5 %). Таким образом, можно сделать заключение, что миграционные процессы способны вызывать в принимающих регионах изменения лингвокультурологического характера.

Ключевые слова: ономастическое пространство, международная миграция, инновации в эргонимии.

V. I. Semenova

PhD, Associate Professor of Philology, Chair of Buryat Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

THE ONOMASTIC SPACE OF IRKUTSK AND INTERNATIONAL MIGRATION

In the post-Soviet era, the onomastic space of Irkutsk noticeably changed. First, changes are found in the part that is associated with the proper names of various enterprises in the public service sector – in ergonymy. The transition of the Russian economy to market relations caused the emergence of many new commercial enterprises. The space of the city is filled with objects of social significance: organizations and institutions, industrial and commercial enterprises, service enterprises, which receive their own names. The process of ergonymy development is seriously affected by international population migration. Most migrants work in the service sector and often give their enterprises names associated with their homeland or reflecting national peculiarities. In the linguistic and cultural space of the city, more and more ethnic names appear. These names are included in the system of urban spatial coordinates, significantly changing the composition of ergonyms. The aim of our study was to identify qualitative changes in the structure of ergonymy of the city. For this, a pilot study of the proper names in the public service of Irkutsk was carried out. The collection of materials was done through observations and records in urban areas, extracts from the catalog of the 2GIS directory and a survey of nominators. The paper uses the descriptive and semantic methods, as well as the counting method. The analysis of the proper names of enterprises in the service sector of Irkutsk showed that with the vast majority of Russian-speaking names (87,5 %), the number of foreign-language ergonyms of the city has markedly increased (12,5 %). Thus, we can conclude that migration processes can cause changes in the linguocultural character in the host regions.

Keywords: *onomastic space, international migration, innovations in ergonymy.*

Введение. Миграционные процессы способны вызывать в принимающих регионах изменения лингвокультурологического характера. Известно, что социальные процессы, происходящие в обществе, быстрее всего отражаются именно в сфере собственных имен. В имени всегда, прямо или косвенно, проявляются социальные изменения. Этим и обусловлена актуальность рассматриваемой проблемы. В первую очередь изменения обнаруживаются в ономастическом пространстве, а именно в той его части, которая связана с собственными именами различных торговых предприятий, предприятий общественного питания и вообще названий в сфере различного сервиса.

Иркутская область, как и вся Восточная Сибирь, издавна была полиэтнической территорией. Это пространство многовекового контактирования па-

леоазиатских, монгольских, тюркских, финно-угорских и славянских народов. Коренные народы: буряты, эвенки, тофалары – уже четыре столетия проживают в постоянном взаимодействии с русским народом. В разное время и по различным социально-экономическим, политическим причинам сюда приезжали и оседали представители самых различных национальностей: украинцы, белорусы, татары, немцы, поляки, литовцы, мордва, чувашаи и др. Но в советское время национальных названий предприятий насчитывалось единицы.

В постсоветскую эпоху значительно увеличился приток трудовых мигрантов из Средней Азии и Закавказья. Кроме того, трансграничное географическое положение Иркутской области способствует росту приезжих из стран Юго-Восточной Азии. Большое количество граждан Монголии, Китая, Кореи и Японии развивают здесь торгово-промышленный и туристический бизнес. Все это привело к заметным изменениям в ономастическом пространстве региона, в частности, в составе наименований различных предприятий и учреждений – эргонимии.

Теория. Значительную часть лингвокультурологического пространства населенных пунктов составляют названия предприятий и учреждений различного профиля: производственных, торговых, бытового обслуживания, лечебных, учебных, научных, культурно-просветительских, развлекательных, спортивных и т. п. Этот разряд собственных имен принято называть эргонимами, а их совокупность – эргонимией [1, с. 151]. Несмотря на то, что эти лексические единицы относятся к периферии ономастического пространства, они составляют отдельный разряд онимии и характеризуются рядом особенностей. Эргонимы являются результатом искусственной номинации, а искусственная номинация неизбежно «связана с творческим началом языковой личности, включенной в конкретный исторический и социальный континуум, приобщенной к общему языковому сознанию, к знаниям и представлениям своей эпохи, переплавляющей в личном опыте объективно заданное с субъективно значимым» [2, с. 3]. Эргонимы представляют собой уникальный тип онимов, являющихся одной из составляющих рекламной деятельности того или иного предприятия, фирмы. Следовательно, эргонимы обладают рекламной функцией. Поскольку реклама всегда является речевой коммуникацией, то эргонимы также можно признать одним из видов речевой коммуникации, опосредованно осуществляемой между владельцем предприятия (номинатором) и потенциальным клиентом (реципиентом).

Данные и методы. В советскую эпоху собственные названия имели рестораны и кафе, промтоварные магазины в крупных городах; остальные тор-

говые предприятия, как правило, назывались по видам товаров: «Продукты», «Хлеб», «Молоко», «Аптека». В сельских населенных пунктах часто – просто «Магазин». В Иркутской области подавляющее количество эргонимов было на русском языке; даже в поселке Усть-Ордынском, центре бурятского национального округа, было только одно название – кинотеатр «Эрдэм» – от бур. *эрдэм* ‘наука’. В самом областном центре тоже был кинотеатр, называвшийся «Баргузин» – от широко известного в Прибайкалье названия одного из байкальских ветров; которое, в свою очередь, происходит от бурятского топонима Баргажан ‘земля баргутов’ [3, с. 110].

В постсоветское время в результате изменений социально-экономических условий область эргонимии переживает состояние «национального взрыва» [4]. Переход российской экономики на рыночные отношения вызвал появление массы новых коммерческих предприятий. Пространство города заполняется объектами, имеющими социальную значимость: организациями и учреждениями, промышленными и торговыми предприятиями, предприятиями сферы обслуживания, которые получают собственные названия. Разумеется, большинство предприятий имеют русскоязычные названия, но заметно больше стало бурятских эргонимов, которых раньше практически не было. На процесс развития эргонимии серьезное влияние оказывает международная миграция населения. Большинство мигрантов работают в сфере услуг и зачастую своим предприятиям дают названия, так или иначе отражающие национальную специфику. В лингвокультурном пространстве города появляется все больше названий, имеющих этническую окраску. Эти названия входят в систему городских пространственных координат, значительно расширяя качественный состав эргонимов.

Нами было проведено пилотажное исследование эргонимов в сфере общественного обслуживания города Иркутска, нацеленное на выявление особенностей их семантики. Сбор материала производился путем наблюдений и записей в городских районах, выписок из каталога справочника 2ГИС и опроса номинаторов.

Полученные результаты. Большинство эргонимов города русскоязычные названия – 647 (87,5 %) из 739; иноязычные – 69 (9,3 %), бурятские – 23 (3,2 %).

В отличие от всех остальных типов собственных имен, эргонимы прежде всего предназначены для выполнения аттрактивной функции. Их задача

заключается в том, чтобы позволить отличить конкретный объект от конкурирующих и сделать его привлекательным для потенциального покупателя. Для этого используются, в частности, экзотизмы. Признаками экзотической лексики являются отнесенность к уникальным национальным реалиям, отсутствие синонимов в принимающем языке, высокая степень обусловленности национальной культурой. Экзотизмы, как правило, грамматически и фонетически осваиваются принимающим языком и передаются средствами русской графики, сохраняя при этом национальные языковые черты и обозначая не имеющие аналогов в принимающем языке явления: «*Васаби*» и «*Кабуки*» – японские рестораны, продуктовый магазин «*Халяль*». Создавая эргонимы, в основе которых лежит экзотическая лексика, номинаторы преследуют цель выделения наименования за счет оригинальности, необычности, экзотичности на фоне других наименований.

Чаще всего эргонимы, включающие экзотизмы, создаются для коммерческих объектов, так или иначе по роду деятельности связанных с реалиями нерусской действительности, для передачи специфического национального колорита. Экзотизмы могут быть образованы как от других онимов путем трансонимизации (например, от личных имен и топонимов), так и от нарицательных слов, т. е. путем онимизации.

Эргонимы, образованные путем онимизации	Эргонимы, образованные путем трансонимизации	
	от топонимов	от личных имен
Пекарня « <i>Тандыр</i> »	Шашлычная « <i>Арарат</i> »	Кафе « <i>У Амаяка</i> »
Кафе « <i>Чайхана</i> »	Ресторан « <i>Сеул</i> »	Кафе « <i>Алишер</i> »
Кафе-бар « <i>Юрта</i> »	Гостиница « <i>Алания</i> »	Кафе « <i>У Тиграна</i> »
Кафе « <i>Тамир</i> »	Закусочная « <i>Бухара</i> »	Позная « <i>Алтана</i> »
Кафе « <i>Чак-Чак</i> »	Кафе « <i>Ашиерон</i> »	Магазин « <i>Назира</i> »
Кафе « <i>Нухэр</i> »	Магазин « <i>Гоби</i> »	Магазин « <i>Анаит</i> »
Кафе « <i>Дангина</i> »	Кафе « <i>Курумкан</i> »	Сауна « <i>Дилором</i> »

Трансонимизации подвергаются чаще топонимы. Поскольку они называют определенный географический регион или объект, то почти сразу информируют людей об особенностях того или иного предприятия, заведения. Практически все виды топонимов могут переходить в разряд эргонимов – и названия континентов, стран, городов, гор, рек: ресторан «*Азия*», кафе «*Иверия*», ресторан «*Пекин*», кафе «*Арарат*», кафе «*Аракс*» и др. В разряд эргонимов переходят и личные имена. Причем, если довольно часто в названиях учреждений сферы обслуживания встречаются женские имена из русской или

западно-европейской антропонимии (*Виктория, Эллада, Лаура, Ольга, Лена* и т. д.), то женские имена из стран Средней Азии и Кавказа встречаются гораздо реже. Например: *Анаит, Шушан, Назира, Дилором*. И, напротив, мужские имена русской и западно-европейской антропонимии встречаются реже: магазин *«Александр»*. Мужские же имена восточного происхождения в качестве эргонимов используются чаще: *«Ашот», «Алишер», «У Амаяка», «У Байлара», «Дядя Баир»*. Встречаются эргонимы, образованные от имен исторических личностей: кафе *«Омар Хайям»*, ресторан *«Мамай»*. Нами отмечены случаи перехода в эргоним поэтонима – имени литературного героя: ресторан *«Михаил Строгов»*, кафе *«Али Баба»*.

Онимизируются, т. е. переходят в разряд собственных имен нарицательные, слова разных лексико-семантических групп. Рассмотрим примеры.

1. Слова со значением 'человек':

- термины родства: *«Дядюшка Фуго»* – китайский ресторан, *«Дядя Баир»* – кафе бурятской кухни. Как правило, личные имена в составе эргонимов имеют вполне определенную национальную соотнесенность;
- титулы, ранги и другие обозначения человека: заведения бурятской кухни *«Сытый хан», «Наран Хаан»* – от бур. наран 'солнце' + 'хан, правитель', *«Баян хан»* – бур. 'богатый хан'; *«Генацвале», «Нухэр»* – груз., бур. 'друг', *«Дангина»* – бур. 'красавица'; *«Айлишан»* – бур. 'гость';
- названия национальностей: сауна *«Чистый грек»*, кафе *«Армянский домик»*; комплекс (баня, сауна, гостиница, кафе) *«Баргут»* кафе *«Метис бузэтная»*.

2. Названия растений и животных: кафе *«Ургы»* – бур. 'подснежник'; семейное кафе грузинской кухни *«Виноград»*, кафе *«Вкус мяты»*, кафе *«Арса»* – бур. 'можжевельник', пашлычная *«Два барашка»*; *«Алтан луу»* – бур. 'золотой дракон'; кафе-бар *«Веселый кабан»*.

3. Названия жилищ и построек, которые тоже имеют этническую соотнесенность: *«Юрта», «Юрта Нукера», «Армянский домик», «Шашлычный двор», «Ок-Сарой», «Улус»*.

4. Названия различных предметов: кафе *«Шэдитэ ханза»* – бур. 'волшебный сундук'; кафе *«Дали»* – бур. 'крылья', ресторан *«Золотые палочки»*.

5. Гастрономические названия: кафе *Урмэ* – бур. 'молочная пенка', кафе *«Бууза»* – бур. 'позы; тесто, начиненное мясом, сваренное на пару', кафе *«Лагман»*, ресторан *«Чучвара»* – 'блюдо среднеазиатской и кавказской кухни в виде супа с пельменями'.

6. Общественные термины: «*Хурал*» – бур. ‘собрание, съезд, форум’.

Каким бы путем эргонимы-экзотизмы не были образованы, они должны быть в определенной степени известны в русскоязычной среде. К примеру, название «*Нихао*», образованное от китайского приветствия.

Выбор наименования для того или иного экономического объекта не является спонтанным, однако прямую связь с понятием, лежащим в основе, не всегда можно выявить. Прозрачная мотивировка прослеживается в эргонимах: «*Хинкальная*», «*Чайхана*», «*Позная*», «*Шашлычный двор*», «*Шашлычный дом*», «*Шашлычок*», магазин «*Белорусская глеба*», магазин восточных сладостей «*Рахат-лукум*», ювелирный магазин «*Шэнэ ювелир*». Вид деятельности предприятий с подобными мотивированными названиями понятен.

Есть эргонимы, мотивировка которых не столь прозрачна, а более опосредованно указывает на род и особенности деятельности заведения, например, название кафе бурятской кухни «*Вкус Ольхона*», кафе «*Дары Якутии*», ресторан «*Золотые палочки*». Очевидно, в первом кафе подаются блюда из байкальской рыбы, во втором, возможно, строганина, ну а третьем посетителям предлагается китайская или корейская кухня. Сюда же можно отнести эргоним «*Чистый грек*» – название сауны, владелец которой по национальности грек.

Немотивированных наименований гораздо больше, чем мотивированных, потому что большинство иноязычных слов непонятны горожанам. Поэтому часто название заведения сопровождается терминами уточняющего характера: «*Тайский салон “Вай Тай” (хаммам, спа)*», «*Кафе-пекарня “Благодатный хлеб – Мадлиани пури”*».

Особенно много уточняющих терминов в сфере номинаций объектов общественного питания: ресторан, ресторан-бар, ресторан-кафе-бар, ресторан-бистро, ресторан-столовая, кафе-бар, кафе-ресторан, кафе-бистро, кафе-ресторан, кафе-столовая, кафе-позная, кафе-буузная, кафе-пиццерия, этно-кафе, бар-ресторан, бистро-бар, бистро-халяль, суши-бар, пивной ресторан, позная, чайхана.

В состав эргонимов включаются определения, которые подчеркивают национальный характер кухни: «*Этнокафе бурятской кухни “Шэдитэ ханза”*», «*Чайхана “Ок-Сарой” – кафе узбекской кухни*», «*“Эль Начос” – кафе мексиканской кухни*», «*“Узбекистон” – ресторан узбекской кухни*», «*“Фулинмэн” – китайский ресторан*», «*“Старый Тифлис” – ресторан грузинской кухни*», «*“Париж” – ресторан европейской кухни*» и др.

Что касается структуры эргонимов, то преобладают простые собственные имена, состоящие из одного слова. Таких мы насчитали 494 (66,8 %) названия, составных – 245 (33,1 %). Среди составных эргонимов преобладают двучленные названия: «*Чайный путь*» – кафе бурятской кухни, магазин «*Восточные сладости*», магазин «*Азия Фудс*»; кафе «*Аллея Любви*», кафе восточной кухни «*Али Баба*». Номинаторы создают необычные названия, используя устойчивые словосочетания, и даже детские дразнилки: кафе «*Шуры-Муры*», гастронаб «*Жадина Говядина*».

Реже встречаются трехчленные конструкции: кафе «*Кухня народов СССР*», «*Кафе для хороших людей*», «*Кафе китайской культуры*».

Говоря о частеречной принадлежности слов в эргонимах, нужно отметить следующее. Все существующие сегодня грамматики традиционно противопоставляют имена нарицательные (или нарицательные существительные) именам собственным (или собственным существительным), проводя такое разграничение лишь в классе имен существительных. Существительные, действительно, обладают максимальной способностью быть собственным именем как наиболее номинативные единицы языка. Но онимическая лексика – это отдельные слова и сочетания слов, которые служат для именования индивидуальных объектов. В ее состав могут входить любые части речи в любых формах и любые словосочетания. Становясь именем собственным, словосочетание (в том числе и глагольное) исключается из синтаксических отношений предложения и, независимо от числа входящих в него слов, занимает лишь одно место в предложении. При этом любая часть речи субстантивируется в соответствии с функцией имени собственного, что отражается и на ее синтаксической валентности.

В этом плане имя собственное по диапазону используемых лексем значительно шире класса имен существительных нарицательных. Граница имен собственных и нарицательных проходит не только внутри класса имен существительных (существительные нарицательные – существительные собственные), как считают многие исследователи, но и за пределами этого класса. В. Н. Топоров, описывая древнеиндийскую (палийскую) ономастику и касаясь содержательного плана онимов, отмечает, что «свойство "быть именем собственным" распространяется на весьма широкую область названий предметов и явлений, которые обычно, или весьма часто, в других языках не становятся собственными именами, или становятся ими лишь в особых случаях». И далее автор показывает зависимость ономастической номинации от миро-

воззрения называющих: для буддийского мировоззрения характерна тенденция к превращению в собственное имя «всего, что связано с высшими авторитетами и ценностями в мире буддийских представлений – с Буддой и Каноном в первую очередь». В палийской традиции собственными именами могут стать названия текстов и доктрин, афоризмы, вопросы, ответы, загадки, проповеди (из канонических текстов); титулы и прозвища; болезни и жертвоприношения, подаяния милостыни, чудеса, чары; украшения, камни, кристаллы; оружие, порох; трон; музыкальные инструменты, в частности барабан; утварь; месяцы, дни, праздники, церемонии; названия деревьев и растений; животные (слоны, лошади, олени, шакалы и др.); боги, нимфы, духи, атрибуты мифологических персонажей и их эпитеты [5, с. 33–34, 50].

Таким образом, свойство почти любой части речи быть именем собственным проявляется в языках разных систем по-разному. Кроме того, не все части речи одинаково равно используются во всех секторах ономастического пространства; а те апеллятивные основы, что могут образовывать, к примеру, и антропонимы и топонимы, в разных онимических подсистемах реализуют разные смысловые наполнения. Но основное свойство категории собственных имен – это предметность. И она требует от слов, относящихся к собственным именам, субстантивности. Поэтому при всех способностях различных частей речи быть именем собственным возможностей для этого реально больше у имен существительных. Это в полной мере относится к эргонимам. Мы не нашли отглагольных, отнаречных названий (что встречается в других разрядах онимов). Простые эргонимы, как правило, образованы от существительных. В составных эргонимах встречающиеся имена прилагательные и числительные лишь определяют имя существительное: позная «33 защита», кофейня «7 чашек», кафе-столовая «8 минут», кафе «Шашлычный двор», кафе «Старый Баку» и др.

В названиях в основном используется кириллическая графика, латинская встречается реже. Иногда и графические средства используются для того, чтобы подчеркнуть этническую окраску. Например, имитацией арабской вязи в названии «*Омар Хайям*». Графика также помогает эргонимам выполнять рекламную функцию. Например: «*Dari*» – этнокафе бурятской и монгольской кухни, название которого образовано от женского имени Дари; «*TOONTO*» – от бур. *тоонто* ‘место рождения, родина’; бузная «*Best BUUZA*», «*Kebab Pub*», «*KG Kebab*» – от *кебаб*, наименования популярных в странах Ближнего Востока, Закавказья

и Средней Азии блюд из жареного мяса; ресторан индийской кухни «*Ganga*» – от гидронима *Ганг*; ресторан паназиатской кухни «*CHIN CHIN*».

Встречаются эргонимы-химеры, где часть названия написана на кириллице, а часть – на латинице: бар «*The ГАД*», кафе кавказской кухни «*Шаилык Hous*».

Выводы. Анализ эргонимии города Иркутска показывает, что за последние три десятилетия ономастическое пространство города пополнилось огромным количеством новых наименований, многие из которых появились в связи с миграцией людей из стран ближнего зарубежья, в первую очередь из Закавказья и Средней Азии, а также из стран Юго-Восточной Азии. Значительно увеличилось число эргонимов на языке автохтонного населения – бурят.

В результате этого произошли изменения в лингвокультуре региона. Городскую лингвокультуру можно определить как совокупность топонимических или географических объектов, функционирующих на данной территории, а также как непосредственную языковую деятельность субъектов по номинации и соотнесения наименований различным объектам. Современная лингвокультурная ситуация города Иркутска сложилась в результате взаимодействия совокупности целого ряда языков в их территориальном и социокультурном взаимодействии.

Библиографические ссылки

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988. 187 с.
2. Стародубцева В. В. Номинация внутригородских предприятий и учреждений в современном русском языке (на материале ойкодомонимов г. Ульяновска) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2003. 216 с.
3. Мельхеев М. Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск : ИГУ, 1995. 316 с.
4. Язык города. Наименования магазинов : метод. разработка и практика для студентов филфаков / сост. Т. В. Шмелева. Красноярск, 1989. 20 с.
5. Топоров В. Н. О польской топономастике // Топонимика Востока: исследования и материалы. М. : Наука, 1969. С. 31–50.

УДК 398.8(571.1/5=1-81)

С. В. Березюк

Аспирант по направлению «Культурология (теория и история культуры)»,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

РЕЦЕПЦИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В СОВРЕМЕННОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ*

Рассмотрена общая история музыкального фольклора малочисленных народов Сибири, рассказано об особенностях мелодизма, интонационной и ритмической организации в национальных песнях. На материалах Фонограммархива Санкт-Петербурга проведен музыковедческий анализ традиционных песен, а также сравнительный анализ с современным музыкальным фольклором. Основная тема статьи раскрыта на примере эвенкийского народного творчества. Выявлено следующее: во-первых, мелодика и ритмика главным образом берут свое начало из архаики, во-вторых, песенный тематизм через года не утрачивает своей актуальности. В представленных музыкальных анализах внимание акцентируется на звуковысотно-ладовые и композиционные компоненты эвенкийского эпоса. Одна из поставленных задач в данном исследовании – выработка исходных представлений о жанровом составе эвенкийской музыкальной культуры. Кроме того, для большего понимания языковой специфики и музыки эвенков в целом, в статье рассматривается традиционная терминология, в которой отражены этнические представления о народной музыке, ее обрядовом пласте. Методологическим основанием для написания статьи послужил комплекс идей, сложившийся в культурологии, этнографии, музыковедении и фольклористике.

Ключевые слова: фольклор, малочисленные народы, мелодика, ритмика, интонационное зерно.

S. V. Berezyuk

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

RECEPTION OF MUSICAL FOLKLORE OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA IN MODERN MUSICAL ART

In this article the General history of musical folklore of the small peoples of Siberia is considered, the features of melodism, intonation and rhythmic organization

© Березюк С. В., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90016.
The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90016.

in national songs are narrated. Based on the materials of the phonogram archive of St. Petersburg, a musicological analysis of traditional songs, as well as a comparative analysis of contemporary musical folklore. The main topic of the article is covered by the example of Evenk folk art. In consequence of the analysis of modern song examples, the following was revealed: first, the melody and rhythm mainly originate from the archaic, and secondly, the song thematism does not lose its actuality after a year. In the presented musical analyses, attention is focused on the pitch-scale and compositional components of the Evenki epic. One of the tasks set in this study is to develop initial ideas about the genre composition of the Evenk musical culture. In addition, for a better understanding of the language specifics and music of the Evenks in General, the article considers the traditional terminology, which reflects ethnic ideas about folk music, its ritual layer. The methodological basis for writing the article was a set of ideas developed in cultural studies, Ethnography, musicology and folklore

Keywords: *folklore, small peoples, melody, rhythm, intonation grain.*

Музыкальная культура сегодня – наиболее медиатизированной областью в художественной деятельности. Музыка охватывает не только все сферы жизнедеятельности человека, но и формирует особую культурную, языковую и информационную среду. Музыкальный фольклор малочисленных народов Сибири – социокультурное явление с собственным традиционным укладом. Каждая интонация и слово несет в себе глубочайшее смысловое значение духовно-творческой практики. В традиционной музыкальной культуре малочисленных народов Сибири наблюдается взаимопроникновение, смешение элементов, жанров, стилистических особенностей, которые образуют собственный своеобразный культурологический пласт.

Изучение музыкального творчества Сибири привлекало внимание не одно десятилетие этнографов и профессиональных музыкантов XX–XXI веков. Проблемы музыкального фольклора малочисленных народов описаны в трудах Л. Штернберга, И. Сулова, Г. Василевича, Б. Добровольского, Т. Булгаковой, Ю. Шейкина, Е. Пушкаревой, А. Петрова, Н. Копцевой и др. Редчайшие образцы народной музыки малочисленных народов представлены в работах А. Миддендорфа, И. Сулова, А. Айзенштадта, Е. Гиппиуса.

Музыка является одним из важных аспектов в культуре народа. Песня несет в себе сокровенный смысл, так как связана с жизнью народа во всех ее проявлениях и сопровождает обряды и церемонии (свадебные, похоронные и др.).

Особенное значение в традиционной культуре несет в себе фольклор. Культурологический анализ обнаруживает основные методологические

направления в определении понятия «фольклор»: эстетическое, психологическое, филологическое, этнографическое [1, с. 10–11]. Изучение фольклора можно рассматривать в двух формах: во-первых, собирание памятников «народной словесности», открытие новых жанров. Подобная точка зрения отражена в работах Л. Я. Штенберга, Д. К. Зеленина и др. Во-вторых, это стремление познавать этнос как нечто целое, понять картину традиционной жизни. Опора на этнографию является основной позицией в изучении данного феномена. В отечественной науке подобной позиции придерживались такие ученые, как П. Г. Богатырев, В. Я. Пропп, И. И. Толстой.

Под термином «фольклор» понимается традиционная для этноса духовная культура, отражающая его мировоззрение, сложившаяся в результате многовекового коллективного творчества путем устной коммуникации и проявляющаяся в бесконечной множественности индивидуально-личностных вариантов [2, с. 51]. Кроме того, необходимо говорить о том, что фольклор – это явление полисоциальное и полистадиальное. Функции фольклора раскрывают характерные особенности, отличительные свойства и характерные признаки: устность, коллективность, этническое своеобразие.

В. А. Лапин рассматривал фольклор каждого этноса как «систему локальных традиций». Соотношение фольклора и локальных традиций выразилось следующим образом: фольклор существует только локально, форму общенародного он обретает только при взаимообмене между локальными традициями, а также в результате интеллектуальной обобщающей работы исследователей культуры; фольклор в его аутентичной форме существует как локальная традиция; территориальной единицей выступает местная традиция. При изучении исторического развития локальной традиции и ее описания учитываются такие показатели, как система функционирования традиции, способ и механизм ее осуществления, распространение жанров и сюжетов, а также развитие различных праздников и обрядов [3, с. 16].

Главной особенностью музыкального фольклора Сибири является его неоднородность, определяемая социальными и природными факторами. Жанровый состав русского музыкального фольклора достаточно разнообразен: календарно-земледельческий цикл, песенная лирика, эпос, обрядовые песни.

На формирование фольклора Сибири в целом огромное влияние оказали природно-климатические и хозяйственно-экономические условия. К этим условиям был приспособлен весь быт сибиряков: одежда, жилища, календар-

но-обрядовые праздники и т. п. Таким образом, музыкальная фольклорная традиция сложилась в процессе взаимодействия людей разных национальностей и культурных традиций, вследствие чего формируется музыкальная культура Восточной Сибири, со своей жанровой системой праздничных и бытовых форм общения.

Особый интерес к традиционной музыке малочисленных народов Сибири возник во второй половине XX века. Народы, живя в суровых климатических условиях, смогли не только выжить, но и донести до наших дней самобытные музыкальные культуры.

Красноярский край славится богатейшими природными ресурсами, а главное, здесь проживает множество этносов: эвенки, кеты, долганы, нганасаны, чулымцы, юги, энцы, ненцы, селькупы.

В данной статье мы рассматриваем фольклор малочисленных народов Сибири на примере эвенкийской народной песни. Само происхождение эвенкийского народа до сих пор является до конца неразрешенным вопросом сибирской этнографии. Изучение эвенкийской культуры начинается с 20-х годов XX века, а музыкальная культура эвенкийского народа является предметом специального рассмотрения, так как представлена ограниченным количеством факторологических данных.

Музыкальная культура эвенков являет собой не просто совокупность отдельных жанровых образований, а развернутую разноуровневую сложноорганизованную систему. В обрядовом фольклоре выстраивается целый комплекс: обряды жизненного цикла (родильные, свадебные, похоронные), ритуалы, шаманские обряды, медвежий праздник.

Одно из главных мест в традиционной духовной культуре эвенков принадлежит эпическому фольклору. Так, исследователи выделяют в нем две крупные сферы: *нимкан* – космологические, тотемические мифы, сказочно-мифологический эпос и *тэлэнг* – бытовые рассказы, легенды и исторические предания.

Эпические жанры имеют очень большое значение в эвенкийской традиционной культуре, так как это, прежде всего, историческая память этноса, передача нравственной и духовной культуры.

Эвенкийская лирическая песенная жанровая традиция определяется термином «икэ», что переводится как «песня, напев, мотив». Необходимо отметить еще один национальный термин «ог», «огэн» – мелодия. Если в эпических жанрах воспроизведением занимаются сказители, то в лирических пес-

нях высказывается каждый человек, желающий поделиться своими воспоминаниями о памятных событиях своей жизни (первой любви, женитьбе, поездках и т. п.). Как правило, поющие размышляют о своей судьбе, о чем-то наболевшим, тревожащим его в данный момент времени. Каких-либо возрастных ограничений в исполнении «икэ» в основном не имеется. Лирические песни поются как молодыми юношами и девушками, так и зрелыми мужчинами и женщинами, а также людьми преклонного возраста. Однако подобные песни не поются детьми, так как для их исполнения нужен какой-то свой жизненный опыт.

Важнейшей сферой лирической песенности среди ряда народов Сибири являются личные песни. Как правило, личный напев сочиняется человеком во взрослом состоянии в какой-либо из периодов его жизни и сопровождает его на всем ее протяжении, становясь неким знаком, символом его индивидуального исполнительского стиля и своего рода личности в целом. Так, в своем исследовании В. В. Сенкевич-Гудкова говорит о том, что «Иногда один из членов семьи сочинял песню-импровизацию только для себя, не доверяя ее даже родным» [3, с. 55].

Примером может служить текст следующей песни, исполняемой преимущественно только женщинами (расшифровка С. Широкогорова, 1913 год) [4, с. 12]:

*Гуси-то пролетали
Утки проплывали
Дорогая Эконда, золотая вода,
Хороша Эконды моей вода
Богата Эконды моей вода
Весло мое с изгибом утиной ножки.*

Текст песен-импровизаций представляет собой внутреннюю речь певца, его мысли и чувства, как правило, выраженные в краткой форме, нередко понятные только ему одному. В течении всей жизни «икэ» подвергается многократному вариантному интонированию. Мелодия в дальнейшем может исполняться в разном тоне – выше, ниже; в разных темпах – быстрее, медленнее; также может в дальнейшем ритмически варьироваться.

В качестве примера можно привести фрагмент эвенкийской песни «От изгороди до изгороди» (Курела Курингэллэ), исполнитель песни – Хромов Афанасий Вячеславович (1932 год). Содержание песни: «*От твоей изгороди, к моей изгороди олени ходят. Они твои или мои – все рано*»

[5, с. 37]. В связи с тем, что вся жизнь эвенков связана с оленеводством, в народном эпосе огромное количество различных песен, сказок, загадок, связанных с этим животным.

Рассматривая архаичную мелодику эвенкийских народных песен, можно заметить некоторую закономерность: во-первых, звуковой масштаб песен не широкий, песни исполняются в диапазоне терции, кварты, квинты, в редких случаях сексты. Основным мелодическим зерном служит интонация восходящей кварты (возгласная интонация), так как жизнь эвенков в основном связана с промыслом, охотой, оленеводством. Также, если говорить о ладовой системе эвенкийского песенного фольклора, то можно охарактеризовать ее как «олигохазматоника». Такое определение дал Ю. И. Шейкин: «Олигохазматоника – синтезирующий этап в развитии лада в песенных мелодиях. На данном этапе происходит тоново-интервальная индивидуализация мелодии, которая порождает множество звукорядов» [6, с. 118]; во-вторых, в большинстве случаев в песенных образцах преобладает синкопа, а ритмическое движение в мелодии осуществляется более мелкими длительностями (в основном восьмые, шестнадцатые и тридцать вторые длительности), благодаря чему возникает ощущение быстрого темпа.

Специфика традиционной музыкальной культуры эвенков обусловлена хозяйственной деятельностью и семейно-бытовой жизнью. В связи с этим во многих песнях можно уловить интонации звукоподражания голосам зверей, птиц, сигнальные интонации, необходимые для управления домашними животными. Ю. И. Шейкин подразделяет звукоподражание на два типа: натуралистический – звучание максимально приближено к звучанию голоса определенного животного, и символический, где не ставится главной целью точное повторение [7, с. 235–247]. Последний тип звукоподражания – это своеобразные «звуковые портреты» птиц, животных, а также природных явлений. Как правило, поющий пытается максимально приблизить звучание своего голоса к изображаемому объекту. Так, например, оленевод очень часто зовет оленя, звукоподражая ему. Главным организующим элементом в подобном звучании является слово, от него и идет ритмическая организация. В подобных примерах как таковой мелодии нет, на повторяющемся тоне с прерывистыми паузами исполнитель издает хрипящий звук, чем подражает звучанию оленя [5, с. 27].

Звукоподражание голосам птиц и зверей несет в себе сакральный смысл, так как активно используются в ритуальной практике.

Кроме того, элементы звукоподражания имеют место в эпических сказаниях – запевно-припевные слова, а также выполняют изобразительную функцию для музыкально-поэтических характеристик зооморфных героев сказаний. Также звукоподражательное интонирование находит свое применение в лирических импровизациях, описывающие природные явления и посвященных тому птиц и зверей. В зависимости от общего контекста подобные вставки могут реализовываться по-разному: иметь чисто имитационный характер, если данное употребление связано с промысловой деятельностью, может приобретать вербальную форму, если включена в речевое повествование, либо и вовсе мелодизироваться, если речь идет о песне.

Очень много тем песен в эвенкийском фольклоре связаны с политикой, в частности в них поется о вождях – Ленине и Сталине. Так, в качестве примера можно привести текст песни-импровизации, записанной от Н. Трофимова (1937), перевод Г. Василевич [4, с. 57]:

*По силе разума призванный
Наш, говорю, товарищ
Сталин, храбрый вождь
Ведет за собой народ.
Крепко сплотивший работников,
Наш, говорю, хозяин
По верным своим путям
Нынче ведет народы.
Крепко-накрепко вдумавшись
Люди-друзья, говорю,
Мы-по следам его мыслей
Мысли свои пронесем
Бывают первые бегуны,
И мы, говорю, не стряхнем,*

*Но, соревнуясь в беге,
За Сталиным поспешим.
Из всех народов работники
Жизнь, говорю, знают;
Неправы у них жизни дела
Обычаи и порядки
Мы Сталина любим,
Друзьям говорю, поможем:
Кривую жизнь отвергаем
Темную осветлим
Словно дети бессмысленные
И мы, говорю, были;
Отцы жили, горюя;
Матери жили плача.*

Музыкальная форма песни – строфическая. Каждая строка несет свою смысловую единицу. Первые восемь строк восхваляют вождя народов Сталина, автор восхищается им. Следующие двадцать строк призывают двигаться его путями в светлое и великое будущее. Ритмическая организация песни построена на трехсложных стихотворных размерах: дактиль, амфибрахий, анапест.

Интересны к рассмотрению эвенкийские песни-хороводы. Исследователями неоднократно высказывалось мнение о большой архаичности рассматриваемого жанра и о его первоначально сакральном характере. Так, например, в хороводной песне «Эникэн Катанга – Матушка Катанга» [7, с. 84–85], записанной от К. И. Ворониной, текст песни связан с почтением и восхвалением

реки «Катанга». Как уже говорилось ранее, в эвенкийском эпосе большое значение имеет природа. «Матушка Катанга богата рыбой, а горы ее зверями» [7, с. 11], эвенки относятся к ней как к «кормилице», дающей пропитание и работу. Если вслушаться в мелодику и произносимый текст, то можно ощутить желание рыболова или охотника воздействовать с помощью искусства на природу. По своему строению хороводная песня имеет традиционную куплетную форму. Что касается композиционных особенностей, то каждый куплет имеет вопросно-ответную структуру: есть солист и остальная группа хора. Мелодика «вопроса» и «ответа» одинаковая. Диапазон мелодии равен малой септимере « e^1 » до « d^2 ». Как в русском языке, в хороводных песнях мы слышим междометие «люлю-люли», так и в данном примере наблюдается подобное словосочетание «икэлэ икэла», которое повторяется после каждой строки. Таким образом, при общей характеристике структуры песни можно сказать о том, что мелодически и ритмически она достаточно проста. Начальная интонация построена на звуках T_{53} , однотональна.

Говоря в целом о природе архаичных эвенкийских песен, можно выделить следующее: во-первых, тембровые особенности песен своеобразны. Нотная запись носит достаточно условный характер, т. е. даже точно записанную песню в исполнении на музыкальном инструменте подчас можно не узнать; во-вторых, в эвенкийской музыке всегда можно определить единицу метра, кроме того в них наиболее часто слышны «хромые ритмы» – пунктир, синкопа, триоль; в-третьих, в эвенкийской музыке чаще всего встречаются «вписанные форшлагги», несущие свою смысловую единицу; в-четвертых, ладовая организация песен связана пентатоническими закономерностями или целотонный тетракорд в основании построения песен.

Рассматривая современную эвенкийскую песню, необходимо отметить то, что мелодическое зерно прорастает из архаических образцов. На примере творчества заслуженного учителя, композитора Российской Федерации Николая Николаевича Биланина мы рассмотрим один из образцов современной эвенкийской песни. Как отмечают современники, в Эвенкии нет, пожалуй, ни одного национального поселка, который не посетил бы Николай Николаевич, «он приезжал в деревне не только с песнями, но и за песнями» [7, с. 3].

Его музыка правдиво отображает жизнь эвенкийского народа. Композитор умел чутко уловить интонацию, ладовую организацию песенного творчества эвенков, которое он и отобразил в своих песнях. Итак, для структурного анализа мы обратимся к песне Н. Н. Биланина «Прекрасная земля»

[7, с. 11–15]. Как и во многих архаичных песнях, в музыке Биланина идет восхваление красоты и величия природы: «Земля то красива, всем она богата; и летней жарой и стужей зимней; и птичьей песней, и детскою радостью; тебе земля наш привет!» [7, с. 11]. Как правило, в традиционных песнях аккомпанирующую роль выполняет ритмическая организация на каком-нибудь национальном шумовом инструменте, и композитор не отходит от этой традиции, а наоборот, развивает ее. Во вступлении песни прописана ритмическая организация, звучащая на фоне фортепиано. Открывает произведение возгласная интонация, построенная на звуках тонической терции. Диапазон мелодии достаточно широк – от « $h_{m.o.}$ » до « g^2 », в свою очередь, традиционная музыка имеет в основном не большой диапазон (квинта, секста, в редких случаях септима). Традиционная музыка эвенков в основном исполняется одногласно с отдельно подголосочной мелодией. И здесь автор не отходит от традиций. Зачин песни – основная тема, которая представляется одногласным проведением мелодии, затем включаются остальные группы голосов. Следует отметить еще одно заимствование с традиционным пением – в каждом куплете вкрапляются возгласы: «гей, гей, хэй, гей». В кульминации произведения автор убирает полностью аккомпанемент, вся группа хора звучит *a'capella*. И в самом конце произведения звучит опять одногласное проведение темы, композитор как будто возвращает слушателя к истокам национального звучания.

Современная культура сегодня прямо или косвенной обращается к традиционному фольклору. Н. Г. Михайлова выделяет несколько типов ориентации на традицию: аутентичный фольклор, творчество на традиционной основе фольклорных групп в городской и сельской среде, сценическое фольклорное исполнение, унифицированность вариантов аутентичной и национальной культуры [1, с. 16]. Аутентичный фольклор существует в наши дни в изолированных районах Красноярского края, замкнутых в силу географических и экономических условий. Также здесь наблюдается включение традиций в повседневную жизнь – обращение к нему в определенные, значимые жизненные моменты.

Интерес к традиционному музыкальному фольклору определяет появление новой, неаутентичной среды его бытования. Большое значение в таком естестве приобретают этнографические концерты, направленные на популяризацию народной музыки. Как правило, на таких мероприятиях выступают различные этнические ансамбли, выдающиеся мастера традиционного фольклора. В свою очередь, для современной городской культуры характерна не только активизация зрительского и слушательского восприятия, но и попытки освоения фольк-

лорной традиции. Среди фольклорных ансамблей, функционирующих в крае, большое значение имеют те, кто совмещает концертную деятельность с экспедиционной работой – изучение фольклорно-экспедиционного материала, а также пропагандируют усвоенный песенный материал.

Красноярский край – это то место, где проводится огромное количество праздников на традиционной основе, где в форме естественного участия происходит самовыражение всех желающих. Таким образом, это позволяет познакомиться и хоть на немного приблизить слушателя-участника к освоению культурных ценностей того или иного народа [8–16].

Библиографические ссылки

1. Егле Л. Ю. Музыкальный фольклор в контексте современной культуры Сибири : автореф. дис. ... канд. культурол. наук. Кемерово : КемГИК, 2005. 18 с.
2. Павлова Т. В. Музыкальная стилистика эвенских лирических песен // Языки, культура и будущее народов Арктики : тез. докл. междунар. конф. 17–21 июня 1993 г. Якутск, 1993. ЦХ. 2. 136 с.
3. Сараева Л. П. Феномен музыкального фольклора (философско-культурологические аспекты) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Белгород, 2006. 20 с.
4. Фонограммархив. Рукописный фонд. Папка № 71. Народы Севера (тексты к звуковой антологии). СПб., 1961. 96 с.
5. Фонограммархив. Рукописный фонд. Папка № 56. Песни и напевы народов Севера (примечание и содержание песен). СПб., 1956. 86 с.
6. Шейкин Ю. И., Цекханский В. М., Мазепус В. В. Интонационная культура этноса: (опыт системного рассмотрения) // Культура народностей Севера: Традиция и современность. Новосибирск, 1986. С. 235–247.
7. Эвенкийские песни / сост. Н. Н. Биланин, А. Н. Мыреева ; отв. ред. Ю. И. Шейкин. Якутск : Офсет, 2005. 88 с.
8. Айзенштадт А. М. Вопросы ладообразования в эвенкийской народной музыке // Проблемы музыкального фольклора народов СССР. М., 1973. С. 212–226.
9. Айзенштадт А. М., Шейкин Ю. И. Музыка эвенкийских сказаний // Эвенкийские героические сказания. Новосибирск, 1990. С. 89–126.
10. Александрова Л. В. Порядок и симметрия в музыкальном искусстве: Логико-исторические аспекты. Новосибирск : НГК им. М. И. Глинки, 1995. 373 с.
11. Алексеев Е. Е. Нотная запись народной музыки: теория и практика. М. : Сов. композитор, 1990. 168 с.
12. Арановский М. Г. Синтаксическая структура мелодии. М. : Музыка, 1991. 320 с.
13. Богатырев П. Г. Народная песня с точки зрения его функции // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1973. 235 с.
14. Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.). Л. : Наука, 1969. 304 с.
15. Гиппиус Е. В. Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий // Активные проблемы современного фольклора Л., 1981. С. 22–36.
16. Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири. М. : Восточная литература, 2002. 718 с.

УДК 378.147-054.6 СФУ

Сатива Гамбоа Хуан Себастьян¹, И. С. Добряева²

¹ Студент кафедры культурологии и искусствоведения, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

² Старший преподаватель кафедры культурологии и искусствоведения, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

**МЕТОДЫ АДАПТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ,
ОБУЧАЮЩИХСЯ НА НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЯХ,
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ
СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Рассмотрены особенности лингвистической адаптации билингвальных студентов начального этапа обучения, обучающихся на неязыковых специальностях, и методы их адаптивной интеграции в образовательную среду современного российского вуза. В рамках иммерсивного метода предлагаются приемы модификации учебной среды, направленные на успешную интеграцию билингвальных студентов в образовательный процесс.

Ключевые слова: лингвистическая адаптация, билингвизм, адаптивная интеграция, современный российский вуз, академический русский язык, модификация учебной среды, иммерсивный метод обучения.

Sativa Gamboa Juan Sebastian, I. S. Dobryaeva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

**METHODS OF ADAPTIVE INTEGRATION OF FOREIGN STUDENTS
STUDYING IN NON-LINGUISTIC SPECIALTIES
TO THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY**

The article describes the features of linguistic adaptation of bilingual students of non-linguistic specialties at initial stages of their studies and methods of their adaptive integration into the educational environment of the present-day Russian university. In the framework of immersive method the ways of modifying learning environment are suggested, which are aimed at successful integration of bilingual students into the educational process.

Keywords: linguistic adaptation, bilingualism, adaptive integration, modern Russian university, academic Russian language, modification of educational environment, immersive teaching method.

Привлекательность России, в частности Сибири, как места получения образования для иностранных студентов связана с качеством образования (рейтингом университета) и более выгодными экономическими условиями, с возможностью изучения иностранных языков (русского и английского), а также с интересом к культуре и стране в целом.

Интерес к культуре может как выступать в качестве первоначального мотива выбора страны для учебы, так и быть вторичным, развиваясь по мере изучения языка и культуры в процессе учебы в самой стране. Разница климата, воспринимаемая русскими как устрашающая, фактически выступает одним из факторов привлекательности региона. Приезд и обучение в России рассматривается как приключение, хороший жизненный опыт, знакомство с новыми реалиями. Удаленность региона от столицы страны выражается в отсутствии большого количества иностранцев и преобладающем моноязычии населения.

Университет является одним из первых и ключевых социальных институтов в процессе изучения русского языка. В рамках университета и общежития взаимодействие происходит с преподавателем, русскими студентами (одногоруппниками) и другими иностранцами. В настоящее время в вузе существуют структуры, помогающие адаптации студентов, такие как Центр адаптации иностранных студентов, а также buddy-system, когда русские обучающиеся помогают иностранным в обмен на возможность практиковаться в их родном языке. Среди факторов, способствующих интеграции иностранных студентов, можно назвать высокую мотивацию, возможность неформального общения в рамках студенческой группы и активного участия в учебной и творческой жизни университета.

Студенты, приезжающие обучаться в вузах Российской Федерации, изучают русский язык как иностранный на подготовительных курсах, организуемых университетом, которые обеспечивают необходимый общий уровень подготовки. Требуемый уровень для поступления в российский вуз – ТРКИ1 [1, с. 6], что соответствует уровню CEFR B1 – независимый пользователь.

Необходимый навык работы в академической среде (CALP [2]) продолжает развиваться во время обучения в вузе, превращая занятия по предмету одновременно в языковые занятия для студентов, для которых русский язык не является родным. Таким образом, к концу обучения в вузе иностранный студент становится билингвом по образованию (в отличие от других видов билингвизма, например, билингва по рождению) [3, с. 362].

Регламент вуза не всегда предусматривает дополнительные занятия по русскому языку как иностранному для студентов неязыковых специальностей вузов, где русский как иностранный в некоторых случаях приравнивается к иностранному языку и изучается в том же объеме или вместо другого иностранного языка [4, с. 58].

Таким образом, обладая навыком общего владения языком, приобретенным на подготовительных курсах (BICS [2]), студенты попадают в аутентичную преимущественно монолингвальную языковую среду, предполагающую наличие навыка владения академическим русским языком на уровне носителя языка (CALP [2]).

Обучение в смешанной группе на неязыковом факультете связано с необходимостью одновременного освоения языка и большого объема материала наравне с носителями языка, что на начальном этапе обучения при недифференцированном подходе может вызывать чувство недооцененности, когда уровень знания языка связывается с уровнем знаний по предмету. Языковые ошибки могут вызывать стресс, усиливаемый чувством ответственности не только индивидуальной репрезентации, но и репрезентации своей страны. Уровень понимания устной речи на начальном этапе описывается как абсолютное непонимание, понимание половины, и непонимания русской речи самого иностранца из-за его/ее произношения.

Фактически прибывающие в Россию иностранные студенты уже являются билингвами, владея родным языком и английским как международным языком общения, который может как создавать дополнительные препятствия при обучении русскому языку, так и служить вспомогательным средством приобретения знаний. Необходимо отметить, что русский язык как язык славянской группы имеет значительные структурные и лексико-семантические отличия от романогерманских, китайского и японского языков (родных языков иностранных студентов), что требует большего времени на его освоение (сравнимый с уровнем 4 по шкале сходств-различий языков, разработанной FSI [5]).

Отечественное высшее образование традиционно являлось монолингвальным. В вузе учились студенты, для которых русский был родным языком или билингвы, для которых русский являлся вторым языком, изучаемым в школе [6, с. 44]. Система подготовки иностранных студентов имела некоторые отличия от существующей системы [4, с. 61].

В то же время присутствие иностранных студентов в учебной аудитории больше не позволяет считать ее монолингвальной и монокультурной, присут-

ствие носителя другого языка автоматически делает аудиторию билингвальной даже в виде простого осознания присутствия билингвизма (имплицитного билингвизма). В связи с этим для необходимой модификации учебной среды с целью адаптации иностранных студентов можно предложить следующие практические рекомендации. Билингвизм может пониматься достаточно широко, в том числе как владение разными жанрами и разновидностями собственного языка моноглотами. Для проведения занятий на начальном этапе в смешанной группе, где присутствуют иностранные студенты, рекомендуется использовать упрощенный вариант русского языка, избегать пассивного залога, сложных предложений, абстрактных существительных, избыточного использования фразеологии, максимально контекстуализировать язык при помощи визуальных материалов и других средств, а также использовать интернациональную терминологию в составе русского языка. Как разновидность ограниченного билингвизма рекомендуется дублирование ключевых слов и концептов, а также тестовых заданий и вопросов на английском языке.

В качестве альтернативы замедленного темпа речи и увеличения громкости могут использоваться паузы после важных тезисов, а также повторение и обобщение важного материала, запись ключевых слов на доске и предоставление их студентам заранее.

Предлагается продумать возможность более гибкой системы оценивания на начальном этапе обучения, возможность замены устного ответа на экзамене на письменные работы (портфолио) и работу в течение семестра, предоставление большего количества времени на подготовку, разрешение использовать словари и переводчики в случае затруднения с ответом. Необходимо осознавать, что даже в рамках иммерсивного метода обучения, русский является языком, изучаемым дополнительно к родному языку, что приводит к тому, что заимствования и перевод имеющейся системы значений неизбежны на начальном этапе обучения, в дальнейшем же происходит постепенная дифференциация двух систем.

Студентам можно порекомендовать заранее знакомиться с материалом лекций и занятий, быть внимательным на занятиях и не пропускать их без уважительной причины, а также понимать, что освоение языка является сложным и длительным процессом, а языковые ошибки – его неотъемлемой частью.

Библиографические ссылки

1. Требования по русскому языку как иностранному / Андрюшин Н. П. [и др.]. М. ; СПб. : Златоуст, 2009. 32 с.

2. Cummings J. Negotiating identities: education for empowerment in a diverse society. Trentham Books Ltd, 1996. 304 p.
3. Петрикова А., Куприна Т., Галло Я. Основы межкультурной дидактики. М. : Русский язык, 2015. 375 с.
4. Московкин Л. В. Обучение русскому языку иностранцев в контексте реформ российского образования // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков : сб. науч. ст. СПб. : Изд-во СПбГЭУ. 2018. С. 56–63.
5. URL: www.effectivelanguagelearning.com/language-guide/language-difficulty.
6. Siguan M., Mackey W. F. Education and bilingualism. Unesco, 1987. 147 p.

УДК 069.51-021.372(571.51)

К. И. Шиманская

Аспирант по направлению «Теория и история культуры» кафедры культурологии и искусствоведения, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

МЕДИАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА МУЗЕЙНЫХ АРТ-ПРАКТИК КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Толкование языка как коммуникации нередко подразумевает участие посредника – медиатора. Примером является художественная коммуникация – взаимодействие произведения искусства и зрителя, найти общий язык которым помогает арт-медиатор. Актуальная партисипаторная практика арт-медиации, необходимая для того, чтобы этот диалог состоялся, исследуется в статье на примере музейных проектов Красноярска.

Ключевые слова: язык искусства, художественная коммуникация, медиация, инсталляция, современное искусство.

K. I. Shimanskaya

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

MEDIATION IN MODERN CULTURE (BASED ON THE ANALYSIS OF MUSEUM ART-PRACTICES OF THE KRASNOYARSK TERRITORY)

Understanding of language as communication often implies the participation of a mediator. A good example of this is artistic communication – the interaction be-

tween a work of art and a viewer whom an art mediator helps to find a common language. Art-mediation as topical participatory practice, necessary for this dialogue to happen, is investigated in the article on the example of museum projects of Krasnoyarsk.

Keywords: *language of art, artistic communication, mediation, installation, contemporary art.*

Сегодняшний день позволяет нам весьма широкое толкование языка, в том числе как коммуникации. Нередко для ее успешности оказывается необходим медиатор, т. е. посредник. Мы уже привыкли к его опредмеченным формам (будь то книга), не удивляемся, когда его функции отдаются специально разработанной программе. Однако в этих условиях не стоит терять интерес к тем ситуациям, где медиатором выступает человек.

Именно это мы наблюдаем в рамках художественной коммуникации, т. е. взаимодействия произведения искусства со зрителем. Дело в том, что искусство говорит с нами на языке, для нас иностранном. Как его понять? В этом поможет арт-медиатор!

Задача: проанализировать действие арт-медиации как обучающей языку искусства практики на примере музейных проектов Красноярска.

Что такое арт-медиация и зачем она искусству и нам?

Медиация известна с древности как способ разрешения конфликтов. Отсюда медиатор – посредник, обеспечивающий диалог сторон. Таким образом, арт-медиатор – тот, кто может сделать диалог произведения искусства и зрителя возможным. Однако виной всему современное искусство. Ни для кого не секрет, что оно часто остается непонятным для неподготовленного зрителя, а следовательно, требует разъяснения. В Европе арт-медиация появилась около 40 лет назад; в России – сравнительно недавно. Первые арт-медиаторы – это европейская биеннале современного искусства «Манифеста 10» в Санкт-Петербурге в 2014 году. Сегодня эта практика взята на вооружение музеями разных городов России, Красноярск в их числе.

Основываясь на анализе источников, практики музейного центра «Площадь Мира», а также собственного опыта, мы можем выделить три подхода к арт-медиации, которые помогут нам определить ее сущность:

- 1) коммуникационный – арт-медиация как партисипаторная технология/практика взаимодействия со зрителем;
- 2) образовательный – арт-медиация как часть образовательной программы;

3) интерпретационный – арт-медиация как интерпретация. Ее цель – помочь найти общий язык с искусством, завязать с ним диалог (что невозможно понимания языка), выявить и выразить собственное мнение, отношение. Самое важное здесь: зритель и произведение искусства – именно они должны в итоге понять и быть понятым. Здесь арт-медиатор как очки или слуховой аппарат для зрителя – обостряет восприятие и помогает в артикуляции своих собственных мыслей и чувств.

Для уточнения понятия «арт-медиация» можно обратиться к сравнению деятельности арт-медиатора и экскурсовода.

Итак, арт-медиация – это партисипаторная практика, обучающая языку искусства и его интерпретации. Она открыта, многоголосна и в высшей степени персонифицирована.

Красноярская музейная биеннале «Переговорщики», Цадок Бен-Давид – инсталляция «Люди, которых я видел, но никогда не встречал»: 5 000 алюминиевых фигур (ни одной повторяющейся!). Путешествуя по миру, художник фотографирует людей, создавая на основе фото небольшие, но сохраняющие портретность изображения.

Его герои – обычные люди, пусть некоторые из них и выделяются благодаря, например, схваченной художником этнической принадлежности (мы видим полинезийцев и японцев в национальных костюмах, мужчину в широкополой черной шляпе с пейсами, жителей севера и востока). Их позы также весьма обычны, за редким исключением непримечательны – именно такими мы видим людей, которые так же, как и мы, руководствуясь какими-то своими делами, вышли на улицу, – такими их увидел и художник. На первый взгляд, они могут показаться даже неинтересными (отзыв посетителя).

Разглядывание фигурок => можно найти кого-то похожего на себя, кого-то, кто «ну точно также» делает что-либо => присоединение.

Основной инструмент работы арт-медиатора – это вопросы. Интересно, как вопросы к форме произведения выводили на его содержание. Например:

- песок => пустыня (вспомним израильское происхождение автора);
- равноудаленность фигурок друг от друга => важность, самодостаточность каждого независимо от возраста, социального положения, национальности, физических особенностей;
- плоскостность, прозрачность, невесомость фигур => связь со свойствами памяти, сохраняющей образ незнакомца считанные мгновения;

- многолюдность, увеличение числа фигурок от выставки к выставке => также увеличивается население планеты (глобальный портрет человечества) + растет число людей, «которых мы видели, но не знали»;
- в высшей степени удачно найденный автором размер => расширение произведения, включение в него самого зрителя и пространства музея.

Способ был признан настолько эффективным, что лег в основу оригинальной музейной практики под названием «Переговорные станции», в которых обычная экскурсия по музею преобразовалась в честный диалог, свободный обмен мнениями с посетителями о выбранных произведениях биеннале, одним из которых неизменно выступала инсталляция Цадока Бен-Давида.

Библиографические ссылки

1. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Пропозиции теории изобразительного искусства. Красноярск, 2004.
2. Кистова А. В., Тамаровская А. Н. Развитие визуального мышления у обучающихся детских художественных школ в процессе изучения творчества Ирины Верпеты // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 4 (12). С. 8–24.
3. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Декоративно-прикладное искусства коренных народов, проживающих на территории Эвенкийского и Таймырского муниципальных районов // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 72–92.
4. Колесник М. А., Лещинская Н. М., Сертакова Е. А. Образ поэта-творца в символизме Гюстава Моро // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 4 (12). С. 25–37.
5. Колесник М. А., Ситникова А. А. Модель развития декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 42–59.
6. Копцева Н. П., Резникова К. В. Три картины Здислава Бексински: как возможно искусство «после Освенцима» // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 400. С. 121–133.
7. Лобакова Н. М., Сертакова Е. А. Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 6–22.
8. Лузан В. С., Авдеева Ю. Н. Нормативно-правовая база для регулирования состояния декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 60–71.
9. Новая арт-критика на берегах Енисея. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015.
10. Новое сибирское Китаеведение. Базовые концепты китайской культуры. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018.
11. Резникова К. В. «Снежная королева» как художественная интерпретация северного мифа «Хроника Ура Ланда» // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 824.
12. Резникова К. В., Ситникова А. А., Замаараева Ю. С. Философия искусства в творчестве Эгона Шиле // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 4 (12). С. 38–48.
13. Резникова К. В., Середкина Н. Н., Замаараева Ю. С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 23–41.

14. Семенова А. А., Герасимова А. А. Особенности творческого метода Сергея Ануфриева // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 2. С. 542.
15. Середкина Н. Н., Кистова А. В., Пименова Н. Н. Три картины Эдварда Мунка: философско-искусствоведческий анализ цикла «Фриз жизни» // *Сибирский антропологический журнал*. 2019. № 4 (12). С. 49–64.
16. Ситникова А. А. Художественная интерпретация образа жизни на севере в произведениях Рокуэлла Кента // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 4. С. 593.
17. Ситникова А. А. Рецензия на книгу «Красноярский архитектор Леонид Чернышев» // *Северные архивы и экспедиции*. 2020. Т. 4, № 1. С. 95–100.
18. Смолина М. Г. Образ кетов в произведениях Д. И. Каратанова // *Сибирский антропологический журнал*. 2019. № 4 (12). С. 65–85.
19. Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists / M. A. Amosova, N.P. Koptseva, A. A. Sitnikova [et al.] // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. Vol. 12, № 8. С. 1524–1551.
20. Analysis of the illustrations by Ivan Eakovlevich Bilibin (1876–1942) to russian fairy tales / M. A. Kolesnik, N. P. Koptseva, N. M. Libakova [et al.] // *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts*. 2017. № 6-2. С. 3–10.
21. Kolesnik M. A., Libakova N. M., Sertakova E. A. Art education as a way of preserving the traditional ethnocultural identity of indigenous minority peoples from the North, Siberia and the Far East // *Novosibirsk State Pedagogical University Bull.* 2018. Vol. 8, № 4. С. 233–247.
22. Specifics of Siberian identity in the context of formation of the artistic concept "Siberia" in the works of Krasnoyarsk artist Anton Dovnar / M. A. Kolesnik, V. S. Luzan, N. M. Libakova [et al.] // *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts*. 2017. № 6-1. С. 371–378.
23. Koptseva N. P., Reznikova K. V., Razumovskaya V. A. The construction of cultural and religious identities in the temple architecture // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2018. Vol. 11, № 7. С. 1021–1082.
24. Reznikova K. V., Sitnikova A. A., Zamaraeva Yu. S. Three paintings by Egon Schiele: ideas about the essence of art // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. Vol. 12, № 7. С. 1240–1255.
25. Sertakova E. A., Leshchinskaia N. M., Kolesnik M. A. Three Gustave Moreau pictures: myth, religion, creativity // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. Vol. 12, № 7. С. 1316–1334.
26. Philosophic and art analysis of pictorial works by E. Munch: Melancholy, Separation, the Dance of life / N. N. Seredkina, K. V. Reznikova, A. V. Kistova [et al.] // *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts*. 2017. № 6-2. С. 43–50.
27. Sitnikova A. A., Zhukovsky V. I. Visualization of the concept of state in the architecture of the Moscow cathedral of the intercession on the moat (1555–1561) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2018. Vol. 11, № 9. С. 1513–1528.
28. Sitnikova A. A., Zhukovskaia L. N. Visualization of the essence (about the creative work of the artist Vladimir Zhukovsky) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. Vol. 8, № 1. С. 137–144.

СЕКЦИЯ 4

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВНИ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 314.15.001.25

Т. В. Лузина¹, О. С. Елфимова², В. Г. Высоцкая³

¹ Кандидат экономических наук, заведующий кафедрой таможенного дела, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

² Кандидат социологических наук, доцент кафедры таможенного дела, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

³ Доцент кафедры таможенного дела, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

ОЦЕНКА МИГРАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ*

Рассмотрены методологические вопросы изучения миграционных процессов трудовых ресурсов в фокусе проблемы обеспечения безопасности принимающей территории, определена необходимость самостоятельного изучения категории «миграционная безопасность». Проанализированы и установлены взаимосвязи миграционных процессов трудовых ресурсов с экономическим развитием принимающей территории, в частности с уровнем ВВП/ВРП. На основе разработанной авторами модели и предлагаемого подхода к определению диапазона порогового значения индикатора «миграционная безопасность» представлены подходы к оценке миграционной безопасности федеральных округов Российской Федерации. В частности, проведены расчеты миграционной емкости рынка труда для Российской Федерации и для Сибирского федерального округа на 2018 год. При этом значимым является обоснование допустимого числа прибывающих мигрантов и их влияния на параметры миграционной емкости рынка труда. Расчеты авторов свидетельствуют о недостаточности привлекаемых трудовых мигрантов для целей поддержания устойчивого и динамичного экономического развития регионов. Представленная методика позволит оценить потребность в привлечении трудовых мигрантов для поддержания и роста экономики на любом уровне пространственной локализации и даст возможность разработки программ по привлечению трудовых ресурсов.

Ключевые слова: миграционная безопасность, индикатор, пороговое значение, миграционная емкость рынка труда.

T. Luzina, O. Elfimova, V. Vysotckaya

University of Tyumen, Tyumen, Russia

ASSESSMENT OF MIGRATION SECURITY OF REGIONS

This article describes methodological questions of migration process research of labor force in the focus of the problem of ensuring the security of the host territory.

© Лузина Т. В., Елфимова О. С., Высоцкая В. Г., 2020

* Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ номер проекта 19-010-00856 А «Разработка методологии и инструментария дифференциации регионов (стран) на основе оценки миграционной безопасности».

Publication was prepared within the RFBR grant project number 19-010-00856 A "Development of methodology and tools of differentiation of regions (countries) based on the assessment of the migration security".

This determines the need for independent study of the migration security category. Relationships of labor migration processes with the economic development of the host territory, in particular with the level of GDP/GRP, are analyzed and established. The article presents approaches to assessing the migration security of the federal districts of the Russian Federation. The authors developed a model and approach to determining the range of the threshold value of the indicator "migration security". In particular, the migration capacity of the labor market was calculated for the Russian Federation and for the Siberian Federal District for 2018. Moreover, the substantiation of the permissible number of arriving migrants and their impact on the parameters of the migration capacity of the labor market is significant. Authors' calculations show insufficiency of attracted labor migrants in order to maintain sustainable and dynamic economic development of the regions. The presented methodology assesses the need to attract labor migrants to maintain and grow the economy at any level of spatial localization, and will provide an opportunity to develop programs to attract labor resources.

Keywords: migration security, indicator, threshold, migration capacity of the labor market.

Миграционные процессы в XXI веке стали одним из самых значительных социально-экономическим трендом, охватившим практически все страны мира. Они влияют на экономическое развитие отдельных стран, а также создают факторы, воздействуя на поступательное движение того или иного региона. В условиях, когда миграция несет в себе определенные риски, вызовы и угрозы, важно осуществлять анализ ее влияния на состояние безопасности принимающей территории. Исходя из характера и направленности, объекта и субъекта защитной деятельности, представляется возможным классифицировать безопасность. Так, возрастающее влияние миграции на безопасность личности, общества и государства и усиление роли миграционной политики в обеспечении национальной безопасности привели к необходимости введения в понятийно-видовой ряд термина «миграционная безопасность» [1; 2]. Заметим, что миграционная безопасность, с одной стороны, представляет собой новую сферу научного интереса, с другой стороны, является предметом научных дискуссий.

В содержательном плане сложившиеся в науке определения миграционной безопасности строятся на двух позициях. В первом случае миграционная безопасность ориентирована на обеспечение защищенности мигрантов от различных угроз и опасностей при помощи миграционной политики и состоит в неукоснительном соблюдении миграционного законодательства. Во втором случае акцентируются вопросы обеспечения интересов принимающего государства, способности миграции удовлетворять потребности общества в человеческом капитале (трудовом, интеллектуальном) и его эффективного

межрегионального перераспределения. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года отмечается, что глобальные вызовы предстоящего десятилетия предъявляют высокие требования к темпам и качеству роста экономики страны. В то же время реализация конкурентных преимуществ России и ее регионов невозможна без высокого качества человеческого потенциала, достаточности демографических ресурсов соответствующего состава и структуры. И далее в документе указывается, что в качестве одной из приоритетных задач развития становится обеспечение высокой профессиональной и территориальной мобильности трудовых ресурсов.

В условиях острой демографической ситуации в России привлечение международных трудовых мигрантов имеет важное значение не только в целях восстановления количественной составляющей экономически активного населения, но становится одним из важнейших факторов социально-экономического развития страны. Этот факт зафиксирован в базовых правительственных документах по вопросам миграционной политики и обеспечения безопасности государства. Так, например, в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года отмечается, что в качестве условия поступательного развития российской экономики необходимо привлечение иностранных работников. Также в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации стимулирование миграции из других стран в Россию рассматривается как важнейший фактор обеспечения экономической безопасности.

Однако для того чтобы миграция выступала как ресурс миграционной безопасности в целях экономического развития принимающей территории, необходимо установление границ для индикатора «миграционная безопасность». Диапазон границ индикатора может быть выражен через понятие «миграционная емкость рынка труда» и ее влияние на динамику ВВП/ВРП [3].

Учитывая вышесказанное, представим оценку миграционной безопасности регионов России в целом по федеральным округам. Проанализируем состояние демографической ситуации в округах (рис. 1).

Таким образом, в анализируемом периоде по всем федеральным округам наблюдается спад естественного воспроизводства населения за исключением Северо-Кавказского федерального округа. В данном случае существенным фактором восполнения рабочей силы является привлечение мигрантов. На рис. 2 представлена интенсивность общей миграции по округам.

Секция 4. Федеральный, региональный и муниципальный уровни управления

Рис. 1. Показатели естественного движения населения по федеральным округам РФ в январе – сентябре 2019 года, тыс. чел.

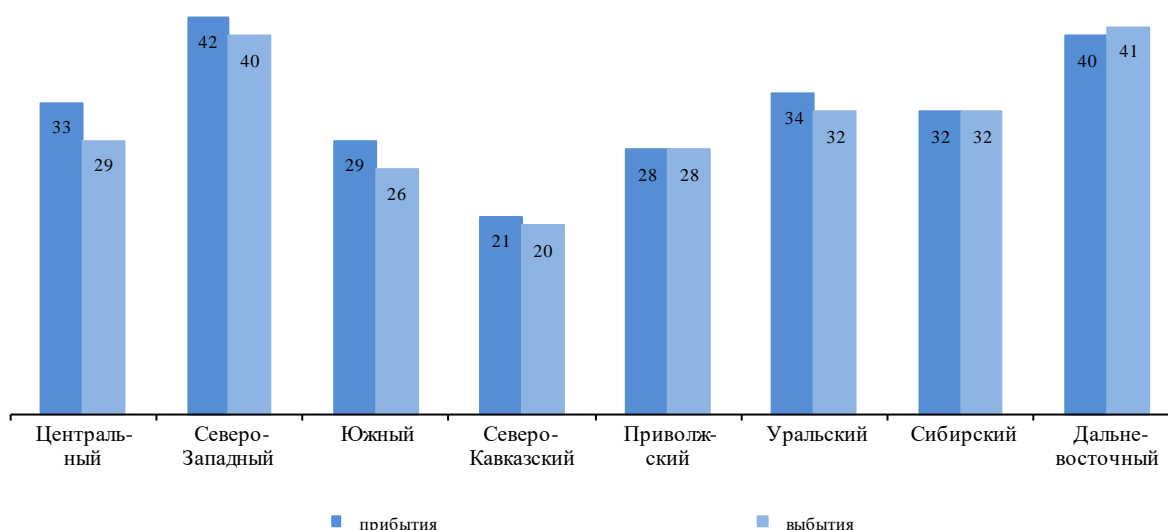

Рис. 2. Интенсивность общей миграции населения по федеральным округам РФ в январе – сентябре 2019 года, на 1 000 человек населения

В целом в большинстве федеральных округах наблюдается положительное сальдо миграции. Вместе с тем следует отметить, что поток мигрантов гораздо меньше, чем естественная убыль населения.

Ранее мы уже упоминали, что индикатором показателя миграционной безопасности может служить показатель миграционной емкости рынка труда, который понимается как способность региона (страны) принять и адаптировать определенное количество трудовых мигрантов необходимых для под-

держания нормального функционирования экономики региона (страны). Здесь следует отметить, что и недостаточность рабочей силы, и ее переизбыток могут одинаково негативно влиять на развитие системы, в данном случае региона (страны). Оценка миграционной емкости рынка труда должна проводиться с учетом динамики развития региона (страны) по формуле [3]

$$\text{Чпр}_{t+1} = \text{Чрс}_{t+1} - \text{Чз}_t - \text{Чвв}_{t+1} + \text{Чп}_{t+1} + \text{Чвыб}_{t+1} + \text{Чб}_{t+1},$$

где Чпр_{t+1} – число прибывших мигрантов в период $t + 1$; Чрс_{t+1} – число рабочей силы необходимое для роста ВВП/ВРП в период $t + 1$; Чз_t – число занятых в период t ; Чвв_{t+1} – число вновь вступивших в трудовой возраст в период $t + 1$; Чп_{t+1} – число вышедших на пенсию в период $t + 1$; Чвыб_{t+1} – число выбывших мигрантов в период $t + 1$; Чб_{t+1} – добавочное число безработных в период $t + 1$.

По расчетам, число мигрантов, необходимых для поддержания экономического развития РФ, должно составлять 5 666,7 тыс. человек, а по данным статистики, количество прибывших мигрантов в 2018 году составило 4 911,566 тыс. чел.

Что касается Сибирского федерального округа (СФО), по результатам анализа, нами сделаны следующие выводы. По данным таблицы, в период 2017–2018 годов отмечается естественная убыль и миграционный отток населения.

Таблица

Демографические и миграционные показатели по Сибирскому федеральному округу

Регион	Естественный прирост/убыль (–) населения, человек		Сальдо миграции, человек	
	2017	2018	2017	2018
Республика Алтай	1 337	1 146	–450	234
Республика Тыва	4 227	3 681	–265	–267
Республика Хакасия	–88	–450	1 718	925
Алтайский край	–7 541	–9 856	–3 870	–687
Красноярский край	267	–2 193	–662	370
Иркутская область	1 221	–522	–6 504	–4 489
Кемеровская область	–9 837	–12 208	–5 450	–8 931
Новосибирская область	–1 382	–3 495	1 433	2 439
Омская область	–2 748	–3 784	–6 264	–7 435
Томская область	524	–175	–326	–794
Итого СФО	–14 020	–27 856	–20 640	–18 635

Кроме того, для поддержания экономики СФО в границах миграционной безопасности с учетом миграционной емкости труда и обеспечения роста ВРП/недопущения снижения ВРП необходимо привлечение 1 490,7 тыс. человек мигрантов. В данном случае наблюдается недостаточность рабочей силы для обеспечения развития региона.

Итак, прогнозируемое сокращение населения трудоспособного возраста России ведет к необходимости привлечения трудовых ресурсов. Следовательно, изучение влияния миграционных процессов на современную экономическую ситуацию (экономический рост, темпы прироста ВВП) в контексте обеспечения миграционной и экономической безопасности принимающей территории приобретает важное значение. С использованием инструментария регрессионного анализа была проведена оценка выявления зависимости между ВРП и миграционными потоками. При этом обоснование допустимого числа прибывающих мигрантов может способствовать снижению остроты связанных с миграцией угроз и вызовов. Представленная методика позволяет оценивать потребность в привлечении трудовых мигрантов для поддержания устойчивого и динамичного роста экономики на любом уровне пространственной локализации.

Библиографический ссылки

1. Степанов А. В. Безопасность, национальная безопасность, миграционная безопасность, национальная миграционная политика: анализ определений, соотношение категорий // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2014. № 2 (26). С. 75–78.
2. Силантьева В. А. Регулирование миграционных процессов как основа национальной безопасности России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 3/1. С. 22–27.
3. Лузина Т. В., Елфимова О. С., Высоцкая В. Г. Потенциал миграционных процессов в контексте обеспечения экономической безопасности // Общество: политика, экономика, право. 2019. Вып. 11.

УДК 304.42.000.34:341.213.4

В. С. Лузан¹, Д. Б. Серебрякова²

¹ Доктор культурологии, директор Красноярского художественного музея им. В. И. Сурикова, Красноярск, Россия

² Старший преподаватель кафедры иностранного языка, Институт экономики, управления и природопользования, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО ПОДХОДА К РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА

Раскрыта специфика правового подхода к реализации культурной политики в условиях федеративного государства в период новейшей истории России, начиная с 1992 года и по сегодняшний день, когда оформились основные контуры действующей государственной системы управления культурными процессами. Авторы отмечают, что радикально новые условия социально-экономического и политического развития Российской Федерации обозначили необходимость разработки концепции реформирования системы федеративных отношений и ее нормативного правового регулирования.

При этом разграничение предметов ведения между Федерацией, ее субъектами, а также муниципальными образованиями является одним из основных принципов разделения государственной власти между центром и составными частями федеративного государства. В то же время в статье отмечается, что завершившаяся административная реформа привела к разобщенности большинства субъектов культурной политики, дифференциации материально-технического оснащения и объемов финансирования учреждений культуры различных форм собственности; ограничила возможности эффективной реализации культурной политики на территории всей страны и создания единого культурного пространства.

В заключение обозначены общие выводы и вероятные тенденции развития государственной культурной политики России в условиях действующей нормативной правовой базы и системы управления культурными процессами.

Ключевые слова: культурная политика, закон, государство, полномочия, учреждения культуры.

V. Luzan, D. Serebryakova

Krasnoyarsk, Russia

SPECIFICITY OF LEGAL APPROACH TO IMPLEMENTATION OF CULTURAL POLICY IN THE CONDITIONS OF THE FEDERAL STATE

The article reveals the specifics of the legal approach to the implementation of cultural policy in a federal state during the recent history of Russia, from 1992 to the present, when the main outlines of the current state system for managing cultural processes took shape. The authors note that the radically new conditions for the economic and political development of the Russian Federation indicated the need to develop a concept for reforming the system of federal relations and its normative legal regulation. Moreover, the delimitation of the subjects of jurisdiction between the Federation, its subjects, as well as municipalities is one of the main principles of the separation of state power between the center and the constituent parts of the federal state. At the same time, the article notes that the completed administrative reform has led to disunity of the majority of cultural policy entities, differentiation of material and technical equipment and volumes of financing of cultural institutions of various forms of ownership; limited the ability to effectively implement a unified cultural policy throughout the country. In conclusion, general conclusions and likely trends in the development of the state cultural policy of Russia in the current regulatory framework and the cultural process management system are outlined.

Keywords: cultural policy, law, state, authority, cultural institutions.

Введение. Анализ общемирового опыта в государственном управлении демонстрирует, что законодательное регулирование культурной политики приобретает исключительное значение в те периоды развития любого государства, которые характеризуются радикальными переменами во всех сферах его жизнедеятельности. Следовательно, нельзя не отметить, что Российская Федерация с 1990-х годов находится как раз в подобной ситуации реформирования всех сфер, что подчеркивает необходимость реализации «осознанной» культурной политики и формирования единого культурного пространства.

В целом действующую законодательную базу в сфере культурной политики следует разделить на два основных блока: национальное и международное законодательство (Организация Объединенных Наций в целом, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры в частности; Всемирная туристская организация; Совет Европы; Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе; Шанхайская организация сотрудничества). Причем в соответствии с общепризнанными нормами

и правилами формально международное законодательство имеет приоритет над национальным, что не всегда соответствует реальной практике правоприменения.

Обобщая международное законодательство, А. А. Пронин в статье «Российское законодательство в сфере культуры: общая характеристика» справедливо отмечает, что международные правовые акты, исходят из того, что «права человека в сфере культуры вытекают из достоинства, присущего человеческой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития. Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, а также право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных и художественных трудов, автором которых он является. Указанные документы признают право лиц с ограниченными физическими возможностями на безбарьерный доступ к культурной инфраструктуре; декларируют необходимость сохранения всемирного культурного наследия; говорят о поощрении терпимости и культурного многообразия, необходимости изучать языки, историю и культуру других стран, искоренять предрассудки; называют туризм мощным фактором обеспечения мира и укрепления дружбы и взаимопонимания между народами планеты; призывают государства к тесному сотрудничеству в сохранении культурных ценностей и культурном обмене, поощрении культуры мира и диалога между всеми цивилизациями» [1].

Методы и материалы. Основой правового регулирования реализации культурной политики на национальном уровне в Российской Федерации выступает основной закон – Конституция. Например, ст. 44 Конституции гарантирует гражданину свободу творчества, преподавания. Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Кроме того, в Конституции закреплены положения, в соответствии с которыми в Российской Федерации культурная деятельность является неотъемлемым правом каждого гражданина независимо от национального и социального происхождения, языка, пола, политических, религиозных и иных убеждений, места жительства, имущественного положения, образования, профессии или других обстоятельств [2]. Воплощение в жизнь обозначенных положений требует наличия в государстве развитой нормативной правовой базы в сфере культуры и авторских прав, которая по большей части уже сформирована, однако зачастую является морально устаревшей.

Таким образом, Конституция устанавливает не только основные права граждан в сфере культурной политики, но и закрепляет за государством обязанности по обеспечению соответствующих прав. В связи с этим современное нормативное правовое регулирование в сфере культурной политики Российской Федерации представлено достаточно большим количеством соответствующих законодательных актов на федеральном уровне – порядка 20 отраслевых федеральных законов, а также различными подзаконными актами, неотраслевым законодательством и региональным законодательством субъектов Российской Федерации. Кроме того, органы местного самоуправления также наделены правом принимать на локальном уровне соответствующие нормативные правовые акты по вопросам местного значения в области культуры, обозначенным в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В то же время на основе действующих федеральных законов Правительством Российской Федерации утверждены федеральные целевые программы развития как по отдельным видам искусства, так и по отрасли в целом, а также определены направления поддержки различных творческих инициатив. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и на уровне субъектов Российской Федерации.

В целом нормативное правовое регулирование в сфере культурной политики реализуется в деятельности различных государственных и муниципальных органов законодательной и исполнительной властей. В разделе VII Основ законодательства Российской Федерации о культуре компетенция в сфере культурной политики разделена между федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации, в первую очередь Министерством культуры Российской Федерации и соответствующими органами субъектов Федерации и органами местного самоуправления в области культуры.

В ведении профильных федеральных органов исполнительной власти находятся: обеспечение прав и свобод человека в области культуры; принятие федерального законодательства в области культуры; правовое регулирование отношений собственности, основ хозяйственной деятельности и порядка распоряжения национальным культурным достоянием; формирование федерального бюджета в части расходов на культуру; прямое финансирование организаций культуры, находящихся в федеральном ведении; регулирование вывоза и ввоза культурных ценностей; создание и ведение Свода памятников исто-

рии и культуры Российской Федерации; контроль за выполнением законодательства Российской Федерации и др. [3].

Данный принцип разграничения предметов ведения и полномочий является одной из основных характеристик федеративного устройства и отражен в ч. 3 ст. 5 Конституции. Конституционная модель разграничения компетенции включает сферу ведения Федерации (ст. 71) и сферу совместного ведения (ст. 72). Вне пределов ведения Российской Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения субъекты Федерации обладают всей полнотой государственной власти (ст. 73).

Как справедливо отмечает Г. П. Ивлиев, «принципиально новые условия экономического и политического развития страны настойчиво продиктовали необходимость разработки концепции реформирования системы федеративных отношений и ее законодательного обеспечения. Разграничение предметов ведения между Федерацией и ее субъектами является одним из основных принципов разделения государственной власти между центром и составными частями федеративного государства.

С конституционными правами граждан Российской Федерации должны корреспондироваться законодательно закрепленные обязанности конкретных органов публичной власти, подкрепленные реально действующими механизмами их реализации» [4].

Базовым для всей федеративной реформы стал Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [5], который претерпел значительные изменения за прошедшие годы в связи с расширением проводимых в стране реформ. С момента принятия в 2003 году Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» было закреплено новое разграничение полномочий между субъектами Российской Федерации и уровнями местного самоуправления.

В 2004 году Федеральным законом № 122-ФЗ введены значительные изменения в отраслевые федеральные законы, отражающие новое распределение полномочий, введено понятие расходных обязательств Российской Федерации, субъектов Федерации, муниципальных образований. Практика передачи полномочий федерального центра субъектам Федерации, расширения собственных полномочий органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления, а также введения совместных полномочий различных уровней

публичной власти получила свое развитие в последующие годы в Федеральных законах № 199-ФЗ и № 258-ФЗ.

Положениями данных федеральных законов, по существу, было закреплено соисполнение полномочий в социально-культурной сфере различными уровнями власти (федеральная, региональная, муниципальная).

В сфере культурной политики к совместному ведению Российской Федерацией и субъектов Федерации (ст. 72 Конституции) относятся общие вопросы культуры и охрана памятников истории и культуры. Из этого следует, что иные вопросы, не относящиеся к общим и не связанные с установлением основ федеральной политики и федеральных программ в области культурного развития (последнее представляет прерогативу федерального центра, ст. 71 Конституции), могут быть отнесены к ведению субъектов Федерации.

Нельзя не отметить, что помимо действующего федерального, регионального и муниципального законодательства существует ряд фундаментальных концептуальных и стратегических документов, разработка которых велась гораздо позднее принятия основных отраслевых нормативных правовых актов. Следовательно, данные концептуальные документы имеют в себе гораздо более актуальные содержательные основы и прогрессивные механизмы управления культурными процессами:

- Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808;
- Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р;
- Концепция долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 10.06.2011 № 1019-р;
- Концепция развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.04.2012 № 434-р;
- Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31.05.2014 № 941-р;
- Концепция развития концертной деятельности в области академической музыки в Российской Федерации на период до 2025 года,

утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.11.2015 № 2395-р;

- Проект Концепции развития музейного дела в Российской Федерации на период до 2030 года.

Например, необходимо отметить достаточно существенную разницу в трактовках фундаментального понятия «культурная политика» в Основах законодательства Российской Федерации о культуре (далее – Закон о культуре РФ) и Основах культурной политики как двух наиболее важных документах на сегодняшний день.

В соответствии с Законом о культуре РФ государственная культурная политика – это «совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры» [5]. Согласно данному определению единственным субъектом культурной политики выступает государство. Это вступает в противоречие с трактовкой культурной политики, которая представлена в Основах культурной политики, где культурная политика – это «действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей» [6].

Следовательно, трактовка культурной политики в действующем основном законе, с одной стороны, гораздо менее конкретна, с другой – существенно уже, чем в концептуальном документе. Второй вариант понятия гораздо более отвечает целям и задачам культурной политики как самостоятельного направления государственного управления, однако до тех пор, пока данное определение не будет применено не только в концептуальном документе, но и в действующем законодательстве, по сути, оно остается юридически не легитимным.

Дискуссия. Если вернуться к рассмотрению Закона о культуре РФ, то особую значимость для изучения специфики правового подхода к осуществлению государственной культурной политики в условиях федеративного государства представляют ст. 37, 39 и 40, раскрывающие полномочия Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления в области культуры. В то же время Закон о культуре РФ, по мнению как действующих специалистов в социально-

культурной сфере, так и исследователей, требует существенной доработки. В связи с этим за последние десять лет на федеральном уровне неоднократно предпринимались попытки разработки новых редакций основного федерального закона в области культурной политики, которые по сей день не увенчались успехом.

На сегодняшний день полномочия в сфере культурной политики определены следующим образом:

1. Полномочия Российской Федерации определены в ст. 37 Закона о культуре РФ:

- обеспечение прав и свобод человека в области культуры;
- установление основ федеральной культурной политики, принятие федерального законодательства в сфере культурной политики и федеральных государственных программ сохранения и развития культуры;
- правовое регулирование отношений собственности, основ хозяйственной деятельности и порядка распоряжения национальным культурным достоянием;
- формирование федерального бюджета в части расходов на культуру;
- координация внешней политики в области культурного сотрудничества;
- регулирование вывоза и ввоза культурных ценностей;
- определение принципов государственной политики в области подготовки кадров, занятости, оплаты труда, установление минимального размера ставок авторского вознаграждения по федеральным учреждениям культуры;
- использование, сохранение, популяризация объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности;
- сохранение особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации [5].

2. К полномочиям органов государственной власти субъекта Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Федерации, в соответствии с Федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» относится решение следующих вопросов:

- формирование и содержание архивных фондов субъектов Федерации;
- сохранение объектов культурного наследия, находящихся в собственности субъекта Федерации;

- организация библиотечного обслуживания населения библиотеками субъекта Федерации, комплектования и обеспечения сохранности их библиотечных фондов;
- создание и поддержка государственных региональных музеев;
- организация и поддержка учреждений культуры и искусства;
- поддержка народных художественных промыслов;
- поддержка региональных и местных национально-культурных автономий, поддержка изучения в образовательных учреждениях национальных языков и иных предметов этнокультурной направленности [7].

Особого внимания заслуживает рассмотрение вопросов местного значения, обозначенных в Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [8]. Еще раз подчеркнем, что в результате проведенной административной реформы, абсолютное большинство учреждений культуры всех видов и типов перешли на муниципальный уровень, а не на федеральный и региональный. Следовательно, нормы указанного закона определяют деятельность самого массового сектора субъектов культурной политики – муниципальных учреждений культуры. В целом объем полномочий органов местного самоуправления в сфере культурной политики можно условно разделить на девять самостоятельных групп:

- 1) организация библиотечного обслуживания населения поселенческими, межпоселенческими, городскими библиотеками и комплектование их библиотечных фондов;
- 2) создание условий для организации досуга и обеспечения жителей услугами организаций культуры;
- 3) создание условий для развития местного традиционного народного художественного творчества;
- 4) участие в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов;
- 5) охрана и сохранение объектов культурного наследия местного значения;
- 6) создание условий для массового отдыха жителей и организация обустройства мест массового отдыха;
- 7) организация предоставления дополнительного образования;
- 8) формирование и содержание муниципальных архивов;
- 9) право на создание муниципальных музеев.

При разработке, принятии и введении в действие данного Федерального закона в качестве основных целей административной реформы обо-

значались следующие приоритеты, значимые, в том числе для культурной политики:

- приближение власти к населению за счет повсеместного создания в Российской Федерации (если не считать городские округа) муниципальных образований второго уровня – сельских и городских поселений;
- четкое разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти субъектов Федерации, органами местного самоуправления муниципальных образований различных видов – муниципальных районов, сельских и городских поселений;
- разграничение расходных обязательств между уровнями публичной власти, закрепление доходных источников в соответствии с объемом полномочий.

В результате в России сформировалась двухуровневая система местного самоуправления (муниципальные районы и поселения), причем каждый уровень рассматривается как функционирующий автономно от другого и от государственной власти в том числе.

В то же время при реальном воплощении реформы в жизнь и становлении новой системы местного самоуправления возник набор факторов и противоречий, препятствующих ее эффективной реализации. В результате структура муниципальных органов управления в сфере культурной политики Российской Федерации стала крайне разнообразной.

С теоретической точки зрения, передача на уровень поселений полномочий руководства поселенческими учреждениями культуры предполагает повысить роль субъектов социально-культурной деятельности в жизни сельского социума. В действительности же, в условиях инфраструктурных и кадровых ограничений, недостатка финансовых средств у органов местного самоуправления, некоторым муниципалитетам оказалось проблематичным не только решить поставленные задачи, но элементарно сохранить переданные на уровень поселений учреждения культуры.

Таким образом, следует выделить целый комплекс проблем, которыми осложнен процесс формирования эффективной системы управления отраслью «культура».

1. Разрушение вертикали управления стало серьезным препятствием на пути формирования единого культурного пространства, обеспечения мер по реализации государственной культурной политики. Появление интегрированных межотраслевых органов управления привело к ослаблению управленческого потенциала отрасли, невыполнению показателей деятельности муницип-

ципальными учреждениями культуры; сокращение сети учреждений культуры, численности работников отрасли; невыполнение финансовых обязательств (неосвоение средств субсидий из федерального бюджета и бюджетов субъектов Федерации); отсутствие стратегических перспектив развития отрасли на локальном уровне.

2. В большинстве случаев деятельность муниципальных учреждений культуры целиком определяется уровнем управленческой квалификации глав муниципальных образований, многие из которых недооценивают роль учреждений культуры в развитии человеческого капитала и обеспечении социальной стабильности.

3. Осуществление информационно-методической деятельности в сфере культурной политики на уровне муниципальных образований зачастую в значительной степени осложнено исчезновением межпоселенческих учреждений культуры, способных осуществлять методическое руководство деятельностью учреждений культуры, входящих в состав муниципального района.

4. Несоответствие ресурсной базы муниципальных учреждений культуры стоящим перед отраслью задачам и современным потребностям общества.

5. Расплывчатость формулировок полномочий органов местного самоуправления в области культуры.

В связи со сложностью толкования многих норм Федерального закона № 131-ФЗ профильным органом федеральной исполнительной власти были разработаны Методические указания по реализации вопросов местного самоуправления в сфере культуры городских и сельских поселений, муниципальных районов [9]. В данных указаниях разъясняются некоторые понятия, вызывающие наибольшую сложность при толковании, а именно «создание условий для организации досуга и обеспечения жителей услугами организаций культуры» и «создание условий для массового отдыха жителей поселений и организация обустройства мест массового отдыха».

Помимо Федерального закона № 131-ФЗ для реализации культурной политики особую значимость имеет регулирование охраны авторского и смежных прав, права интеллектуальной собственности. Радикальное значение для данных прав имело вступление в силу в 2008 году части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации [10].

Систематизация законодательства об авторском праве и смежных правах и об интеллектуальной собственности в целом, в том числе норм об обязательствах, позволила исключить многочисленные противоречия, расширить

спектр договорных отношений и внедоговорных способов распоряжения исключительными правами, а также унифицировать другие нормы гражданского законодательства о материальных объектах, работах, услугах и привести их в соответствие с другими отраслями права, регулирующими отношения в сфере интеллектуальной собственности. Значимым моментом для многих субъектов культурной политики явилось создание Общероссийской общественной организации «Российское Авторское Общество» – негосударственной некоммерческой организации, созданной авторами и иными правообладателями для осуществления управления авторскими правами на коллективной основе [11].

Выводы. Завершившаяся административная реформа привела к разобщенности субъектов культурного процесса, дифференциации материально-технического оснащения и объемов финансирования учреждений культуры различных форм собственности; ограничила возможности эффективной реализации единой культурной политики. В то же время, помимо действующего федерального, регионального и муниципального законодательства существует ряд фундаментальных концептуальных и стратегических документов, разработка которых велась гораздо позднее принятия основных отраслевых нормативных правовых актов. В результате данные концептуальные документы несут в себе гораздо более актуальные подходы к управлению культурными процессами.

Таким образом, анализ специфики правового подхода к реализации культурной политики в условиях федеративного государства свидетельствует о нахождении Российской Федерации в переходном периоде, когда имеющаяся нормативная правовая база требует корректировки, в первую очередь в части конкретизации норм и положений, закрепляемых за всеми уровнями власти: федеральной, региональной и муниципальной. В то же время достигнуть данной конкретизации возможно только в случае принятия новой редакции Федерального закона о культуре с учетом целей и задач, обозначенных в Основах государственной культурной политики Российской Федерации.

Библиографические ссылки

1. Пронин А. А. российское законодательство в сфере культуры: общая характеристика // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2015. № 3. 75–84 с.
2. Конституция Российской Федерации // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/>.
3. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : федер. закон от 09.10.1992 № 3612-I // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/>.

4. Ивлиев Г. П. культурная политика и развитие законодательства о культуре в Российской Федерации: состояние и развитие. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2012. 48 с
5. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/>.
6. Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/>.
7. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. URL: <http://www.ach.gov.ru> (данные обращения: 30.08.2016).
8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/>.
9. Методические указания по реализации вопросов местного самоуправления в сфере культуры городских и сельских поселений, муниципальных районов: утв. приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 25.05.2006 № 229 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/>.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации: Авторское право. Права, смешанные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69–71 / ред. П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2014., 512 с.
11. Официальный сайт Российского авторского общества. URL: <http://rao.ru> (данные обращения: 20.08.2015).
12. Специфика сибирской идентичности в контексте формирования художественного концепта «Сибирь» в творчестве красноярского художника Антона Довнара / Е. А. Сертакова, Н. А. Сергеева, В. С. Лузан [и др.] // 4-я Междунар. междисциплинар. науч. конф. по общественным наукам и искусству СГЭМ-2017. Серия: Наука и искусство. 2017. С. 371–378.
13. Economic migration in Central Siberia and ethnic conflict risks (based on Krasnoyarsk Krai analysis) / M. A. Kolesnik, N. P. Koptseva, V. S. Luzan [et al.] // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Т. 6, № 5S. P. 104–108.
14. Koptseva N. P., Kirko V. I. Modeling of the basic processes and traditional way of life of indigenous peoples of Krasnoyarsk region (Eastern Siberia) // Life Sci J. 2014. № 11 (10). P. 489–494.
15. Koptseva N. P., Kirko V. I. Modern specificity of legal regulation of cultural development of the Indigenous peoples of the Arctic Siberia under the global transformations // Life Sci J. 2014. № 11 (9). P. 314–319.
16. Koptseva N. P., Kirko V. I. Specificity of ethnogeny indigenous peoples by Central Siberia in the transition from the traditional type of society to modern society // Life Sci J. 2014. № 11 (7). P. 409–413.
17. Koptseva N. P., Kirko V. I. The impact of global transformations on the processes of regional and ethnic identity of indigenous peoples Siberian Arctic // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. № 6 (3). P. 217–224.

18. The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy / N. P. Koptseva, V. S. Luzan, V.A. Razumovskaya, V. I. Kirko // International Journal for the Semiotics of Law. 2016. T. 29, № 2. P. 1–28.
19. Lee H. Branding the design city: cultural policy and creative events in Seoul // International Journal of Cultural Policy. Vol. 21, iss. 1, 1 January 2015. P. 1–19.
20. Phylosophic-artistic analysis of the architectural monument – the mansion of P. I. Gadalov in the city of Krasnoyarks as a method of studying visual arts / V. Luzan, A. Kistova, M. Moskalyuk [et al.] // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference On Social Sciences & Arts Sgem 2017. Ser. «Science and Arts». 2017. P. 355–362.
21. Luzan V. S. Transformation of the role of the state cultural policy in contemporary history of Russia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. № 10 (11). P. 1718–1733.
22. Economic migration in Central Siberia and ethnic conflict risks (based on Krasnoyarsk Krai analysis) / V. S. Luzan, M. A. Kolesnik, N. P. Koptseva [et al.] // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. T. 6. № 5S. P. 104–108.
23. Luzan V. S., Koptseva N. P. Normative legal base of municipal, regional, federal and international levels on support and development of arts and crafts of indigenous small-numbered peoples // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. № 10 (10). P. 1542–1554.
24. Brand-management of Siberian Cities (Krasnoyarsk as a Case Study) / V. S. Luzan, N. P. Koptseva, N. M. Libakova [et al.]. 2016. T. 6, № 5S. P. 185–191.
25. The Content analysis of the Russian Federal and regional basic legislation on the cultural policy / V. S. Luzan, N. P. Koptseva, V. A. Razumovskaya, V. I. Kirko // International Journal for the Semiotics of Law. 2016. T. 29, № 2. P. 1–28.
26. Luzan V. S. Practical aspects of cultural policy in ethnic administrative territorial units // Facets of Culture in the Age of Social Transition: Proceedings of the All-Russian Research Conference with International Participation, KnE Engineering. 2018. P. 99–103.
27. Typological and stylistic analysis as a method of realization of content of the architectural monument of the regional level / M. V. Moskalyuk, V. S. Luzan, A. V. Kistova [et al.] // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6–2. P. 371–378.
28. Specifics of Siberian identity in the context of formation of the artistic concept "Siberia" in the works of Krasnoyarsk artist Anton Dovnar / E. A. Sertakova, N. A. Sergeeva, V. S. Luzan [et al.] // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts Sgem 2017. Ser. «Science and Arts». 2017. P. 371–378.

УДК 659.3:325.1(47+57)

Г. Г. Фастович

*Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Красноярский аграрный университет, Красноярск, Россия*

РОЛЬ ИНСТИТУТА ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассмотрен институт информации как ключевой фактор формирования миграционной политики в современной России. Автор проводит анализ информационного законодательства, выделяя ключевые аспекты становления законодательной базы миграционных процессов, раскрывает виды ответственности за нарушение действующего законодательства. В результате исследования автор приходит к выводам, что эффективная деятельность государственного механизма возможна только при реализации миграционной политики.

Ключевые слова: *миграционная политика, информационное пространство, государство, органы государственной власти.*

G. G. Fastovich

Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

ROLE OF THE INSTITUTE OF INFORMATION IN THE FORMATION OF MIGRATION POLICY OF MODERN RUSSIA: THEORETICAL ASPECT

The article considers the Institute of Information as a key factor in the formation of migration policy in modern Russia. The author analyzes the information legislation, highlighting the key aspects of the formation of the legislative base of migration processes, reveals the types of responsibility for violation of the current legislation. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the effective functioning of the state mechanism is possible only if the migration policy is implemented.

Keywords: *migration policy, information space, state, government bodies.*

Информация как философская и юридическая категория всегда сопровождала человека и его деятельность. Современные миграционные процессы, проходящие в правовом пространстве, трудно представить без информационного сопровождения.

С. И. Ожегов, раскрывая понятие информации, определил ее как сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, а также сведения о положении чего-либо и о состоянии каких-либо дел. Норберт Винер, рассуждая об информации как философской категории, отмечал, что информация – это не энергия или материя, это содержание сообщений, полученных от внешнего мира в процессе нашего с ним взаимодействия и применения эмпирического опыта; по его мнению, информация всегда существует вне человеческого сознания, пронизывая все человеческое бытие. К. Шеннон, Ю. А. Шрейдер, являясь основателями информационной теории, разделив информацию на внутреннюю и внешнюю, считали, что информация – это возможность человека воспринимать и накапливать сведения из внешних источников с учетом собственного опыта и возраста [1]. Фонд ЮНЕСКО определил информацию как универсальную, проникающую во все сферы жизни человека субстанцию, которая служит проводником разнообразных знаний и сведений, а также является инструментом общения, взаимопонимания и сотрудничества, помогает формировать стереотипы мышления и поведения человека.

Миграционная политика является одним из ключевых элементов формирования эффективной деятельности государственного механизма современной России. Нормативно-правовое регулирование отражено в таких базовых актах, как Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 «О концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», Стратегиях социально-экономического развития федеральных округов Российской Федерации (2018 год) и т. д.

В российском праве понятие «информация» впервые было описано в ГК РФ и представляло собой разновидность объекта гражданских прав, которая используется как доказательственное средство и самостоятельный объект гражданско-правовых отношений.

Позже понятие «информация» было закреплено в законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором под информацией понимаются сведения, данные или иные сообщения независимо от формы их предоставления.

После того как понятие «информация» попало в поле зрения законодательного регулирования, оно со временем приобрело различные инструменты правового регулирования и перестало восприниматься в том числе и как деятельность, что привело к формированию информационного права, которое, по утверждению В. А. Копылова, М. М. Рассолова, И. Л. Бачило, В. Н. Лопатина, представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения в информационной среде, и связано с оборотом информационных ресурсов, использованием информации созданием различных информационных систем и обеспечением всестороннего удовлетворения потребностей граждан в информации, с обязательным соблюдением правовых запретов на получение информации, которая является конфиденциальной или составляет государственную тайну. Приведенные выше понятия отражают систематическо-содержательный аспект информации, заключающейся в основном в текстах учебников, книг, официальных документов и иных, в том числе нормативно-правовых, источниках. Систематическая составляющая понятия информации используется при составлении большинства законодательных актов России и зарубежных стран.

Миграционное право представляет собой специфическую отрасль, особым предметом правового регулирования которого выступают миграционные правоотношения, где особое место занимает институт информации, информационные процессы, связанные со сбором созданием и обработкой, а также накоплением, хранением разработкой и применением и идентификационно-информационных технологий и распространением информации [2].

Различные субъекты информационного права, взаимодействуя между собой и другими субъектами, выполняя свою основную функцию по сбору, созданию, накоплению обработке, разработке и применению идентификационно-информационных технологий и способствуя распространению информации, могут сталкиваться с нарушением различных правовых норм в области информационного права, что может повлечь применение различных правовых санкций к субъектам информационного права и иным правонарушителям.

Особенность юридической ответственности в этой области состоит в том, что вид ответственности, применяемый законодателем, зависит от степени тяжести деяний, совершаемых субъектами информационного права. Так, с учетом тяжести деяния может применяться дисциплинарная, гражданско-правовая, административная или уголовная ответственность.

Дисциплинарная ответственность в информационном праве представляет собой наиболее мягкий вид ответственности. Лицо, совершившее дисциплинарный проступок, связанный с непосредственным исполнением своих служебных обязанностей, например при сборе, хранении и обработке информации, несет ответственность в рамках возложенных на него трудовым договором обязанностей, так как дисциплинарная ответственность в информационном праве применяется только в рамках официально оформленных трудовых отношений и реализуется при помощи наложения на виновное лицо дисциплинарных взысканий, таких как замечание, выговор, предупреждение, предупреждение о несоответствии должности или освобождение от замещаемой должности (увольнение) [3].

Перед тем как будет наложено дисциплинарное взыскание, в обязательном порядке проводится рассмотрение совершенного дисциплинарного проступка трудовой комиссией или служебная проверка, если совершившие дисциплинарный проступок лицо является государственным или муниципальным гражданским служащим [4].

Особенность привлечения к дисциплинарной ответственности состоит в том, что она является правом, а не обязанностью работодателя, т. е. не может быть наложена в судебном порядке.

Применение гражданско-правовой, в отличие от дисциплинарной, ответственности связано с тем, что правонарушитель, к которому применяются меры гражданско-правовой ответственности, несет финансово-имущественные потери, связанные с необходимостью выплаты компенсаций лицу, пострадавшему от действий или бездействий правонарушителя.

Гражданско-правовая ответственность носит в первую очередь деликатный характер и может быть реализована в форме возмещения убытков, в виде выплаты компенсации морального и материального вреда, связанных с нарушением имущественных и неимущественных прав, а также с нарушением неприкосновенности частной жизни, например, разглашением тайны усыновления сотрудниками или руководителями органов опеки, загса или иных лиц, ответственных за ее сохранность.

Договорная ответственность как вид гражданско-правовой ответственности может возникать при нарушении положений договора. Гражданско-правовая ответственность наступает при разглашении информации ограниченного доступа, а также в случае воспрепятствования получению необходимой информации гражданином или группой граждан, лицом, ответственным

за сбор, хранение и распространение информации. Возмещение убытков должностными лицами при наступлении гражданско-правовой ответственности осуществляется в судебном порядке.

При возмещении убытков в судебном порядке принимаются во внимание доказательства, связанные с неправомерными действиями или бездействием должностных лиц, справки с расчетом конкретного размера материального или морального вреда, акты различных экспертиз, аудио-, видео- и иные доказательства [2, с. 335].

При применении норм гражданско-правовой ответственности, связанной с неправомерным разглашением информации, доступ к которой ограничен, необходимо учитывать тот факт, что требование возмещения убытков не может быть удовлетворено, если истцом или заявителем выступает лицо, которое умышленно не приняло меры по соблюдению конфиденциальности информации или нарушило установленные законодательством требования о защите информации в случае, если соблюдение и принятие мер, связанных с сохранением информации ограниченного доступа, что составляло прямые обязанности истца или заявителя.

Данное условие применения норм гражданско-правовой ответственности не имеет аналогов в зарубежном законодательстве и было введено в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» после детального изучения российской и зарубежной правоприменительной и судебной практики и норм иностранного законодательства в области сбора, защиты и распространения информации [4].

Административная ответственность в сфере информационного права наступает при совершении административного правонарушения на территории Российской Федерации физическим и юридическим лицом, а также иностранными лицами и лицами без гражданства.

Ответственность за административные правонарушения наступает только при нарушении норм КоАП РФ или норм административных кодексов и законов субъектов РФ. Особенность административной ответственности за нарушения в области информационного права состоит в том, что она может сочетаться с дисциплинарной и гражданско-правовой ответственностью. Основными видами административной ответственности, применяемыми в том числе и для должностных лиц, совершивших различные административные правонарушения, являются штрафы, правовой запрет заниматься

определенной деятельностью (запрет занимать определенные должности), а также административное приостановление деятельности на неопределенный срок. Административная ответственность применяется не только к лицам, занимающим различные государственные должности, но и к интернет-провайдерам, операторам сотовой и телефонной связи, операторам кабельного телевидения, а также к лицам, ответственным за сбор и распространение, хранение и использование в том числе и биометрических персональных данных граждан, а также иным лицам, совершившим административное правонарушение.

Уголовная ответственность в области информационного права наступает при совершении лицом общественно опасных деяний, составы которых закреплены в УК РФ. Общественно опасные деяния, предусмотренные в УК РФ, являются наиболее опасными по сравнению с гражданско-правовыми, дисциплинарными и административными правонарушениями и проступками.

Уголовная ответственность в сфере информационного права наступает за следующие виды общественно опасных деяний: преступления, связанные с нарушением режима конфиденциальности информации; преступления, связанные с нарушением установленных ограничений на распространение информации определенного содержания, за исключением информации, доступ к которой ограничен; преступления, связанные с нарушением права к доступу и получению информации; преступления, связанные с нарушением правил обработки предоставления информации.

Библиографические ссылки

1. Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений) : науч.-практ. пособие / Д. В. Афанасьев, А. С. Ворожечин, М. Е. Глазкова [и др.] ; под общ. ред. М. А. Рожковой. М. : Статут, 2015. 270 с.
2. Лапина М. А., Ревин А. Г., Лапин В. И. Информационное право : учеб. пособие / под ред. И. Ш. Килясханова. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2014. 335 с.
3. Савельев А. И. Комментарий к Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный). М. : Статут, 2015. 320 с.
4. Терещенко Л. К., Стародубова О. Е. Загадки информационного права // Журнал Рос. права. 2017. № 7. С. 156–161.

УДК 316.351

А. И. Филько

Аспирант по направлению «Теория и история культуры» кафедры культурологии и искусствоведении, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ У ДИСПЕРСНО ПРОЖИВАЮЩИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП*

Рассмотрены особенности формирования социальных связей у дисперсно проживающих этнических групп относительно коренных малочисленных народов Севера на примере энецкой этнокультурной группы, не имеющей письменности для родного языка. Обобщаются отечественные и зарубежные исследования в данной области касательно мигрантов и представителей коренных малочисленных народов, сделан акцент на бесписьменных культурах. В результате представлен краткий анализ формирования социальных связей среди представителей энецкой этнокультурной группы, проживающих в посёлке Потапово на территории Красноярского края (полуостров Таймыр).

Ключевые слова: *социальные связи, дисперсно проживающие группы, этнические группы, энцы, бесписьменные культуры.*

A. I. Fil'ko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

FEATURES OF FORMING SOCIAL CONNECTIONS IN DISPERSED ETHNIC GROUPS

This article presents the features of the formation of social ties in ethnic groups that belong to indigenous peoples of the North using the example of ethnocultural groups that do not have written language for their native language. National and foreign studies in this area are discussed. As a result, a brief analysis on the formation of social ties between representatives of the enets ethnocultural group that live in the village Potapovo in the Krasnoyarsk Territory (Taimyr) is presented.

Keywords: *social ties, dispersed groups, ethnic groups, Enets, non-literate cultures.*

© Филько А. И., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90015.
The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90015.

Проблема социальных связей и взаимодействий всегда в первую очередь интересовала социологию. Сегодня этот интерес актуализирован превращением общества в сложную динамическую систему с большим количеством форм взаимодействий между людьми, большей скоростью этих взаимодействий, большей дальностью. Исследователями отмечается развитие средств искусственных коммуникаций, транспорта, связи, а также методов записи, хранения, обработки данных [1]. В современной концепции социальных связей понятие «социальное действие» является центральным. Социальное действие – элементарная единица взаимодействия. В классическом интеракционизме Дж. Мида и Г. Блумера, ролевых теориях, теориях референтных групп говорится о том, что поведение индивида обусловлено тремя основными факторами: структурой личности, ролью и референтной группой.

Значительный вклад в изучение социальных связей вносят сторонники сетевой теории, сетевого анализа. Исследователи отмечают наличие двух основных подходов в сетевой теории: «культурный» («реляционная социология»), представленный работами Г. Уайта, и теория «актор – сеть» Б. Латура и М. Каллона. М. Грановеттер подчеркивает важность изучения социальных связей и сетей [2]. Он разделяет социальные связи на сильные (между индивидом и его ближайшим окружением), слабые (между индивидом и знакомыми) и отсутствующие (в ситуации отсутствия всяких отношений и несущественной значимости). Актуальными в российской и зарубежной практике являются исследования социальных сетей, создаваемых как в реальном, так и в виртуальном пространствах [3–4].

В современной научной литературе представлен широкий спектр исследований, связанных с изучением самых разных аспектов жизни и культуры коренных малочисленных народов, каждый из которых играет важную роль в сохранении этнической идентичности. Можно отметить, что в современной этнографии актуален конструктивистский подход, предложенный норвежским исследователем Ф. Бартом [6], а в отечественной науке – разрабатываемый В. А. Тишковым и Л. М. Дробижевой [7]. Этот подход во многом ориентирован на работы И. Гоффмана: этничность описывается через конструирование взаимодействий.

В области культурной антропологии за рубежом актуальными на сегодняшний день являются исследования, связанные с положением коренных народов в условиях глобальных трансформаций. М. Blaser, Harvey A. Feit, G. McRae изучают то, как воздействуют изменения на образ жизни коренного

населения, а также предлагают проекты по их развитию [8]. В. L. Hall, G. J. S. Dei, D. G. Rosenberg рассматривают культурные знания коренных народов относительно повседневных реалий жизни [9]. Ведется обсуждение современных политических и правовых конфликтов между племенными народами и национальными государствами и усилий по сохранению культуры коренных народов в условиях глобализации [10].

Этнологические исследования в отечественной науке содержат широкий спектр тем, актуальных на сегодняшний день. Так, М. Ю. Мартынова [11] отмечает, что этнологов привлекает изучение разнообразных форм идентичности, в том числе и этнической, причем особое внимание уделяется практической стороне исследований. Ученые Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) активно занимаются исследованиями культуры коренных малочисленных народов. Ведутся исследования воздействия урбанизации на воспроизводство идентичности, культуры и языка [12]. Также актуальны исследования арктического номадизма [13].

Научно-исследовательские работы по изучению коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Красноярского края, проводятся учеными Сибирского федерального университета. Проходит работа над проблематикой глобальных трансформаций и их влияния на коренные народы севера Красноярского края [14; 15].

В настоящее время активно обсуждается представленность языков и культур коренных малочисленных народов в цифровом пространстве [16–18]. В зарубежных исследованиях эта проблема также актуальна [19–21].

Очевидно, что в условиях глобализации бесписьменные народы, которым сложнее сохранить свою самобытность, попали в зону риска исчезновения. Поэтому к культуре таких народов также уделяется особое внимание. О. Н. Иконникова, И. В. Кужарова выделяют культурообусловленные факторы, способствующие сохранению бесписьменной формы языка [22]. Авторы приходят к выводу об обусловленности бесписьменной формы языка культурой по схеме: географическая изолированность – мифологическое сознание – бесписьменная форма существования языка. Т. Б. Агранат поднимает проблему бесписьменных культур и их престижа среди носителей и говорит о том, что в самое последнее время носители языков, не имеющих письменности, стали ощущать себя и свой язык ущербными и связывают гибель языка не с отсутствием его естественной передачи, а с отсутствием его в школьном

обучении [23]. Н. Н. Федина поднимает проблемы сохранения бесписьменной культуры и языка чалканцев, проживающих на Алтае [24]. Среди бесписьменных народов России наибольшее внимание в отечественной академической сфере уделяется этносам Северного Кавказа. По мнению Б. Б. Джамаловой, одним из факторов, способствующих сохранению этнической самобытности неграмотных народов, является национально ориентированное образование с этнокультурным содержанием [25]. При отсутствии письменного языка обучение предлагается проводить на основе материальной культуры этносов.

В зарубежной лингвистике идет речь о свойствах аборигенных бесписьменных языков. Исследования зарубежных авторов касаются, например, нелитературных культур народов ЮАР [26]. Активно ведется разработка способов сохранения бесписьменных языков на цифровых носителях. Gilles Adda с коллегами разрабатывают средства записи для африканских бесписьменных языков банту. Также уделяется внимание возможности развития бесписьменных языков в социальных сетях [27].

Изучение современных малых социальных групп позволяет выявить особенности формирования социальных связей в сложных для адаптации средах. Это позволяет получить новое знание об адаптационных механизмах людей, живущих отдаленно друг от друга и, тем не менее, составляющих крепкие современные сообщества, успешно действующие в современном мире и воспроизводящие культурную память о собственной социальной идентичности.

Энцы – малочисленный народ, не имеющий письменности для родного языка, люди проживают дисперсно, на больших расстояниях друг от друга. Одновременно они имеют крепкие социальные связи и развитые этнокультурные идентичности.

Библиографические ссылки

1. Измайлов И. В., Пойзнер Б. Н. Сложность социальных связей и сингулярность Дьякова Винджа // Вестн. Том. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). Вып. 1. С. 27–32.
2. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
3. Валитов В. Н. Социальные сети российских иммигрантов и коренных жителей // Социологический журнал. 2000. № 1-2. С. 112–120.
4. From misperception to social connection: Correlates and consequences of overestimating others' social connectedness / A. V. Whillans [et al.] // Personality and Social Psychology Bulletin. 2017. Vol. 43, № 12. P. 1696–1711.

5. Wu L., Li L., Evans J. Social connection induces cultural contraction: Evidence from hyperbolic embeddings of social and semantic networks // arXiv preprint arXiv:1807.10216. 2018.
6. Nationalities and CONFLICTING ETHNICITY IN POST-COMMUNIST Russia, United Nations Research Institute for Social Development, Geneva, 1994.
7. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М. : Новый хронограф, 2013 и др.
8. Blaser M., Feit H. A., McRae G. (ed.). In the way of development: Indigenous peoples, life projects and globalization. Idrc, 2004.
9. Dei G. J., Hall B. L., Rosenberg D. G. Indigenous Knowledges in Global contexts: multiple readings of our world. University of Toronto Press, Orders, 5201 Dufferin St., Toronto, Ontario M3H 5T8, Canada, 2000.
10. Coates K., Coates K. S. A global history of indigenous peoples. Palgrave Macmillan UK, 2004.
11. Мартынова М. Ю. Прикладная роль фундаментальной науки: исследования Института этнологии и антропологии РАН последнего десятилетия // Вестн. Антропологии. 2014. №1 (27). С. 147–169.
12. Ефимов В. С., Лаптева А. В., Михайлова Е. И. Влияние урбанизации на процессы сохранения культуры и языка народа Саха: социологический анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 43, № 4. С. 127–134.
13. Головнёв А. В. Кочевники Арктики: стратегии мобильности // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 4. С. 131–140.
14. Замараева Ю. С. Глобальные трансформации, которые переживают индигенные народы Севера // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1882–1882.
15. Koptseva N. P., Kirko V. I. The impact of global transformations on the processes of regional and ethnic identity of indigenous peoples Siberian Arctic // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, № 3 S5. P. 217.
16. Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве // Сборник материалов междунар. конф. (Якутск, 2–4 июля 2008 г.) / сост. Е. И. Кузьмин, Е. В. Плыс. М. : МЦБС, 2010. 448 с.
17. Гендина Н. И., Колкова Н. И. Виртуальные средства межкультурных коммуникаций: сравнительный анализ самоидентификации коренных малочисленных народов на отечественных и зарубежных сайтах // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 33-1.
18. Жожиков А. В., Жожикова С. И. Роль информационных и коммуникационных технологий в сохранении и развитии языков и культур коренных малочисленных народов севера // Педагогическая информатика. 2012. № 5. С. 55–61.
19. Social media and digital technology use among Indigenous young people in Australia: a literature review / E. S. Rice [et al.] // International journal for equity in health. 2016. Vol. 15, № 1. P. 81.
20. Kral I. Talk, text and technology: Literacy and social practice in a remote Indigenous community. Multilingual Matters, 2012. Vol. 14.
21. At home on the outstation: Barriers to home internet in remote indigenous communities / E. Rennie [et al.] // Telecommunications Policy. 2013. Vol. 37, № 6-7. P. 583–593.

22. Иконникова О. Н., Кужарова И. В. О взаимосвязи культуры и бесписьменного языка // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 2.
23. Агранат Т. Б. Новые функции письменности в XXI веке // Языки малочисленных народов России: Устное Vs. Письменное. 2017. С. 5.
24. Федина Н. Н. Бесписьменный чалканский язык // Языки малочисленных народов России: Устное Vs. Письменное. 2017. С. 62–64.
25. Нюдюрмагомедов А. Н., Джамалова Б. Б. Этнокультурное образование для бесписьменных народов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3
26. Breaking the unwritten language barrier: The BULB project / G. Adda [et al.] // Procedia Computer Science. 2016. Vol. 81. P. 8–14.
27. Lillehaugen B. D. Why write in a language that (almost) no one can read? Twitter and the development of written literature. 2016.

УДК 75.047

Т. А. Дмитриева, А. В. Козак

*Аспирант по направлению «Культурология (теория и история культуры)»,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

ОБРАЗ СЕВЕРА В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ЖИВОПИСНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И АРТ-ПРАКТИК)

Объект исследования: живопись А. Осиповой и аудиовизуальные инсталляции и перформансы коллектива TUNDRA.

Предмет исследования: особенности проявления аспектов Севера в творчестве А. Осиповой и коллектива TUNDRA.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей аспектов изображения Севера в современном искусстве (на материале живописи и современных арт-практик).

Одним из самых значительных современных авторов, выработавшим собственную специфику при создании образов коренных народов Сибири, является Анна Афанасьевна Осипова (г. р. 1976), дочь известного художника Афанасия Осипова. А. А. Осипова родилась в Якутии, где окончила Якутское

художественное училище, а также работала преподавателем рисунка и живописи. А. А. Осипова является участником молодых, краевых, российских, международных выставок, членом «Союза художников России».

Коллектив TUNDRA появился в Санкт Петербурге в результате коллаборации музыкальной студии и видеостудии при работе над совместным проектом. Он состоит из музыкантов, программистов и видеохудожников. Коллектив известен работами, которые были представлены на фестивалях мультимедийного искусства в США, Европе, России и Азии. TUNDRA исследует грани взаимодействия звуковых и визуальных образов с человеческими эмоциями.

Актуальность. Несмотря на глобализацию, современные художники проявляют интерес к тематике севера, при этом они используют разные подходы и методы для его изображения. Живопись является традиционным искусством, и мы предположили, что во многом современные живописные работы на тему Севера будут посвящены традициям не только живописным, но и этнографическим. А современные арт-практики будут в большей степени изображать Север не как место проживания коренных народов, имеющих специфическую культуру и традиции, а в качестве непокоренной человеком территории, где силы природы выступают как божественные.

Мы рассмотрели репрезентанты и выделили ключевые аспекты севера, присутствующие в каждом из них:

- 1) природные ландшафты;
- 2) быт коренных народов;
- 3) климатические условия, природные явления;
- 4) мифы;
- 5) флора и фауна.

1. Природные ландшафты

На примере работы «Хомусырыата (Мелодия Хомуса)» можно сделать вывод, что художник принципиально использует в работах топографически точный ландшафтный материал, который черпается из многочисленных творческих экспедиций живописца. В объединении конкретно-географического и мифологического проявляется «космизм» работ А. Осиповой.

Природный ландшафт одинаково значим для всех работ коллектива TUNDRA. Природные звуки и эхо создают ощущение пустынного пространства и бескрайней территории. Во всех работах присутствует мотив дороги, полной препятствий, являющейся указанием на суровую северную природу. На то, что в работе изображен именно северный ландшафт, указывает ряд

маркеров: например, цветовая гамма, которая передает арктические пейзажи, природные звуки (ветра, северных животных). Переливы света создают ощущение мерцания снега на солнце.

Пространство природы в инсталляциях предстает как место испытания.

«The Void» – интерактивная инсталляция, которая представляет собой круг экранов, транслирующих видео и звуковой ряд. Каждое движение и звук, захваченные чувствительным оборудованием, останавливают 360-градусный аудиовизуальный поток вокруг. Зритель может увидеть инсталляцию, только если находится в состоянии покоя.

Глубина звука достигается за счет реверберации и указывает на глубину бескрайнего пространства. Узкие динамические диапазоны, мимолетные мелодичные фигуры и гудящая волнообразная мелодия настраивают на медитативный лад. Слабый звенящий и шелестящий звуки пронизывают всю текстуру мелодии. Изменение настроения достигается за счет ритмических и тембральных сдвигов.

Плоское пространство становится глубинным. Преодолевается четкий ритм вертикальных линий на экране, образующих решетку, которая ограждает зрителя. Острые, словно ледяные, узоры превращаются в ночное звездное небо. Эхо создает глубинность звучания, расширяя пространство вокруг.

Набор сэмплов создает траектории пространства внутреннего мира.

«The Void», т. е. пустота, не втягивает зрителя в темноту, а настраивает на переход в совершенно иное пространство, за пределами которого остается все привычное окружение человека. Произведение требует от зрителя сосредоточенности, готовности совершить путешествие.

2. Быт коренных народов

«Гонки на оленях». В центральной части триптиха «Гонки на оленях» на заднем плане изображено традиционное времяпрепровождение, а на переднем плане представлены коренные жители севера со специфическими этническими чертами и в национальных одеждах. Они выходят за пределы изображения и ориентированы на зрителей. Герои демонстрируют своеобразие характеров и портретную проработку лиц, выражающих разнообразные эмоции.

«Nomad». «Nomad» в переводе означает кочевник. Кочевье – образ жизни северных народов в тундре. В искусстве, обращаясь к северным мотивам, один из часто используемых образов – образ оленевода-кочевника, содержанием жизни которого является поиск новых земель и пастбищ.

В данной работе кочевник – это человек вообще, который находится в вечном пути. Путь кочевника предстает в качестве жизненного пути человека.

Данный перформанс не имеет четкой структуры, она меняется в зависимости от выставочного пространства. Сохраняется лишь набор образов: нисходящее и восходящее движение, транслируемое на экране, контраст хаотичного и упорядоченного движения лучей света прожектора и созвездия, предстающие путеводными звездами кочевников.

Аудиочасть включает холодные мрачные переливы, которые сопровождаются низкими монотонными вставками, ассоциативно отсылающими к шуму ветра, пурги, всплеску волн.

3. Климатические условия, природные явления

В творчестве А. Осиповой значимую роль играет изображение природных явлений. В работе «Хомусырыата (Мелодия Хомуса)» вращение по движению солнца (слева направо) ассоциируется с круговоротом жизненного цикла, с мотивом циклического времени, выражая характерную концепцию хронотопа, заложенную в народном эпосе. Мотив северного сияния и полярной ночи присутствует во всех работах коллектива TUNDRA. Северное сияние предстает волшебным явлением другого мира.

4. Мифология

«Битва». На картине А. Осиповой «Битва» изображены Боги Войны Древнего Египта, шумеров, сцены битвы с древнегреческих росписей на фоне надмогильных камней – менгиров Хакасии. Но главный герой картины находится в тени – это образ Женщины-Богатыря Кыыс Дьибильэ из якутского эпоса «Олонхо». Она пришла на помощь людям Среднего мира в борьбе со злом. На груди у нее символ Жизни – три души Айыы (этот символ присутствует почти в каждой картине А. Осиповой). Орел предстает символом Победы, всадник в маске – символом войны, дерущиеся волки воплощают собой природный инстинкт.

«The Day We Left Field». Инсталляция «The Day We Left Field» состоит из светящихся, прикрепленных к потолку зеленых «травинок». И если сначала они не светятся, а предстают как луговая трава, но только висящая над головой, то, когда в работу вступает свет и цвет, на потолке начинают появляться голубые и зеленые волны и всполохи, которые перерастают в тревожное красное свечение. Все это имитирует северное сияние на темном небе арктической ночи.

В работе происходит столкновение природного (звуков ветра, дождя), человеческого (яркого оранжевого света, ассоциирующегося с пламенем костров, звуков пения и ритмических вставок, напоминающих биение в бубен)

и неземного (синтетических звуков и северного сияния, предстающего в качестве волшебного явления). Считывается мотив шаманизма – ритуала для перехода в иное пространство.

Формируется структура троимирия, присутствующая в северной мифологии. Само использование шаманизма отсылает к мифологии, в которой одним из главных героев является шаман. Название работы направлено на конструирование мифа. Сюжет путешествия, пересечения границ между мирами является архетипическим.

Поле ассоциируется с изобилием и достатком, это место, возделанное человеком, где природа находится в подчинении. Название «День, когда мы покинули поле» можно интерпретировать как необходимость отступить от материального благополучия, которое не несет духовного развития. Север выступает в качестве волшебного пространства для сильных духом. Опыт взаимодействия с работой требует определенной выдержки, выхода из зоны комфорта.

5. Флора и фауна

А. Осипова неоднократно пишет животных (лошадей, диких быков, собак, волков, орлов и др.), связанных с севером территориально и выполняющих сразу несколько функций. С одной стороны, эти животные – верные друзья человека, его поддержка и опора, позволяющая ему выжить в условиях Крайнего Севера. С другой стороны, они – опора Универсума, медиаторы между мирами, часть гармонического сосуществования, олицетворяющая собой природу.

Фауна представлена в инсталляции «My Whale». В отличие от животных, изображенных в работах А. Осиповой, кит олицетворяет собой природу другого мира, неосвоенного человеком. Инсталляция влечет в путешествие в другой мир, в глубь Северного океана. Среди множества звуков присутствует звук варгана, что отсылает к шаманским практикам, переходу в другой мир. Другой мир можно интерпретировать и как внутренний мир человека.

Вывод. Север в творчестве А. Осиповой предстает пространством гармонии человека и мира, во всех аспектах изображения Севера доминантным является мотив обращения к традициям коренных народов.

В работах коллектива TUNDRA также прослеживается мотив отношения человека и природы, но Север предстает в качестве пространства испытания силы духа, незнакомого мира, где стирается граница между земным и космическим. Взаимодействие с этим миром способно трансформировать человека, если он готов выйти из зоны комфорта, из ограниченного мира материального благополучия, в неосвоенное бескрайнее пространство севера.

Библиографические ссылки

1. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Пропозиции теории изобразительного искусства. Красноярск, 2004.
2. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Декоративно-прикладное искусства коренных народов, проживающих на территории Эвенкийского и Таймырского муниципальных районов // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 72–92.
3. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 20–40.
4. Кистова А. В., Пименова Н. Н., Букова М. И. Современное состояние декоративно-прикладного искусства эвенков – коренных народов Сибирской Арктики // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 49–56.
5. Кистова А. В., Тамаровская А. Н. Развитие визуального мышления у обучающихся детских художественных школ в процессе изучения творчества Ирины Верпеты // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 4 (12). С. 8–24.
6. Колесник М. А., Ситникова А. А. Модель развития декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 42–59.
7. Копцева Н. П., Кистова А. В., Пименова Н. Н. Культура детства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (на материале полевых исследований чулымской этнокультурной группы в Тюхтетском районе Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 422.
8. Лещинская Н. М. Этнокультурное развитие энцев // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 6–19.
9. Лобакова Н. М., Сертакова Е. А. Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 6–22.
10. Лузан В. С., Авдеева Ю. Н. Нормативно-правовая база для регулирования состояния декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 60–71.
11. Новая арт-критика на берегах Енисея. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015.
12. Новое сибирское китаеведение. Базовые концепты китайской культуры. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018.
13. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018.
14. Пименова Н. Н. Психология художественного творчества как система знаний о закономерностях развития души посредством художественного творчества: разработка учебного курса // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 10. С. 86–100.
15. Резникова К. В. «Снежная королева» как художественная интерпретация северного мифа «Хроника Ура Ланда» // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 824.
16. Резникова К. В. Специфика языков самодийской группы, включая ненецкий и энецкий языки // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 62–82.

17. Резникова К. В., Середкина Н. Н., Замараева Ю. С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 23–41.
18. Религиозные воззрения коренных народов Таймыра / А. В. Кистова, Н. Н. Пименова, А. А. Ситникова [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 48–62.
19. Роль религии в сохранении традиционного образа жизни эвенков / Ю. С. Замараева, В. С. Лузан, С. В. Метляева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 34–47.
20. Ситникова А. А. Рецензия на книгу «Красноярский архитектор Леонид Чернышев» // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 1. С. 95–100.
21. Ситникова А. А. Художественная интерпретация образа жизни на севере в произведениях Рокуэлла Кента // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 593.
22. Смолина М. Г. Образ кетов в произведениях Д. И. Каратанова // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 4 (12). С. 65–85.
23. Смолина М. Г., Колесник М. А. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 41–53.
24. Специфика религиозного сознания кетов и селькупов в контексте культурного и исторического развития / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 63–80.
25. Analysis of the illustrations by Ivan Eakovlevich Bilibin (1876–1942) to russian fairy tales / M. A. Kolesnik, N. P. Koptseva, N. M. Libakova [et al.] // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-2. С. 3–10.
26. Bukova M. I., Kistova A. V., Pimenova N. N. Ecological social values characteristics of various demographic groups of the Krasnoyarsk territory // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Vol. 10, № 9. С. 1308–1326.
27. Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists / M. A. Amosova, N. P. Koptseva, A. A. Sitnikova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 8. С. 1524–1551.
28. Ethnocultural space of Krasnoyarsk krai: the current state / K. V. Reznikova, N. N. Pimenova, A. V. Kistova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 8. С. 1552–1567.
29. Kistova A. V., Pimenova N. N. Historiography of Ket language // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Vol. 11, № 4. С. 534–545.
30. Kolesnik M. A., Libakova N. M., Sertakova E. A. Art education as a way of preserving the traditional ethnocultural identity of indigenous minority peoples from the North, Siberia and the Far East // Novosibirsk State Pedagogical University Bull. 2018. Vol. 8, № 4. С. 233–247.
31. Religion of Dolgans, Nganasans, Nenets and Enets / A. V. Kistova, N. N. Pimenova, K. V. Reznikova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 5. С. 791–811.
32. Sitnikova A. A., Pimenova N. N., Filko A. I. Pedagogical approaches to teaching and adaptation of indigenous minority peoples of the north in higher educational institutions // Novosibirsk State Pedagogical University Bull. 2018. Vol. 8, № 4. С. 26–45.

33. Sitnikova A. A., Zhukovskaia L. N. Visualization of the essence (about the creative work of the artist Vladimir Zhukovsky) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 8, № 1. С. 137–144.
34. Sitnikova A. A., Zhukovsky V. I. Visualization of the concept of state in the architecture of the Moscow cathedral of the intercession on the moat (1555–1561) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Vol. 11, № 9. С. 1513–1528.
35. Specifics of Siberian identity in the context of formation of the artistic concept "Siberia" in the works of Krasnoyarsk artist Anton Dovnar / M. A. Kolesnik, V. S. Luzan, N. M. Libakova [et al.] // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-1. С. 371–378.

УДК 316.728:39(=1-81)

К. А. Дегтяренко

*Аспирант по направлению «Теория и история искусства»,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И КОРЕННЫХ НАРОДОВ*

Рассмотрено значение культурной памяти в процессе формирования этнокультурной идентичности. Обобщены результаты анализа современных и классических исследований в области памяти.

Ключевые слова: культурная память, этнокультурная идентичность, «места памяти», артефакты памяти, музеелизация.

K. A. Degtyarenko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE RESEARCH OF ETHNIC AND CULTURAL IDENTITY OF INDIGENOUS PEOPLES

This article indicates the importance of cultural memory in the process of the formation of ethnocultural identity. The results of the analysis of modern and classical studies in the field of memory are summarized.

Keywords: cultural memory, ethnocultural identity, "places of memory", artifacts of memory, museumization.

© Дегтяренко К. А., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90012.
The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90012.

Рассмотрение культурной памяти как одного из способов конструирования этнокультурной идентичности, воссоздания целостного представления об этническом своеобразии того или иного народа не теряет своей актуальности.

В начале XX века появляются важнейшие работы ученых в области изучения памяти, создавшие прочный фундамент для исследований культурной памяти и в настоящее время.

Морис Хальбвакс, продолжатель традиций социологической школы Э. Дюркгейма, известен своими работами, в которых поднимает проблемы коллективной памяти («Социальные основы памяти», 1925; «Коллективная память», 1950). Ученый рассматривает коллективную и индивидуальную память, уделяя большое внимание их специфике и характеру соотношения, поднимает вопрос несовпадения коллективной памяти и истории, делает попытки определить способы функционирования коллективной памяти в социальных структурах.

Уже другой ученый, немецкий историк искусства Аби Варбург, в 1920-е годы становится автором такого термина как «социальная память», раскрывающегося в совокупности произведений европейского искусства, богатом культурном наследии Европы в своей опосредованности.

Идеи М. Хальбвакса и А. Варбурга имеют продолжение в работах Яна Ассмана, который, исследуя в 90-х годах XX века связь культуры и воспоминаний, вводит в научный оборот понятие «культурная память». Ученый различает культурную память и коммуникативную, где последняя явлена некими воспоминаниями о недалеком прошлом, которые проявляются в каждом человеке в рамках его отношений с современниками, а также имеют отражение в устной традиции. Культурной памятью Я. Ассмана трактуется память о далеком прошлом, мифологических первоосновах, носителями которой являются узкие специалисты, хранители традиций; культурная память выступает некой моделью передачи культурных смыслов, их актуализация. Культурная память имеет проявление в текстах, изображениях, монументальной архитектуре, а также ритуальных и сакральных действиях. Таким образом, культурная память, по мнению Я. Ассмана, является собой непрерывный процесс, в котором любая культура, социальная группа конструирует свою идентичность, воссоздавая собственное прошлое.

Алейда Ассман в работах, посвященных исследованию памяти, говорит о двух видах культурной памяти: 1) функциональной, в рамках которой продолжительность существования воспоминаний зависит главным образом

от повторяемости, когда задействуются символические практики, традиции, ритуальные действия и др.; 2) накопительной (сохраняемой), раскрывающейся через материальное представление воспоминаний в виде книг, фильмов, произведений искусства, архивов, музеев и др.

В 1980-х годах французский исследователь Пьер Нора, разрабатывая концепцию «мест памяти», затрагивает проблему потери в эпоху постмодерна знания того, что из прошлого важно сохранять в настоящем. Автор исследует процесс сохранения любых материальных знаков (мест, вещей, событий, ритуалов, символов и т. д.), так или иначе доказывающих реальность нашего прошлого и настоящего. В фокус внимания П. Нора попадает все то, что является механизмом конструирования коллективной памяти, решает задачу расширения значения памяти и ее институционализации – масштабное увеличение количества музеев, библиотек, архивов, баз данных и т. д. Теория Нора, позволяющая определить значимость и специфику конструирования памяти, проявляет и динамику развития культуры во времени, изменение представлений общества о своей культуре в конкретные периоды истории, влияние памяти на процессы культурной идентичности и самоидентификации.

Жак Ле Гофф акцентирует внимание на новой истории, формирующей научную историю на основе коллективной памяти. Предлагая использовать термин «революция памяти», исследователь указывает и на необходимость отказа от линейного понимания времени. Память в рамках концепции Ле Гоффа функционирует вокруг нескольких фундаментальных осей: актуальная современная проблематика и ретроспективный подход. Иначе говоря, история должна формироваться на основе «мест» коллективной памяти (о которых говорил Нора) и на основе подлинных мест истории, где последние представляют собой не места, где можно отыскать способы выработки и результаты функционирования коллективной памяти, а ее создателей: исторические личности, общности, общественные и политические круги, государства, наделенные историческим опытом; поколения, создающие свои архивы с целью их разнообразного использования в зависимости от отношения к памяти.

Отто Герхард Эксле, обращаясь к термину «история памяти», демонстрирует масштабы различия способов включения памяти в нашу жизнь. В первую очередь речь идет о неизбежной субъективности исторического познания, когда историк вовлечен в процесс познания и, так или иначе, пе-

реносит свой культурный опыт на ход и результаты исследования (рефлексия образов прошлого через настоящее). Наряду с трудами историков мы получаем субъективное видение истории памяти в виде произведений искусства, архитектуры, кинематографа и т. д. Еще одним полем для «истории памяти» является то, что принято называть «политикой воспоминаний», или «политикой по отношению к прошлому», широко распространившейся в Германии. И, разумеется, еще одной формой «истории памяти» являются «места памяти», о которых говорилось выше, а также сами актеры истории (личности, даты, события).

Развивается концепция «мест памяти» в работе словакского исследователя А. Курхайцевой (А. Kurhajcová, 2013), в которой автор рассматривает места памяти в нескольких разных этнолингвистических микропространствах и в публичном пространстве нескольких районов Словакии. Восстанавливая символический аспект мест памяти и связанные с ними установки, идеи и ценности, автор раскрывает цель таких начинаний, а также функции и формы исторической памяти.

Дэвид Лоуэнталь в своем исследовании говорит о заимствовании современной культурой прошлого, где последнее предстает в качестве оберегаемого наследия, которое адаптируется под нужды современного общества. И если прошлое при этом является, по мнению автора, «чужой страной», то повторно включенное в современный социальный контекст и обновленное наследие выглядит родным и привычным.

Немецкий историк Руди Кошар, исследуя артефакты немецкой памяти 1870–1990 годов, выдвигает положение о том, что коллективная память строится на культурных памятниках, руинах, реконструированных объектах, получая некий собирательный образ, коллаж, который раскрывает модели национальных идентичностей, меняющихся в зависимости от эпохи. А Патрик Хаттон подчеркивает факт того, что поиски прошлого в современной культуре призваны помочь в процессе самоидентификации индивида.

Такие современные исследователи, как З. А. Овчинникова, И. В. Андреева, П. И. Менш и др., обращаясь к проблеме культурной памяти, указывают на кризис, переживаемый обществом в современном социокультурном пространстве, связанный с размытием и деформацией культурной памяти. Преодолеть такой кризис, по мнению ученых, возможно с помощью институционализации памяти.

Это объясняется тем, что, осуществляя задачу включения артефактов культурной памяти в актуальное пространство, институт музеев выполняет ряд принципиально важных социокультурных функций. Помимо сохранения и трансляции культурного опыта, к ним можно отнести идеологическую, научно-просветительскую, аксиологическую, воспитательную, документирующую, функцию информационного обеспечения научно-исследовательского процесса, интерпретации культурного наследия, стабилизации культурного пространства и обеспечение разного рода идентичности индивидов (социальной, культурной, этнической).

Кроме того, большое количество современных исследователей активно применяет в своих работах такой комплексный феномен как «музеелизация», вбирающий в себя множество значений и смыслов, которыми могут быть наделены предметы в конкретном обществе, в конкретный период. Более того, существует также убеждение об отсутствии у предметов «врожденной» ценности: смыслы и ценности предмета культурно обусловлены, т. е. зависят от выполнения предметом определенных функций в определенном обществе.

Таким образом, культурная память выступает одним из ключевых механизмов формирования идентичности, где конструирование этнокультурной идентичности являет собой сложнейший процесс, складывающийся внутри самого индивида или общности при непосредственном влиянии различных внешних факторов, социокультурных и политических условий. Современное социокультурное пространство проявляет бесконечное множество форм, раскрывающих культурную память, где прошлое представлено в виде комплекса ценностей и смыслов, находящегося в постоянном процессе актуализации, и задающего для индивида основы формирования этнокультурного самосознания.

Библиографические ссылки

1. Андреева И. В. Музеи, библиотеки, архивы: возврат к целостности или сохранение идентичности? // Вестн. культуры и искусств. № 2 (54). 2018. С. 66–79.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности : пер. с нем. М., 2004. С. 65.
4. Жак Ле Гофф. История и память. М. : РОССПЭН, 2013. 303 с.
5. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Пропозиции теории изобразительного искусства. Красноярск, 2004.

6. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Декоративно-прикладное искусства коренных народов, проживающих на территории Эвенкийского и Таймырского муниципальных районов // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 72–92.
7. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 20–40.
8. Кистова А. В., Пименова Н. Н., Букова М. И. Современное состояние декоративно-прикладного искусства эвенков – коренных народов Сибирской Арктики // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 49–56.
9. Кистова А. В., Тамаровская А. Н. Развитие визуального мышления у обучающихся детских художественных школ в процессе изучения творчества Ирины Верпеты // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 4 (12). С. 8–24.
10. Колесник М. А., Ситникова А. А. Модель развития декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 42–59.
11. Копцева Н. П., Кистова А. В., Пименова Н. Н. Культура детства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (на материале полевых исследований чулымской этнокультурной группы в Тюхтетском районе Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 422.
12. Лещинская Н. М. Этнокультурное развитие энцев // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 6–19.
13. Лобакова Н. М., Сертакова Е. А. Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 6–22.
14. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб., 2004.
15. Лузан В. С., Авдеева Ю. Н. Нормативно-правовая база для регулирования состояния декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 60–71.
16. Менш П. И. Значение: функциональная идентичность артефактов // Вопросы музеологии. № 1 (9). 2014. С. 177–192.
17. Новая арт-критика на берегах Енисея. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015.
18. Новое сибирское китаеведение. Базовые концепты китайской культуры. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018.
19. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018.
20. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41).
21. Овчинникова З. А. Роль музеев в формировании, поддержке и трансляции исторической и культурной памяти // Вестн. культуры и искусств. № 1 (53). 2018. С. 82–92.
22. Пименова Н. Н. Психология художественного творчества как система знаний о закономерностях развития души посредством художественного творчества: разработка учебного курса // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 10. С. 86–100.
23. Резникова К. В. «Снежная королева» как художественная интерпретация северного мифа «Хроника Ура Ланда» // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 824.

24. Резникова К. В. Специфика языков самодийской группы, включая ненецкий и энецкий языки // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 62–82.
25. Резникова К. В., Середкина Н. Н., Замаева Ю. С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3 (10). С. 23–41.
26. Религиозные воззрения коренных народов Таймыра / А. В. Кистова, Н. Н. Пименова, А. А. Ситникова [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 48–62.
27. Роль религии в сохранении традиционного образа жизни эвенков / Ю. С. Замаева, В. С. Лузан, С. В. Метляева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 34–47.
28. Ситникова А. А. Рецензия на книгу «Красноярский архитектор Леонид Чернышев» // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 1. С. 95–100.
29. Ситникова А. А. Художественная интерпретация образа жизни на севере в произведениях Рокуэлла Кента // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 593.
30. Смолина М. Г. Образ кетов в произведениях Д. И. Каратанова // Сибирский антропологический журнал. 2019. № 4 (12). С. 65–85.
31. Смолина М. Г., Колесник М. А. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 41–53.
32. Специфика религиозного сознания кетов и селькупов в контексте культурного и исторического развития / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 63–80.
33. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3 (40/41). С. 8–27.
34. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Новое изд-во, 2007.
35. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб. : Владимир Даль, 2003.
36. Analysis of the illustrations by Ivan Eakovlevich Bilibin (1876–1942) to russian fairy tales / М. А. Kolesnik, N. P. Koptseva, N. M. Libakova [et al.] // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-2. С. 3–10.
37. Bukova M. I., Kistova A. V., Pimenova N. N. Ecological social values characteristics of various demographic groups of the Krasnoyarsk Territory // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. Vol. 10, № 9. С. 1308–1326.
38. Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists / М. А. Amosova, N. P. Koptseva, А. А. Sitnikova [et al.] // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Vol. 12, № 8. С. 1524–1551.
39. Ethnocultural space of Krasnoyarsk krai: the current state / К. В. Reznikova, N. N. Pimenova, А. В. Kistova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 8. С. 1552–1567.
40. Kistova A. V., Pimenova N. N. Historiography of Ket language // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Vol. 11, № 4. С. 534–545.
41. Kolesnik M. A., Libakova N. M., Sertakova E. A. Art education as a way of preserving the traditional ethnocultural identity of indigenous minority peoples from the North, Siberia and the Far East // Novosibirsk State Pedagogical University Bull. 2018. Vol. 8, № 4. С. 233–247.

42. Koshar R. *From Monuments to Traces: Artifacts of German Memory, 1870–1990*. University of California Press, 2000.
43. Religion of Dolgans, Nganasans, Nenets and Enets / A. V. Kistova, N. N. Pimenova, K. V. Reznikova [et al.] // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. Vol. 12, № 5. С. 791–811.
44. Sitnikova A. A., Pimenova N. N., Filko A. I. Pedagogical approaches to teaching and adaptation of indigenous minority peoples of the north in higher educational institutions // *Novosibirsk State Pedagogical University Bull.* 2018. Vol. 8, № 4. С. 26–45.
45. Sitnikova A. A., Zhukovskaia L. N. Visualization of the essence (about the creative work of the artist Vladimir Zhukovsky) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. Vol. 8, № 1. С. 137–144.
46. Sitnikova A. A., Zhukovsky V. I. Visualization of the concept of state in the architecture of the Moscow cathedral of the intercession on the moat (1555–1561) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2018. Vol. 11, № 9. С. 1513–1528.
47. Specifics of Siberian identity in the context of formation of the artistic concept "Siberia" in the works of Krasnoyarsk artist Anton Dovnar / M. A. Kolesnik, V. S. Luzan, N. M. Libakova [et al.] // *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts*. 2017. № 6-1. С. 371–378.

СЕКЦИЯ 5

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И ЭТНИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

УДК 314.113-054(571.1/.5)

В. М. Гревнев

Аспирант кафедры философии и культурологии, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия

СИБИРСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФОРМА ПОЗИТИВНОЙ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В СФЕРАХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Гражданская идентичность русской нации вырастает из идентичности региональной, зиждущейся, в свою очередь, на идентичности национальной, которые вместе и каждая по отдельности представляют собой сложную комбинацию непрерывно взаимодействующих социокультурных кодов, образующих единую ментальную матрицу. В процессах этнической миграции на территории Красноярского края региональная идентичность выполняет функцию регулятора межкультурных отношений, позитивно влияя на адаптацию и интеграцию мигрантов в принимающем обществе, способствует установлению сотрудничества с институтами гражданского общества и органами власти.

Ключевые слова: *антропологическая матрица, региональная идентичность, Сибирь, этническая миграция, этнокультурные объединения.*

V. M. Grevnev

*Saint Petersburg State University of Humanities University of Trade Unions,
Saint Petersburg, Russia*

SIBERIAN REGIONAL IDENTITY AS A FORM OF POSITIVE CONVENTIONALITY IN THE AREAS OF INTERETHNIC INTERACTION AND MIGRATION POLICY

Civic identity of the Russian nation is rooted in regional identity which in its turn is based on national identity, all three of which are a complex combination of constantly interacting sociocultural codes, forming a unified mental matrix. Regional identity performs the function of regulation of intercultural relations in the processes of ethnic migration on the territory of Krasnoyarsk region, positively affecting migrants' adaptation and integration into the host society, which enhances cooperation with the institutes of the civic society and administrative bodies.

Keywords: *anthropological matrix, regional identity, Siberia, ethnic migration, ethnocultural unity.*

Социально-антропологические особенности Сибири, включая национально-этническую ментальность коллективного субъекта, именуемого «сибиряки», а также психологические установки жителей Сибири, в которых реализуется понятие «сибирский характер», – представляют собой элементы концептосферы сибирской региональной идентичности.

Научный интерес к проблематике региональной идентичности актуализируется на фоне социально-политических процессов современности, в числе которых переформатирование системы внутрисистемных и межгосударственных отношений, политическая конъюнктура, развитие гражданского общества и гражданской инициативы. *Тенденции развития культурологического знания, фундированные анализом консолидирующего потенциала этнокультурных традиций и общественных формирований в контексте российского социума, обуславливают реализацию в актуальном пространстве региональной и общероссийской культуры антропотворческих, идентификационных, социализирующих, адаптационных и компенсаторных принципов гармонизации общества, положительно воздействующих в том числе и на процессы миграции.*

Возьму на себя смелость назваться сторонником социокультурной концепции «сибирства», признающим реальность существования идентичности сибиряков как особой общественной страты, прекрасно сознавая, что в ряде случаев речь идёт о конструктах (политических, идеологических и маркетинговых), порождённых человеческим разумом в прикладных, узкоспециальных целях. Региональная идентичность (в нашем случае сибирская, или красноярская) зиждется на базовых основаниях, относящихся к формо- и смыслообразующим факторам, входящим в антропотворческий и культуротворческий репертуар этнокультурных объединений (которых в Красноярском крае, кстати сказать, насчитывается не менее 90), служащий установлению и поддержанию гражданского мира, строительству гражданского общества, установлению этнической толерантности, противодействию экстремизму.

Автор доклада придерживается идеи о том, что «совокупность российских идентичностей регионов создает "метапотенциал" страны», в результате чего «вместе с региональной идентичностью укрепляется общегражданская» [1], находя ее плодотворной и обнаруживая в ней подтверждение тезиса о неразрывности связи универсального (общероссийского) и уникального (сибирского) контекстов российской ментальности.

Идентичность, как ее толкует Хажисмель Тхагапсоев, есть «мера определенности и форма предикации структурно-процессной, количественно-

качественной и пространственно-временной определенности и самоидентифицируемости вещи (материальной, идеальной, материально-идеальной) и отношений вещей» [2]. В трактовке Владимира Малахова, так же как и Тхагапсоева, причисляющего идентичность к философским категориям, идентичность «есть не свойство (нечто присущее индивиду изначально), но отношение», поскольку «она формируется <...> только в ходе социального взаимодействия» [3].

Территориальная (региональная) идентичность есть «системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием "малая родина", в которой "сочетаются аспекты собственно пространства и аспекты внутренней энергетики, "местный патриотизм"». Представляя собой сложную комбинацию персональной и социальной идентичностей, территориальная идентичность находится в постоянном взаимодействии с другими формами идентичностей, более того, образует с ними устойчивые духовно-ментальные комплексы.

Формирование региональной идентичности в Сибири происходило одновременно с ее социально-политическим и экономическим освоением. В XVII–XVIII веках процесс русской колонизации Сибири сопровождался формированием постоянного населения, созданием нового «кормящего ландшафта». Суровые факторы среды трансформировали прежние традиции в экономике, социальной жизни, культуре. В истории сибирского переселенчества, если говорить о психологической и физической адаптации, это был самый тяжёлый период.

Тем не менее процесс социализации и усвоения традиционных ценностей сибирской крестьянской общины воспринимался новоселами как должное, даже с некоторым энтузиазмом. Благодаря подражанию определённым образцам поведения, следованию примеру, трансформируются прежние установки поведения, меняется структура ценностей субъективной картины мира, формируется новое самосознание».

Из этого следует, что идентичность старожилов Сибири, как утверждает Б. Е. Андюсев, воспроизводилась на основе социализирующего подражания, которое осуществлялось в том числе и «под принуждением общественного мнения» [4]. Обретение сибирской идентичности вдобавок к русской, свидетельствует о формировании у сибиряков специфического двойственного самосознания, сочетающего два типа идентичности: русской этнической и субэтнической сибирской. Борис Андюсев констатирует: «Наличие специ-

фического самосознания является подтверждением завершения психологической адаптации и новой идентификации в составе коренного сибирского старожильческого населения с эндоэтнонимом "сибиряк"».

По данным Василия Степынина, в позапрошлом веке период хозяйственной адаптации длился около 7 лет. Борис Андюсев считает, что формирование старожильческого социума (когорты) длилось от 25 до 50 лет, – таков период полной экономической, социальной и психологической адаптации переселенцев, а также обретения сибирской идентификации вдобавок к имеющейся этнической (включая, разумеется, и мигрантов).

В 1960-е годы советские медики и антропологи заявили о наличии у русских старожилков приспособительной изменчивости. Таким образом, впервые в науке русские старожилы были выделены в «особую сибирскую ветвь русского народа». В результате исследований было выяснено, что «русские Сибири, несмотря на то, что пришли из разных районов России и в одних случаях смешивались с местным населением, а в других нет, характеризуются некоторыми общими чертами. Размах колебаний признаков в сибирских группах в полтора раза меньше, чем у русских европейской территории страны; каждая категория русского сибирского населения имеет свойственные только ей черты». К сожалению, мы не располагаем данными о подобного рода исследованиях среди представителей неславянских этносов (за исключением коренных народов Сибири).

По данным Ростислава Туровского, *«региональная самоидентификация более характерна для периферийных территорий, которые ощущают себя особой частью России. Самый яркий пример – Сибирь, можно также говорить об уральской, дальневосточной идентификации. В Европейской части России этот тип идентификации выражен слабо»* [5]. Содружество сибирских этносов обеспечивается доминирующей в сознании сибиряков социокультурной самоидентификацией, интегративной по своей глубинной сути. Это подтверждает известное суждение о том, что «только уверенность в своей собственной позитивной групповой идентичности может дать основание для уважения других групп и выражение готовности обмена идеями или участия в совместной деятельности» (Берри Дж., 1984).

Для сибирской идентичности основополагающими ценностями, как свидетельствует Марина Жигунова, являются: историческая, особый менталитет и психологические особенности (сибирский характер), этническая и конфессиональная толерантность [6]. С этой точки зрения, вполне оправ-

данным представляется утверждение о том, что «красноярцы – это особая социально-экономическая категория. Свыше 70 % предпочитают проводить досуг на своей земле. Для красноярцев характерно уникальное экологическое мышление. Здесь <...> интеллигенты с течением времени превращаются в таёжников, охотников, рыболовов. Это особое сознание, которое земля порождает сама по себе» [7].

В становлении сибирской ментальности существенную роль сыграли климатические условия Сибири и ее просторы, а также, безусловно, условия и обстоятельства фронта (порубежья). В числе факторов формирования сибирского характера присутствуют «демократичность, установившаяся в межличностных отношениях» По мнению А. О. Бороноева, «в результате адаптации сформировалось особое экологическое сознание и верования населения, традиции природопользования, пространство жилья. Суровость климата научили население ценить общение, формировали коллективистские представления, которые стали основой сибирской ментальности» [8]. Таким образом, сибирство – это явление, характеризующее специфику отношения к окружающей среде, социально-трудовую практику населения, проявление социальной памяти, формирование жизненных стратегий.

Старожильская часть населения Сибири, кроме русских, представлена 158 этносами. О том, насколько основательным был и остается вклад этносов России (и СССР) в социально-культурную и экономическую сферу региона, можно, в частности, судить по результатам деятельности евреев. Лилии Кальминой принадлежит высказывание: «Русские по языку и привычкам, сибиряки по менталитету, с непринужденностью "вписавшиеся" в образ жизни окружающего общества, они оставались евреями, считавшими своим долгом заботиться о сохранении национального духа» [9].

Сибирские евреи к началу XX века, безболезненно «влившись в общество, стали одним из компонентов сибирского социума, сохранив при этом свою национально-конфессиональную идентичность и сумев не перейти грань между аккультурацией и ассимиляцией». Кстати, первым этнокультурным объединением Красноярского края, зарегистрированным в период перестройки (1989), была еврейская национально-культурная автономия «Гаскала», что свидетельствует об еврейской социальной ангажированности, долгие годы пребывавшей в латентном состоянии.

Опираясь на мнение Н. М. Чуринова («Идеология интернационализма», 2008), Ирина Лысенко делает вывод, что «равенство между этническими

общностями возможно в том случае, если они более или менее равны количественно» [10]. В иных случаях «компетенции в деле обеспечения жизнеспособности общества перераспределяются в сторону более многочисленного этноса. Это значит, что более многочисленный этнос должен брать в свои руки ответственность за судьбу страны». В контексте межэтнических отношений это означает, что русский этнос, будучи самым многочисленным, выполняет в обществе особую – объединительную функцию. Практически о том же пишет и Д. С. Самойлов: «Интеллектуальное ядро великих народов, в том числе и русского, остается в наше время единственным критерием нравственного состояния мира. Это ядро – хранитель культурной и нравственной преемственности. У больших народов – бóльшая ответственность». Становлению сибирства способствовали «наличие доминирующего этноса как особого культурного ядра, скрепленного определенной религией, традициями, нравственностью, открытостью по отношению к коренным народам Сибири, при отсутствии идеологии расовой предубежденности» [11].

Современные специалисты, изучающие провинциальную культуру, отмечают в ней следующие черты (в полной мере свойственные и сибирской культуре): «культурно-цивилизационную и духовно-нравственную целостность; традиционность и социально-политическую стабильность; территориальную общность населения и развитие местного самосознания, раскрываемые на уровне массовой психологии в виде мифологем, традиций, легенд, свойственных только данной территории; особый бытовой уклад; «непроницаемость», – из-за которых понять сущностное ядро провинциальной культуры во всей его полноте могут лишь люди, выросшие и воспитанные в этой среде».

Формулируя сущность духовных оснований русской цивилизации, А. П. Марков отдельным пунктом выводит «референтную антропологическую матрицу русской духовности», представленную «героями отечественной литературы, персонифицирующими ключевые <...> смыслы бытия; политическими и общественными деятелями, демонстрирующими своей судьбой базовые ценности русской культуры; образами православных святых, максимально полно воплотивших в своей биографии онтологическую природу и экзистенциальную полноту личностного бытия» [12].

Список положительно референтных личностей и групп Сибири весьма обширен и представлен людьми, чьи референтность и популярность, безусловно, переросли границы региона. Приведем несколько примеров из истории и со-

временности Красноярского края, воспринимаемых населением России еще и как образцы гражданственности и духовной преемственности, душевной щедрости, мудрости и личностной цельности: сибирский первомученик, св. Василий Мангазейский и профессор медицины, архиепископ В. Ф. Войно-Ясенецкий (св. Лука), основатель Красноярского острога воевода А. А. Дубенский и первый секретарь крайкома КПСС (1970–1987) П. С. Федирко, художники В. И. Суриков и А. Г. Поздеев, архитекторы В. А. Соколовский и А. С. Демирханов, писатели Т. М. Бондарев и В. П. Астафьев, оперные певцы П. И. Слоцов и Д. А. Хворостовский, борец И. С. Ярыгин. Референтная антропологическая матрица Красноярья включает в себя, разумеется, и бойцов победоносных Сибирских дивизий Великой Отечественной войны, и героев Алсиба («Аляска – Сибирь»), воздушного моста между США и СССР, созданного в 1942 году для транспортировки американских самолетов и стратегических грузов.

Результаты этносоциологических исследований последних 20 лет в Сибири (и отдельно в Красноярском крае) убедительно демонстрируют высокие показатели сибирской идентичности. По данным Н. В. Сверкуновой (1996), территориальная идентичность определялась отождествлением себя с категорией "сибиряк" [13]. Считают себя сибиряками 87,2 % от числа опрошенных. В 2000 году Н. В. Сверкунова приводит новые данные: «77,8 % жителей Приангарья относят себя к сибирякам и считают, что "сибирский характер" существует» [14; 15]. По данным Р. Ф. Туровского (1997): «В Красноярском крае опрос ЦСИ МГУ в декабре 1997 г. показал, что свой регион считают родиной 42 % респондентов, Россию – 29,9 %». В 2011 году М. А. Жигунова сообщает: «Если в середине 1980-х "сибиряками" называли себя лишь 15 % опрошенных, то сегодня — около 75 %» [16].

Индексный анализ исследований идентичности в Красноярском крае 2018 года показал еще более удивительные результаты. Анкетный опрос включал в себя 9 пунктов (по девяти наименованиям социальной идентичности). Общегражданская идентичность получила восьмое место, религиозная – седьмое, региональная (краевая) – шестое, этническая – третье, локальная территориальная (город, село) – второе. На первом месте оказалась возраст-поколенческая. Учитывая тот факт, что локальная идентичность – это, по сути, часть идентичности региональной, можно сделать вывод о региональной идентичности красноярцев как о принципиально значимой категории.

Отметим также, что, по официальным данным, в Красноярском крае уровень дискриминации по национальному признаку стабильно низок.

До 92 % взрослого населения в течение 2018 года не испытывали по отношению к себе какую-либо неприязнь. До 73 % жителей Красноярья не наблюдали в течение этого же года конфликты на национальной почве.

По мысли Виктора Иннокентьевича Дятлова, восточные регионы России демонстрируют как включенность в общероссийские и даже общемировые тренды миграционного и этнодиаспорального развития, так и очевидную специфику, связанную с особым, переселенческим типом регионального сообщества [17]. От себя добавлю, что высокая результативность социально-культурных и политических показателей Красноярского края (в числе прочих достижений) объясняется квалифицированным подходом к реализации федеральных документов, регулирующих национальную политику страны, подразумевающим значительную степень соучастия красноярских специалистов в государственных проектах.

Общенациональная идентичность этносов России происходит из идентичности региональной, опирающейся, в свою очередь, на идентичность этническую и иные формы социальные идентичности. Все вместе они образуют сложную систему взаимодействующих социокультурных кодов, образующих единую российскую ментальную матрицу. Включенность ментальной матрицы в дискурс региональной идентичности представляется несомненной, и, кроме того, продуктивной, имеющей перспективы позитивного развития и поддержания постоянства социально-культурной среды Сибири.

Не отрицая возможности внешнего конструирования региональной идентичности (в том числе и позитивного) и в целом соглашаясь с мнением о том, что основа всех видов идентичности – это, прежде всего, идейный, «символический капитал» (П. Бурдьё, 1980), – автор *рассматривает сибирскую региональную идентичность как культурно-цивилизационное достояние региона и федерации*. Результаты исследований прямо указывают на положительное восприятие населением Сибири этнонима «сибиряк», на самоидентификацию и позиционирование себя как сибиряков.

Наталья Сверкунова еще в 1996 году писала что многих сибиряков волнует социокультурная специфика их малой родины, которую нужно поддерживать и возрождать: «Нам скажут, что мы творим миф. Возможно. Однако сотни опрошенных сибиряков готовы поддержать его: значит, он им нужен».

Библиографические ссылки

1. Казакова Г. М. Региональная идентичность, вернакулярный район и российский «низовой регионализм» // Вестн. культуры и искусств. Челябинск : ЧГИК, 2016. № 4 (48). С. 53–58.
2. Тхагапсоев Х. Г., Гатиатуллина Э. Р. К неудобствам с идентичностью // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований». Вып. № 11. 2011. С. 253–259.
3. Малахов В. С. Идентичность // Новая философская энциклопедия. Интернет-портал Platona.net. URL: https://platona.net/board/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/identichnost/3-1-0-1660
4. Андюсов Б. Е. Формирование нового самосознания как результат завершения психологической адаптации человека в Сибири // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края : Материалы науч.-практ. конф. Красноярск, 4 октября 2003 г. Красноярск : Кларетинум, 2004. С. 65–71.
5. Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей / под ред. М. Макфола и А. Рябова. М. : Гендальф, 1999. С. 87–136.
6. Жигунова М. А. Концепт «сибиряк»: современные трактовки, подходы и образы // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования / сост. и отв. ред. М. Н. Губогло. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2018. С. 351–368.
7. Копцева Н. П. В Сибири есть простор, где человек может себя проявить // Экспертный клуб «Комитет развития». Заседание № 4 (15). 2011. URL: <http://expertclub.info/print/152> (дата обращения: 10.08.2019).
8. Бороноев А. О. Территориальная ментальность и проблемы социокультурного развития региона // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона : сб. ст. СПб. : Астерион, 2006. С. 7–13.
9. Кальмина Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири: Середина XIX века – февраль 1917 года : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Иркутск, 2003. URL: <http://www.dissercat.com/content/evreiskie-obshchiny-vostochnoi-sibiri-seredina-xix-veka-fevral-1917-goda#> (дата обращения: 20.08.19)
10. Лысенко И. С. Межэтнические и межнациональные отношения и основные типы управления ими: социально-философский анализ : монография. Красноярск, 2014. 146 с.
11. Самойлов Д. С. Памятные записки. М. : Междунар. отнош., 1995. 480 с.
12. Марков А. П. Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования. СПб. : СПбГУП, 2017. 453 с.
13. Сверкунова Н. В. Феномен сибиряка // Социологические исследования. № 8. 1996. С. 90–94.
14. Сверкунова Н. В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб. : НИИ Химии СПбГУ, 2002. 192 с.
15. Сверкунова Н. В. Сибиряки и «сибирство» // Восточно-Сибирская правда, 07.10.2000. URL: <http://www.vsp.ru/2000/10/07/sibiryaki-i-sibirstvo/>.
16. Жигунова М. А. Разные, но вместе // Эксперт Сибирь. 2011. № 50 (315). URL: <https://expert.ru/siberia/2011/50/raznyie-no-vmeste/>.
17. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск : Оттиск, 2011. 624 с.

18. Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Антихрист : антол. / сост., коммент. А. С. Гришина, К. Г. Исупова. М. : Высш. шк., 1995. С. 176–211.
19. Головачев П. М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М. : Типография И. Д. Сытина, 1905. 474 с.
20. Гончаров, Ю. М. Процессы адаптации евреев в сибирском социуме во второй половине XIX – начале XX в. // Изв. Алтайс. гос. ун-та. 2011. № 4-1 (72). С. 46–51.
21. Гревнев В. М. Восприятие еврейской диаспорой Сибири Февраля и Октября 1917 года // Черный квадрат: культура и революция: монография / ред. В. Ю. Колмаков. Красноярск : КрасГМУ им. В. Ф. Войно-Ясенецкого, 2017. С. 154-169.
22. Гревнев В. М. Социокультурные коды как мировоззренческие и ментальные матрицы региональной идентичности // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. № 41 (1). 2017. С. 58–63.
23. Дидковская Н. А. Идентичность: провинциальное и региональное измерение // В поисках России: Серия публикаций и дискуссия об идентичности. Т. 3. Восточная Россия – Дальний Восток / сост. С. Панарин, ред. С. Михайлова. СПб. : Интерсоцис, 2011. С. 143–156.
24. Крылов М. П. Вопросы районирования исторического ядра Европейской России по критериям региональной идентичности // Проблемы этнической географии и культурного районирования : сб. науч. ст. / под ред. А. Г. Манакова. Псков : Изд-во АНО «Центр социального проектирования «Возрождение», 2004. С. 168–175.
25. Пятигорский А. М. Философия одного переулка. Роман. Философская проза. Т. I. Роман. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 240 с.
26. Русские старожилы Сибири : историко-антрополог. очерк / отв. ред. В. В. Бунак, И. М. Золотарева. М. : Наука, 1973. 189 с.
27. Савинов Л. В. Общество и этнополитика: специфика этнополитических процессов в Сиб. фед. округе. Новосибирск : СибАГС, 2005. 170 с.
28. Сергеева К. Геннадий Быконя: Сибиряки исторически стали носителями лучших качеств русского народа // Вечерний Красноярск. № 38 (279). 2010. URL: <http://newslab.ru/article/337753>.
29. Сибирский характер как ценность : монография / под ред. М. И. Шиловой. Красноярск : РИО КГПИ, 2004. 264 с.
30. Тихомандрицкая О. А. Социально-психологические факторы межэтнического взаимодействия // Проблемы междисциплинарных исследований в гуманитарных науках : науч. ежегодник. Томск. МИОН-2002 / под ред. В. П. Зиновьева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 259–280.
31. Чехов А. П. На пути. Собрание соч. : в 12 т. Т. 4. М. : Худ. лит., 1955. 638 с.
32. Шайдуров, В. Н. Сибирская колония как результат национальной политики первой половины XIX века // Былые годы: Российский исторический журнал. Сочи : СГУ, 2014. № 32 (2). С. 245–251.
33. Этносоциальные отношения глазами населения Красноярского края: информ. бюллетень межнациональных, межконфессиональных и миграционных отношений в Красноярском крае / Управление общественных связей губернатора Красноярского края. № 12. Красноярск : Поликор, 2018. 160 с.

УДК 342.721.6:314.151

Ж. К. Досумов

PhD, доцент, преподаватель истории и права школы Архимеда, Алматы, Казахстан

МИГРАЦИОННЫЙ КОДЕКС КАК СРЕДСТВО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ

Рассмотрена проблема принятия миграционного кодекса Республики Казахстан, поскольку данную сферу регламентирует весьма значительный массив нормативно-правовых актов, которые иногда противоречат друг другу. Принятие миграционного кодекса Республики Казахстан усилит эффективность пресечения неконтролируемой внешней миграции в Казахстане.

Ключевые слова: *миграционный кодекс, кодифицированное регулирование, незаконная иммиграция, регистрация иностранных граждан, иммиграционный контроль.*

Методика: *сравнительно-правовой метод, диалектический метод, дедукция, индукция, нормативное обоснование, научно-практический синтез.*

Говоря о необходимости принятия миграционного кодекса, хотелось бы привести следующее мнение А. Г. Бережнова: «Другой общепризнанной чертой правовой государственности является установление и строгое следование принципу взаимной ответственности государства и личности. Этот принцип проявляется, прежде всего, в установлении государством законодательных ограничений своей активности по отношению к личности» [1, с. 189].

Как представляется, проблема кодифицированного регулирования миграции и процедуры регистрации иностранных граждан в Казахстане весьма актуальна. Несмотря на обилие подзаконных актов Правительства РК и ОВД РК, прямо или косвенно регулирующих вопросы миграции иностранцев, есть необходимость введения кодифицированного регулирования регистрации иммигрантов в РК. Прежде всего, важно провести законодательное регулирование вопросов регистрации иностранных граждан и четко сформулировать в Миграционном кодексе Республики Казахстан в целях обеспечения правопорядка.

Хотелось бы привести одно определение – из Малой Советской энциклопедии: регистрация – это взятие на учет, занесение в реестр, список каких-либо лиц, организаций, документов и т. д. [2, с. 991]. Следует заметить, что

в Правилах въезда и пребывания иностранных граждан в Республике Казахстан, а также их выезда из РК отсутствует дефиниция понятия «регистрация». По мнению Д. Н. Бахраха: «Регистрация – один из важнейших способов государственного регулирования общественных отношений» [3, с. 123]. Аналогичного мнения придерживается А. П. Коренев: «Регистрация является важнейшим правовым средством контроля и регулирования передвижения населения» [3, с. 173]. Поэтому не случайно в п. 3 Указа Президента страны «О мерах по предупреждению и пресечению терроризма и экстремизма» от 10 февраля 2000 года говорится о разработке мер по регулированию и контролю за миграционными процессами [99, с. 65].

В последнее время частично созданы определенные правовые предпосылки и предприняты организационные меры по формированию системы единого учета иностранцев (миграционный информационный центр) [7, с. 120]. Но этого недостаточно для нейтрализации неконтролируемой внешней миграции, поскольку в полном объеме не использованы достоинства института регистрации. Так, по данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, на сегодня в Казахстане около 20,5 тысячи беженцев. Официально же этот статус имеют не более 1 000 человек [6, с. 4].

Представляется, что в подобной ситуации законодательство и практика в сфере регистрации иностранцев должны быть упорядочены путем принятия законодательного акта, возможно, закона о порядке регистрации. Как пишет Н. И. Буденко: «Паспортно-регистрационной системе принадлежит существенная роль в охране и укреплении общественного порядка, обеспечении общественной безопасности» [4, с. 174]. Эта идея поддерживается руководителями ОВД, которые считают, что регистрация «нужна, прежде всего, государству, с ней связана целая инфраструктура. Это помогает контролировать количество населения, решать, сколько городу нужно продуктов, школ, транспорта и т. д. помогает контролировать криминальную обстановку» [6, с. 4].

Вместе с тем создание такого акта позволит сузить возможности ведомственного правотворчества. Например, в п. 14 Правил въезда и пребывания иностранных граждан в Республике Казахстан, а также их выезда из Республики Казахстан закреплено: «Порядок регистрации паспортов иностранных граждан в Республике Казахстан определяется МИД РК и МВД РК по согласованию с КНБ Республики Казахстан» [7, с. 96]. На наш взгляд, эта норма противоречит п. 1 ст. 39 Конституции Республики Казахстан. В ней сказано:

«Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения» [7, с. 13]. Прав Н. В. Витрук, утверждая, что нарушением законности является принятие ведомственных актов (приказов, инструкций, положений и др.), которые противоречат конституционным положениям, нормам закона» [9, с. 507].

Выявляя особенности ведомственного правотворчества, Н. В. Витрук выделил следующие составляющие [9, с. 507]:

- практика ведомственного правотворчества была связана с ущемлением прав личности в угоду ведомственным интересам;
- нередко издавались ведомственные акты, не соответствующие (как в целом, так и в отдельных частях) Конституции и законам;
- ведомственные акты конкретизировали нормы закона, создавали, по существу, правила поведения как материального, так и процессуального характера;
- ведомства не были заинтересованы в инициировании законодательной инициативы. Они восполняли пробелы в нормативном регулировании самостоятельно.

Кроме того, вопросы регистрации населения отнесены к полномочиям правоохранительных органов. По убеждению С. А. Комарова, деятельность правоохранительных органов должна быть тщательно регламентирована законом [10, с. 374]. Поэтому на первом этапе предпочтительным представляется создание законодательного акта о порядке регистрации иностранцев в Республике Казахстан. Это в первую очередь позволит укрепить паспортно-регистрационную систему Казахстана. К сожалению, для отечественной системы до сих пор характерно влияние паспортно-визовой системы Союза ССР.

Паспортно-визовая система Союза ССР с ее ориентацией на ограничение свободы передвижения, игнорирование прав индивида ведомственным регулированием порядка въезда, пребывания и выезда иностранцев, в которой доминировала концепция ограничения свободы передвижения с установкой на принудительную силу административно-правового воздействия, была и остается одной из характерных для антидемократических режимов. Так, авторы Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин при характеристике права на свободу передвижения в Союзе ССР отмечают: «В прошлом это право не только не закреплялось конституционно, но и не могло быть реализовано фактически» [11, с. 200].

В условиях общества с рыночной экономикой эта система становится неэффективной, поскольку в таком обществе действует регистрационная система, которая способствует охране и укреплению государственной безопасности. Она широко используется органами внутренних дел в деятельности по предупреждению правонарушений и розыску лиц, их совершивших [3, с. 171]. Поэтому не случайно в Программе борьбы с преступностью в нашей стране в качестве важнейшей задачи называется приведение национального законодательства (с учётом интересов Казахстана) в соответствии с нормами и стандартами международных договоров, участником которых является Республика Казахстан [12, с. 232].

В последнее время частично созданы определенные правовые предпосылки и предприняты организационные меры по совершенствованию миграционного законодательства, предусматривающего, с одной стороны, защиту прав мигрантов, с другой – принятие правоохранительных мер, в том числе и осуществление депортации иностранцев и лиц без гражданства, нарушивших законодательство Республики Казахстан [13, с. 119].

В настоящее время усиливается роль кодифицированного и конституционного регулирования в области взаимоотношений иммигранта и государства. Говоря об объектах конституционно-правового регулирования, А. А. Черняков подчеркивал, что в конституционном праве Республики Казахстан существует один из основных объектов правового регулирования, а именно, все то, что относится к человеку и гражданину [14, с. 49]. Следовательно, необходимо ускорить работу по созданию Миграционного кодекса Республики Казахстан для регулирования миграции на территории РК.

Библиографические ссылки

1. Теория государства и права : курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. М. : Изд-во «Зерцало», 1998. 327 с.
2. Малая Советская энциклопедия / ред. кол.: Б. А. Введенский, Н. Н. Аничков, А. Н. Баранов [и др.]. М. : Большая Сов. энцикл., 1959. 1260 с.
3. Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник для вузов. М. : НОРМА, 2000. 640 с.
4. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть Особенная : учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А. П. Коренева. М. : Щит-М, 2000. 362 с.
5. Конституция Украины от 28 июля 1996 года // Вестн. Межпарламентской Ассамблеи, 1997. № 2. 220 с.
6. Соколов Н. Беженцам статуса не давать // Комсомольская правда в Казахстане. 2001. 20 декабря. С. 4.

7. Правила въезда и пребывания иностранных граждан в Республике Казахстан, а также их выезда из Республики Казахстан. САПП РК.
8. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изм. и доп. по состоянию на 02.02.2011). URL: <http://online.zakon.kz>.
9. Общая теория государства и права. Академический курс : в 2 т / под ред. проф. М. Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М. : Изд-во «Зерцало», 1998. 656 с.
10. Комаров С. А. Общая теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 1998. 416 с.
11. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 1998. 520 с.
12. Программа борьбы с преступностью в Республике Казахстан. Утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2000 года // САПП РК. 2000. № 44-45, ст. 538. 425 с.
13. Концепция миграционной политики Республики Казахстан от 5 сентября 2000 года. Одобрена постановлением Правительства Республики Казахстан от 5 сентября 2000 года // САПП РК. 2000, № 38-39, ст. 449. 167 с.
14. Черняков А. А. Конституционное право Республики Казахстан: проблемы теории и практики. Теоретические и дидактические материалы. Алматы: «ЭділетПресс», 1997. 240 с.

УДК 323.11

А. И. Галиева

*Ведущий библиотекарь отдела электронных ресурсов,
Национальная библиотека имени Ахмет-Заки Валиди, Уфа, Россия*

СОЗДАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ БЛАГОПРИЯТНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Рассмотрено решение проблем миграции населения путем создания сельских поселений, предназначенных для мигрантов. Отмечены позитивные изменения, возникающие при успешной организации данных поселений.

Ключевые слова: *мигранты, проблемы миграции, миграционные поселения, сельские мигранты, развитие сел.*

В настоящее время многие люди решают мигрировать, чтобы иметь лучшую жизнь. Возможности трудоустройства являются наиболее распространенной причиной, по которой люди мигрируют. Кроме этого, отсутствие

возможностей получения образования, глобализация, стихийные бедствия вынуждают граждан мигрировать в города. Таким образом, людей, которые перемещаются из одного места в другое в поисках работы или жилья, называют мигрантами. К сожалению, имеет место быть факт того, что есть случаи, когда мигранты не обладают достаточной квалификацией или образованием. Поэтому они обычно работают в местах, где получают оплату за свои услуги в конце каждого дня. Так, работники не получают достаточного количества денег для выживания их семей и страдают от многих проблем; отсутствие достаточного количества пищи, санитарных условий, гигиены, подходящего места для жизни и др.

Исследуя процессы миграции, можно обозначить, что она становится значительно важной темой для жизни города. Так, многие возможности и привлекательность крупных городов влекут большое количество людей. Но необходимо сказать, что миграция может иметь как положительные, так и отрицательные последствия для жизни мигрантов. Так, например, среди положительных моментов отметим сокращение безработицы и возможное получение лучшего трудоустройства. Миграция помогает улучшить социальную жизнь людей, поскольку они узнают о новой культуре, обычаях и языках, которые помогают наладить коммуникацию среди людей. Миграция квалифицированных рабочих приводит к большему экономическому росту региона. Дети данных семей получают возможность получения высшего образования.

Но есть и негативные стороны исследуемой темы: убыль населения из сельской местности. Это, в свою очередь, влияет на уровень производства и развития сельской местности. Вследствие этого приток рабочих в городские районы усиливает конкуренцию за работу, дома, школьные помещения и т. д. Помимо всего перечисленного, можно сказать, что сельскому жителю необходимо адаптироваться к городской жизни, что бывает не легко для человека, особенно когда личность уже сформировалась и укоренилась в сельской местности. К сожалению, очевидно, что чаще бедность делает мигрантов неспособными жить нормальной и здоровой жизнью.

Исследуя проблематику темы, становится ясно, что причина миграция чаще всего в том, что людей не устраивает их жизнь. В данной работе мы рассмотрим возможное решение проблемы формирования благоприятной среды для миграции, а именно создание специального поселения. Приведем положительный пример расселения мигрантов в провинции Нью-Брансуик на востоке Канады. Нехватка квалифицированной рабочей силы в провинции вынудила

компанию J. D. Irving и сельский совет деревни Чипман пойти на уникальный шаг. В ходе него иностранные граждане, которые были наняты по программе привлечения квалифицированных иностранных рабочих, получили для своих семей возможность обосноваться и жить в провинции. В итоге с момента старта программы в 2017 году в провинцию приехали уже 1 500 мигрантов, которые находятся в очереди на получение статуса резидентов [1].

Рассмотрев данный пример, необходимо отметить, что он может быть применим для расселения мигрантов, в малочисленные деревни, нуждающиеся в возрождении. Конечно, здесь также нужно предусмотреть предоставление рабочих мест, получение образовательных и социальных услуг для мигрантов. Но если попытаться начать создавать такие места, они, в свою очередь, помогут вновь вернуть развитие в сельскую местность. Нужно сказать, что мигрировавшие люди почти всегда нуждаются в обеспечении жильем. И здесь необходимо рассмотреть покинутые села и деревни как те площадки, которые возможно возродить с помощью людей. Естественно создание благоприятной среды для жизни требует сил граждан и активного участия государства, потому существует необходимость развития программы сел и деревень с привлечением мигрантов как категории людей, нуждающихся в получении территории для развития.

Таким образом, создание данных поселений, в отличие от города с большим количеством населения, может сплотить людей разных культур. Живя в сельской местности, у человека появляется возможность познакомиться почти с каждым жителем села, рассказать о своей жизни, культуре и предпочтениях, что служит успешной площадкой для коммуникации и дальнейшего развития жизни. Убыль населения из сельской местности [2] приводит к появлению проблемы исчезновения села или деревни, поэтому необходимо рассмотреть решение проблем миграции граждан в варианте их привлечения в сельскую местность как благоприятной площадки для их дальнейшей жизни.

Библиографические ссылки

1. В деревне Нью-Брансуика строят жилье для новых иммигрантов // Immigrant.Today. – URL: <https://immigrant.today/canada/14384-v-derevne-nju-bransuika-strojat-zhile-dlja-novykh-immigrantov.htm> (дата обращения: 02.11.2019).
2. Почему вымирают российские деревни: Пронедра. URL: <https://pronedra.ru/pochemu-vumirayut-rossijskie-derevni-355446.html> (дата обращения: 02.11.2019).

УДК 314.151:005.44"19/20"

А. А. Ермакова¹, В. А. Кудашкин²

¹ Студент, направление «История», Братский государственный университет, Братск, Россия

² Кандидат исторических наук, доцент, Братский государственный университет, Братск, Россия

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Рассмотрена проблема миграционных процессов в России в условиях глобализации экономики в основном на примере трудовых мигрантов. Описаны типы мигрантов на территории Российской Федерации и выделены периоды миграционных процессов. Затронуты вопросы адаптации и интеграции мигрантов в России и проблема социального обеспечения переселенцев в Европе. Приведены статистические данные об отношении россиян к выходцам из Средней Азии за последние 10 лет. Автор приходит к выводу о том, что роль мигрантов в Европе и центральной части России за последнее десятилетие увеличилось, что привело к избытку рабочей силы. В противовес приведены Сибирь и Дальний Восток, где сила трудовых мигрантов может пригодиться в настоящее время.

Ключевые слова: миграционные процессы, трудовые мигранты, глобализация, безработица.

A. A. Ermakova, V. A. Kudashkin

Bratsk State University, Bratsk, Russia

MIGRATION PROCESSES IN A GLOBALIZED ECONOMY (END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY)

The article considers the problem of migration processes in Russia in the context of the globalization of the economy, mainly on the example of labor migrants. The types of migrants in the territory of the Russian Federation are reflected and periods of migration processes are distinguished. The issues of adaptation and integration of migrants in Russia are raised, and the problem of social security of migrants in Europe is highlighted. Statistical data on the attitude of Russians to residents from Central Asia over the past 10 years are provided. The author concludes that the role of migrants in Europe and the central part of Russia has increased over the past decade, leading to an excess of labor. In contrast, given Siberia and the Far East, where the strength of labor migrants can be useful at the present time.

Keywords: migration processes, labor migrants, globalization, unemployment.

В настоящее время миграционные процессы рассматриваются через призму экономической глобализации¹. Под миграцией следует понимать территориальную подвижность (механическое движение) населения, связанную с его перемещением по территории страны (или между государствами), обусловленную, как правило, влиянием разнообразных факторов: социально-экономических, военно-политических, религиозных, природных, экологических; особенностями исторического и хозяйственного развития отдельных регионов и стран [1, с. 4]. Социально-экономические изменения в мире тесно связаны с миграцией. С 1970 по 1990 год число стран, использующих иностранную рабочую силу, увеличилось с 42 до 90 [2, с. 94]. Экономическое развитие стран, опирающееся на рынок рабочей силы, производительность труда в значительной степени связаны с использованием труда мигрантов. Для понимания мировых миграционных процессов рассмотрим миграцию в отдельно взятой стране конца XX – начала XXI века.

После распада Советского Союза Россия столкнулась со многими политическими, экономическими и социальными проблемами. Одна из таких проблем – это хлынувшие миграционные потоки. «Железный занавес» являлся барьером на протяжении всего существования СССР для засилья иностранцев и бывших соотечественников, покинувшую свою страну. После 1991 года ситуация в корне изменилась, в Россию стали переезжать бывшие жители Советского государства, а к середине 1990-х стал увеличиваться поток трудовых мигрантов, ранее немногочисленных. 14 июня 1992 года образовался ФМС, а в 1993 году была создана паспортно-визовая служба из ряда подразделений МВД. Таким образом, получения гражданства стало весьма затруднительным, поэтому немногочисленные трудовые мигранты из бывших союзных республик вытеснялись из легального правового поля на положение «нелегальных мигрантов». Не имея возможности для легального найма, они заполняли «нижние этажи» рынка труда, криминальные сферы [3, с. 147].

О. И. Брусина выделила три волны миграции из Средней Азии в Россию. С 1992 года в Россию стали прибывать в массовом порядке первые представители коренного среднеазиатского населения – беженцы из охвачен-

¹ Глобализация – современный этап интернационализации международных отношений, экономических, политических и социокультурных процессов, отличающийся особой интенсивностью. Наиболее очевидные проявления глобализации – консолидация единого мирового рынка, активное развитие межгосударственных, финансовых, торговых и производственных связей, расширение денежных, товарных и людских потоков, ускоренная адаптация социальных структур к динамичным экономическим процессам, культурная универсализация, становление всеобщего информационного пространства на базе новейших компьютерных технологий.

ного гражданской войной Таджикистана, в том числе памирских народностей (малые иранские народы, населяющие высокогорные области Памиро-Гиндукуша, разделённого между Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном и Китаем), которые преследовались как исмаилиты [4, с. 68]. Вторая волна мигрантов стала покидать Таджикистан в 1995–1998 годы из-за разрухи, безработицы и политической нестабильности. В этом миграционном потоке значительную долю составляла интеллигенция, которая рассчитывала на достойную жизнь в России. Третья волна была по-прежнему связана преимущественно с массовым притоком жителей Таджикистана вследствие безработицы и катастрофически низкого уровня жизни у них на родине [4, с. 69]. Следует отметить, что мигрантами из Средней Азии были в основном мужчины, которые на родине оставляли свои семьи. Цель приезда в Россию у таких мигрантов – устроиться на работу.

Стоит учитывать, что миграционные потоки 1990-х годов в основном охватили центральную часть России. Применительно к Сибири была характерна внутренняя миграция. Население Сибири с конца XVII века и до наших дней формировалось и развивалось в ходе массовых, добровольных и принудительных, миграционных процессов. В результате сформировалось специфическое переселенческое общество со сложным этническим и конфессиональным составом населения. К XXI веку и в Сибирь стали проникать мигранты и все вытекающие из этого последствия.

Большинство мигрантов, приезжающих в Россию, являются выходцами из Средней Азии. Одна из самых многочисленных категорий мигрантов – таджики. Их можно отнести к безобидным мигрантам, потому что их основная деятельность в России – это трудовая. В основном они приезжают на заработки и трудятся нелегально: «Среди таджикских мигрантов преобладают сезонники: 86 % мигрантов работают за рубежом с весны до осени» [4, с. 71]. Стоит отметить, что данный тип мигрантов можно отнести к беднейшей социальной категории, которые фактически не имеют никаких прав, но имеют много обязанностей: делать всю черную работу; зарабатывать деньги, чтобы отправлять семье на родину; жить в непригодных условиях (в вагончиках или подсобках). Но они заняли эту нишу и, заработав достаточно денег, в основном уезжают обратно. Более приспособленные к адаптации и интеграции в России являются мигранты-индивидуалисты [4, с. 91]. У таких мигрантов есть в основном высшее образование, проживали на родине они в столичных городах, поэтому им

легче адаптироваться в новом государстве. Такие мигранты планируют остаться в России на постоянной основе и получить гражданство.

Еще один тип мигрантов, которые обосновались в России, В. И. Дятлов обозначил термином «кавказофобия», т. е. протест российских граждан против полулегальной предпринимательской деятельности, выраженной погромами на городских рынках. Местные жители неодобрительно воспринимали мигрантов, используя следующие стереотипы: «образ "кавказца" – временно-го мигранта из советской, но культурно чужой провинции» [3, с. 492]. Еще несколько шаблонных составляющих в образе иммигранта: «Имеют неопрятный внешний вид, не имеют образования и профессиональной квалификации, используются в качестве чернорабочих; создают острейшие социальные проблемы, обостряя обстановку в российских городах и селах» [5, с. 116]. Главная причина неприятия – это человек другой культуры.

В. И. Дятлов отмечает, что синдром «кавказофобии» не является соответствием объективной реальности. Такой антиобраз сформировался еще в 60–80 годы XX века, когда основной поток был трудовых мигрантов, причем в значительной своей части ускользающий от государственного контроля и регулирования: «шабашники», рыночные торговцы овощами, цветами и фруктами [3, с. 492]. Они шли в противовес официальной идеологии и образу жизни и тем самым вызвали отторжение у местного населения, которое с годами только усугублялось.

Таким образом, далеко не всем мигрантам в Российской Федерации удалось интегрироваться в новом обществе. Но нельзя отрицать роль мигрантов на мировую экономику. В первую очередь мигранты – это дешевая рабочая сила. В России сокращение численности национальной рабочей силы составляет порядка 750 тыс. человек в год. Существующие прогнозы для Европейского союза говорят о том, что коэффициент демографической нагрузки, который сейчас составляет 2 пенсионера на 7 работающих, возрастет к 2050 году до 4 пенсионеров на 7 работающих, что будет означать либо увеличение вдвое нагрузки на каждого работающего, либо сокращение вдвое доходов пенсионеров [6, с. 240]. В результате труд мигрантов пользуется спросом, поскольку обеспечивает поступление дополнительных финансов в социальную сферу в виде налогов.

Проблема мировой глобализации заключается в трудности миграционной интеграции в общество. В большинстве случаев мигрантов дискриминируют, что ведет к депрессии, апатии, покорности и маргинализации [6, с. 244].

Когда мигранты (или группы мигрантов) вынуждены заниматься только узким кругом работ, когда они ограничены проживанием в гетто, могут рассчитывать лишь на нижние ступени образования, когда правоохранительные органы не предоставляют им необходимой защиты, – это сочетание дискриминирующих условий становится мощным фактором социального отторжения и непреодолимым барьером для интеграции мигрантов в общество страны пребывания.

Отношение россиян к мигрантам за 10 лет ухудшилось. Результаты социологического опроса показали, что 32 % опрошенных полагают, что мигранты – малообразованные люди, способные только на неквалифицированный труд, 10 лет назад так считали 28 % респондентов. При этом сократилось число тех, кто называет мигрантов трудолюбивыми людьми, готовыми много работать (с 30 до 26 %) [7]. Ухудшения отношения связано с увеличением количества нелегальных мигрантов, которые заполняют рабочие места, особенно такое положение дел характерно для центральной части России: «в Москве, Подмосковье, Санкт-Петербурге и Ленинградской области сосредоточено около 60 % всех мигрантов в России» [7]. «По оценке МОТ, от 10 до 20 % международных трудовых мигрантов в мире работают незаконно, не имея на то легального разрешения или контракта» [6, с. 242]. Стоит отметить, что российские мигранты не влияют на политическую систему в отличие от западноевропейских стран, где мигрантам оказывается социальная и финансовая поддержка. Только одна Германия на своей территории приняла до 40 % всех беженцев [8]. Вследствие миграционного кризиса в Европе процесс глобализации затруднился. Причина та же – непринятия человек другой культуры, со своими традициями и обычаями, которые вызывают отторжения в обществе.

Таким образом, в настоящее время миграционные процессы происходят по всему миру. Не везде эти процессы приводят к положительным сдвигам в обществе. В Европе и центральной части России количество мигрантов давно превысило допустимый уровень. Но если говорить о Сибири и Дальнем Востоке, то из-за оттока населения в центральные районы рабочие силы мигрантов играют важную роль для региона. Стоит также учитывать, что в основном мигранты обладают минимальными правами, поэтому необходимо разработать соответствующее законодательство и создавать административные структуры с целью упорядочения иммиграции. Глобализация предусматривают адаптацию социальных структур к динамичным экономическим процессам, поэтому проблема интеграции мигрантов в новом обществе стоит весьма остро.

Библиографические ссылки

1. Плисецкий Е. Л. Современные миграционные процессы в России // География. 2003. № 37. С. 4–11.
2. Пэнг Уэн Дзе. Экономическая глобализация и процессы трудовой миграции // Журнал международного права и международных отношений. 2010. № 2. С. 94–99.
3. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск : Отгиск, 2011. 624 с.
4. Брусина О. И. Мигранты из Средней Азии в России: этапы и причины приезда, социальные типы, организации диаспор // Вестн. Евразии. 2008. № 4. С. 65–95.
5. Скребцова Т. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23) С. 115–118.
6. Таран П. Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека // Куда движется век глобализации? 2014. С. 238–261.
7. Мухаметшина Е. Отношение к мигрантам в России ухудшается – «Левада-центр». URL. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/28/687871-otnoshenie-migrantam-uhudshaetsya> (дата обращения: 25.10.2019).
8. Калинина Е. Мигранты в Европе: миграционный кризис в 2019 году. URL. <https://emigrating.ru/migranty-v-evrope-migratsionnyj-krizis/> (дата обращения: 25.10.2019)

УДК 37.064.3(571.51)

В. В. Коршунова

*Заместитель директора по науке Института педагогики, психологии и социологии,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

МЕДИАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Статья посвящена особенностям использования медиативных практик в образовании для гармонизации межнациональных отношений в поликультурной образовательной среде. Выделены причины возникновения конфликтов в образовании и определены наиболее распространенные способы их решения, установлена дефицитность использования медиативных практик в образовательных организациях, определены проблемы подготовки педагогических

© Коршунова В. В., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-013-00528 «Исследование медиативных практик в сфере образования для гармонизации межнациональных отношений в поликультурной среде».

кадров, предложены модели управленческих решений на региональном уровне. Раскрыты вопросы изменения содержания профессиональной подготовки педагогов, формированию у них поликультурной и конфликтной компетенций для выстраивания бесконфликтной среды образовательной организации.

В последние годы в развитии межнациональных отношений в Красноярском крае, как и в России в целом, отмечается недостаточный уровень сформированности поликультурных и конфликтных компетенций педагогов и управленческих кадров в сфере образования. Наблюдается дефицит использования продуктивных технологий профилактики и разрешения спорных конфликтных ситуаций на всех ступенях обучения. Вышеперечисленные проблемы и риски актуализируют необходимость использования медиативных практик для урегулирования межнациональных конфликтов в сфере образования.

Гармонизация межнациональных отношений в образовательном пространстве становится важной проблемой педагогики в контексте расширяющихся миграционных процессов. В современных условиях развития безопасной образовательной среды с учетом специфики поликультурного региона важным является научное обоснование подходов предотвращения и продуктивного разрешения конфликтов среди участников образовательного процесса. Стоит отметить, что ориентация модернизации образования на общечеловеческие ценности и собственные культурные традиции каждого народа требуют принципиально новых подходов к разработке технологий бесконфликтного взаимодействия участников образовательного процесса. Актуальным становится вопрос использования ресурса медиации, т. е. включение посредника из числа субъектов образовательного процесса, с целью предотвращения и разрешения конфликтов в сфере образования.

Отметим, что потенциал медиативных практик в части гармонизации межнациональных отношений в образовательном пространстве рассматривается как социально-педагогическое явление. Обращение к медиации в сфере образования является консолидацией знаний из областей: педагогики, психологии и социологии для гармонизации межличностных и межнациональных отношений и урегулирования межличностных и межнациональных конфликтов. Формирование культуры межнационального взаимодействия требует развития поликультурного диалога и конфликтной компетентности субъектов

образования. Использование медиативных практик способствует гармонизации социума, созданию условий диагностирования конфликтов и конструктивному их разрешению в поликультурной образовательной среде.

В связи с вышесказанным одной из сложных проблем современного российского образования становится подготовка учителя, способного эффективно работать в поликультурной образовательной среде. Поскольку рассматриваемая проблема для России является чрезвычайно молодой, то целесообразно обращение к опыту европейских стран, в которых миграционные процессы развиваются давно и системы подготовки педагогов адаптированы к решению данных проблем.

В 2018 году изучена конфликтная компетентность, выявлены стратегии поведения в конфликтных ситуациях и уровень информированности о медиации у школьников, студентов, учителей, руководителей образовательных организаций. Всего в исследовании, проведенном на основе валидизированных и верифицированных методик с учетом возрастных особенностей целевых групп респондентов, приняли участие 450 человек; из них 134 – школьников, 145 – студентов, 66 – руководителей, 105 – учителей школ и преподавателей вузов и системы СПО. Исследование включало изучение и обобщение типовых конфликтных ситуаций в сфере образования (разнообразных способов их разрешения), в том числе с участием представителей различных этнических сообществ, временно или постоянно проживающих на территории Красноярского края. На основе данных анализа выявлено, что к конфликтным ситуациям, требующим оперативного реагирования с участием третьей стороны, отнесены: публичные конфликтные ситуации между отдельными гражданами или их группами; конфликт между этническими общностями, который основан на неприятии этнокультурных интересов; протест на национальной или религиозной почве. В качестве доминирующей тенденции развития бесконфликтной среды образования Красноярского края является внедрение практик медиации в образовательную среду. На данном этапе сформулированы дефициты образования и проблемы адаптации обучающихся из семей мигрантов.

Стоит отметить еще и тот факт, что практически 24 % обучающихся школ не знают или не проявляют готовности к активным действиям в разрешении конфликтной ситуации. Участники конфликтной ситуации готовы обратиться и обращаются с жалобами в вышестоящие органы управления образованием, общественные организации. При этом в школах не регистрируются поступающие жалобы, что вызвало затруднение в объективной оценке жалоб

на нарушение прав человека, механизмах рассмотрения и принятых по ним решениям. Исключение составила одна школа, в которой конфликт с семьей длится уже на протяжении двух лет, и директор собрал папку жалоб, запросов, ответов и т. п. документов. На уровне муниципалитетов, органов государственной власти в Красноярском крае процедуры рассмотрения жалоб регламентированы Законом «Об обращениях граждан в органы государственной власти и органы местного самоуправления». На наш взгляд, при рассмотрении жалоб в образовательной среде вполне приемлемо руководствоваться нормами данного закона.

В ходе наблюдения и независимого инспектирования в школах было отмечено свыше 34 конфликтных ситуаций во время перемен между детьми, детьми и учителем. В 25 % ситуациях никакой реакции со стороны учителей не последовало, в 12 % ситуациях учитель спокойно делает замечание, в 7 % ситуаций учителя повышают голос на ребенка, и в 0,5 % – применилось физическое воздействие.

Стоит отметить, что право на восстановление в правах в случае их нарушения не содержится ни в одном анализируемом Уставе школ Красноярского края. Правовые процедуры по восстановлению и упоминание о процедурах медиации также в Уставах отсутствуют.

В отсутствие официальных документов судить о механизмах разрешения конфликтных ситуаций в школах можно только со слов руководителей образованием, директоров, учителей. Многочисленные интервью позволяют увидеть следующую картину. В случае возникновения конфликта между учеником и учителем чаще всего он разрешается на этом же уровне, при чем инициатива исходит от учителя, который силой убеждения и своего авторитета, доказывает неправоту ученика. Также конфликты в школах помогают разрешать социальные педагоги и (или) психологи. Во многих школах созданы Советы профилактики, на которых также рассматриваются сложные конфликтные ситуации. Конфликты разрешаются на малых педсоветах, административных советах.

В ряде школ созданы центры медиации куда входят ученики и учителя. По-видимому, направление работы по разрешению школьных конфликтов выбрано верное. По словам двух руководителей управлений образованием конфликтные комиссии плодотворно работают во многих школах и в районах. Но, как выяснилось, не везде. В беседе в одной из школ с представителями центра медиации выяснилось, что за год они собирались всего два раза и даже не могли вспомнить, какие конфликтные ситуации ими были рассмотрены.

Авторы приходят к выводу, что подготовка медиаторов в сфере образования учитывает запросы регионального, российского рынка труда в квалифицированных специалистах, готовых профессионально сопровождать и профилактировать проблемные ситуации в системе образования и социальной сфере, связанные с миграционными процессами средствами продуктивной коммуникации на основе выбора альтернативных способов разрешения конфликтов и выработки, эффективных и выгодных для всех сторон решений. Таким образом, межкультурный характер модели образовательного процесса СФУ обуславливает необходимость практического применения приобретаемых знаний и навыков межкультурного взаимодействия непосредственно в процессе обучения и способствует формированию конфликтной компетенции как важной составляющей профессиональной подготовки в соответствии со спецификой поликультурной среды региона и реализации непрерывности образования и профессионального развития.

УДК 314.156(574)

Т. В. Кошман

*Старший преподаватель кафедры археологии и этнологии,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан*

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АССАМБЛЕИ НАРОДА КАЗАХСТАНА

Предпринята попытка показать роль Ассамблеи народа Казахстана (АНК) в сохранении межэтнического согласия и возможности самоидентификации представителей более 120 этносов, проживающих в республике. АНК, созданная по инициативе главы государства, позволила сохранить Тот опыт уважительного отношения друг к другу, который складывался в течение длительного времени в результате миграционных процессов на территорию Казахстана. АНК способствовала культурному и духовному возрождению национальных культур и возможностей самореализации. Опыт работы продемонстрировал верный выбор формирования политики и выстраивания межэтнического диалога. Деятельность и основные решения свидетельствуют о создании в стране особой модели межэтнического согласия.

Ключевые слова: *Ассамблея народа Казахстана, этнические группы, толерантность, межэтническое согласие.*

T. V. Koshman

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

ETHNIC PROCESSES THROUGH THE PRISM OF AN ACTIVITY OF THE ASSEMBLY OF PEOPLE OF KAZAKHSTAN

The article attempts to demonstrate the role of The Assembly of People of Kazakhstan in maintaining interethnic harmony and the possibility for self-identification of representatives of more than 120 ethnic groups living in the republic. The APK, created based on the initiative of the Head of the State, allowed to preserve the experience of a respectful relationship of nations to each other that was developed through the past as a result of various migration processes in Kazakhstan. The APK contributed to the cultural and spiritual revival of national cultures and enhanced opportunities for self-realization. The experience demonstrated the right choice for building up policies and interethnic dialogue. Activities and major decisions indicated a creation of a special interethnic harmony model in the country.

Keywords: *Assembly of People of Kazakhstan, ethnic groups, tolerance, inter-ethnic harmony.*

С обретением независимости перед Казахстаном встал вопрос о необходимости проведения реформ в области государственного строительства в условиях сохранения полиэтничного состава населения Казахстана и обеспечения равенства всех граждан страны. Именно национальная политика определяет модель межэтнических отношений. Гражданам любой страны важно понимать состояние своего положения и перспективы жизни в нем. Модель межэтнических отношений в Казахстане должна была учитывать, что в Казахстане проживают представители более 120 этносов. И при этом сложным являлся вопрос идентичности и самоидентификации его членов на тот момент. И тут встал вопрос национальной идентификации его граждан.

Во-первых, взрослому поколению, родившемуся и выросшему в Советском Союзе, нужно было избавиться от стереотипов своей идентификации с таким понятием, как «советский народ», и осознать себя гражданином суверенного Казахстана.

Во-вторых, для молодого поколения, появившегося на свет уже в годы независимости, необходимо было с самого начала на уровне государственной политики четко определить ориентиры воспитания и социализации в части его идентификации. Поэтому необходимо было определить ориентиры идентификации казахстанцев.

Наиболее приемлемым вариантом стало закрепление основных составляющих модели межэтнического и межконфессионального согласия через создание института Ассамблеи народа Казахстана.

Инициатива создания Ассамблеи народа Казахстана (АНК) принадлежит Первому Президенту Казахстана Н. А. Назарбаеву, который определил формат общественного института как неполитическая, неправительственная организация, главной задачей которой является укрепление межэтнического мира и согласия в стране. Президент Казахстана Н. А. Назарбаев на I Сессии Ассамблеи народа Казахстана в 1995 году говорил, что существует три подхода к решению национального вопроса. Первый – когда некоторые страны проводят политику «выдавливания» инационального населения, что никогда не было присуще казахскому народу, по-братски принимавшему переселенцев. Это путь конфронтации, который ведет к колоссальным взрывам и многочисленным человеческим жертвам. Второй – вообще не придавать значения национальному вопросу и надеяться на то, что проблемы отпадут сами по себе. Но и это не выход. Третий – единственно верный путь, по которому мы идем, требующий трудоемкой и кропотливой работы. Это поиск точек соприкосновения, расширения зон согласия и доверия между народами. Без политики согласия и разумной национальной стратегии мы не сможем решать никаких задач. Далее он подчеркивал: «Я, как Президент страны, своей основной задачей считаю обеспечение общественной стабильности и межнационального согласия» [1, с. 260–261].

Ассамблея народа Казахстана прошла путь от консультативно-совещательного органа по регулированию межэтнических отношений, до института, обладающего конституционным статусом и представительством в Парламенте Республики Казахстан.

Важными предпосылками являются также сложный по характеру процесс формирования населения Казахстана из моно- в полиэтническое, а также кризис советской национальной государственности, обретение Казахстаном независимости и необходимость выработки собственной модели межнационального согласия, в рамках которой стало возможным объединение интересов разных этнических групп.

Все годы деятельность АНК направлена на обсуждение проблем, связанных с процессами развития Казахстана как полиэтнического и поликонфессионального государства. Итогом многолетней работы является оформление новой модели межэтнической толерантности и общественного согласия.

Изучением опыта деятельности АНК занимались многие исследователи, в работах которых содержится анализ особенностей Ассамблеи как важного института общественно-политической жизни. Авторы сходятся во мнении, что в свое время была найдена достаточно эффективная форма взаимодействия государства и этнических групп, при которой осуществляется государственная поддержка процессов культурного возрождения народов, укрепления общенационального согласия, развития и интеграции культур [2]. К числу важнейших достижений Казахстана и его лидера относятся общественную стабильность, основанную на традициях открытости и восприимчивости к культурным влияниям, цивилизационной толерантности. С этой точки зрения Ассамблея народа Казахстана рассматривается как уникальный институт, созданный для обеспечения политики межэтнического и межкультурного взаимодействия. Действуя в качестве полноправного субъекта политической системы страны, Ассамблея признана несомненным новаторством в мировой практике, позволившим решать вопросы развития межэтнических отношений на самом высоком уровне.

Модель общественного и межэтнического согласия закрепила равноправие, широкие права и равные возможности всех этнических групп страны, что дает возможность рассматривать общество через многоуровневую идентичность всего казахстанского общества.

Начало демократических преобразований в первые годы независимости стало главной причиной национального культурного и духовного возрождения. В средствах массовой информации активно обсуждаются вопросы возрождения и сохранения языка, народных традиций и обычаев. В научной среде формируются основные подходы к содержанию государственного и национального строительства.

Активная деятельность общественных организаций являлась основой формирования казахстанской модели межэтнических отношений, поэтому большинство авторов обоснованно считали, что эффективность деятельности АНК определяется состоянием этнокультурных центров.

Особое значение играет АНК как уникальный институт, занимающийся разработкой вопросов в области формирования общегражданской идентичности и в то же время в процессах возрождения национальных культур и ведения межконфессионального диалога [3].

Огромную роль на сохранение межэтнического согласия оказала деятельность этнокультурных объединений, которые с годами расширили свою

деятельность. Нельзя сегодня рассматривать деятельность этнокультурных объединений только как центров, главной задачей которых является возрождение и развитие собственной культуры, языка, быта и традиций.

В настоящее время поле деятельности этнокультурных объединений существенно расширилось, их деятельность направлена на развитие межэтнических, интегративных отношений, что способствует взаимопониманию и сближению культур и, как следствие, сохранению межэтнической стабилизации. Именно АНК стала инициатором тенденций, способствующих изменению приоритетов в сторону межэтнической интеграции [4].

На протяжении всего периода существования Ассамблеи большое внимание уделялось работе малых ассамблей и этнокультурных центров как значимых институтов гражданского общества, благодаря которым сегодня установлена тесная связь с регионами, идет процесс интенсивного общения не только сверху вниз, но и снизу вверх, обеспечивается механизм взаимодействия между структурными подразделениями АНК как по вертикали, так и по горизонтали.

Активизации исследовательской деятельности АНК способствовало создание Домов Дружбы как постоянно действующих центров по исследованию проблем межэтнических отношений и передачи практического опыта различных направлений деятельности.

Деятельность АНК неоднократно рассматривалась международными экспертами, которые высоко оценивали результативность и четко выверенный вектор развития на пути сохранения межэтнического согласия. И данный опыт сохранения межнационального согласия, может быть, по мнению исследователей, полезен не только последующим поколениям страны, но и другим зарубежным государствам [5].

Закон «Об Ассамблее народа Казахстана» 2008 года дал возможность стать самостоятельным субъектом государственной политической системы, регулирующим сферу межэтнических отношений и способствующим реализации государственной этнополитики. Доктрина национального единства, принятая в 2010 году, стала этическим принципом существования государства, направленным на социальную модернизацию общества и обеспечение мира.

Отечественными и зарубежными экспертами была отмечена выдающаяся роль первого Президента Республики Казахстан Н. А. Назварбаева в выборе оптимального пути и выработке собственной уникальной модели межэтнического согласия, вошедшей уже в историю под названием «Казахстанский путь».

Сегодня деятельность Ассамблеи народа Казахстана рассматривается как институт государственной национальной политики, с одной стороны, и институт гражданского общества, с другой.

Важную роль в процессе активизации исследовательской деятельности, выработке основных направлений научного изучения, мониторинга ситуации в сфере межэтнических отношений, пропаганде казахстанской модели межэтнической толерантности и общественного согласия играет научно-экспертный совет (НЭС) АНК. НЭС преследует цель создания разработок методологического и научно-исследовательского характера, своевременного анализа этнических процессов в Казахстане и за его пределами. В регионах созданы научно-экспертные группы как местные структуры НЭС, научной базой которых являются региональные вузы страны. Все вместе эти органы призваны решать задачи по организации научных исследований, проведению социологических опросов, популяризации идей толерантности, общечеловеческих ценностей, межкультурного диалога среди населения.

Одной из научно-исследовательских и образовательных баз Ассамблеи является Центр по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений центрально-азиатского региона, созданный при Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, основной целью которого является мониторинг межэтнической и межконфессиональной ситуации в центрально-азиатском регионе.

Для работы с молодежью на базе казахстанских вузов созданы кафедры Ассамблеи народа Казахстана, что способствует вовлеченности огромной массы студенчества в атмосферу, аккумулируемую в рамках специальных дисциплин и мероприятий, направленных на духовное единение, согласие, воспитание толерантного сознания и нового казахстанского патриотизма.

Ко всему следует добавить широкую региональную сеть малых ассамблей на уровне областных центров и районов, деятельность которых направлена на дальнейшее совершенствование работы АНК, направленной на решение каждодневных проблем представителей разных этносов, проживающих в Казахстане.

Значение Ассамблеи в жизни Казахстана оценивают представители всех этнических групп, проживающих в республике, через ее участие в формировании идейно-мировоззренческих основ толерантности.

Уникальность созданной Казахстаном модели межэтнической толерантности и общественного согласия и Ассамблеи как ее ведущего института

демонстрирует сегодня совмещение основных трендов – полиэтнический состав населения и унитарность государства, высокий общественно-политический статус и гражданскую инициативу, надполитический характер организации и общую деполитизацию системы межэтнических отношений.

Библиографические ссылки

1. Назарбаев Н. А. Политика мира и согласия. Астана, 2008.
2. Нысанбаев А. Н., Малинин Г. В. Нурсултан Назарбаев. Казахстан – территория мира и согласия // Н. А. Назарбаев – основоположник казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия. Алматы, 2010. С. 205.
3. Дьяченко С. А. Казахстан – межцивилизационный диалог во имя мира и согласия // Ұлтаралық келісімнің Қазақстандық үлгісі: жағдайы мен болашағы. Казахстанская модель межэтнического согласия: состояние и перспективы: научно-практическая конференция 26 февраля 2007 г. Алматы : КИСИ при Президенте РК, 2007. С. 13–15.
4. Байтенова Н. Ж. Мультикультурализм как модель бесконфликтного этносоциального развития // Мультикультурное общество в Казахстане: модели, проблемы, перспективы. Алматы : Ин-т философии и политологии МОН РК, 2002. С. 16.
5. Сейдін Н.Б. Қазақстан халықтары Ассамблеясы – елдің саяси жүйесінің маңызды бөлігі ретінде // Ұлтаралық келісімнің Қазақстандық үлгісі: жағдайы мен болашағы. 89–90 б.

Научное издание

**СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ
В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы Международной
научно-практической конференции

Красноярск, 28 ноября 2019 года

Корректурa и компьютерная верстка *А. А. Быковой*

Подписано в печать 26.05.2020. Печать плоская. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,1. Тираж 100 экз. Заказ № 11301

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
e-mail: publishing_house@sfu-kras.ru